ISSN 1694-5433

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН
ПРЕЗИДЕНТИНЕ караштуу
МАМЛЕКЕТТИК БАШКАРУУ
АКАДЕМИЯСЫНЫН

КАБАРЧЫСЫ

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

НОМЕР 18 **2013**

ISSN 1694-5433

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ПРЕЗИДЕНТИНЕ караштуу МАМЛЕКЕТТИК БАШКАРУУ АКАДЕМИЯСЫНЫН

КАБАРЧЫСЫ

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ежеквартальный научный журнал

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ч.Б. Шамшиев – ректор Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, д.э.н.
Б.С. Абдрасилов – ректор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, д.б.н., к.ф.-м.н., Почетный академик Национальной академии наук Республики Казахстан, академик Национальной академии естественных наук Республики Казахстан, Российской академии естественных наук, Международной академии высшей школы
Н.Н. Лябах – проректор по организации международного сотрудничества Государственного университета управления (г.Москва, Россия), д.т.н., профессор
В.Л. Еремин – первый заместитель директора Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Редакционная коллегия:

С.А. Турсунова – д.э.н., профессор
Т.К. Койчуев – д.э.н., профессор, академик НАН КР
А.О. Орозбаева – д.э.н., профессор
М.Т. Артыкбаев – д.п.н., д.ф.н., профессор
Б.М. Торогельдиева – к.и.н., доцент, ответственный редактор

Номер 18 **2013**

В настоящем выпуске представлены материалы международной научно-практической конференции на тему «Влияние традиционных общественных институтов на политические процессы в Кыргызстане», который проходил 14 декабря 2012 г.

Адресовано преподавателям и студентам вузов, а также широкому кругу читателей.

Мнения, изложенные в публикации, могут не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии журнала «Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики».

© Академия государственного управления при Президенте КР, 2013

Б.М.Торогельдиева
канд. ист. наук, профессор
Академии государственного управления
при Президенте Кыргызской Республики

ВЛИЯНИЕ КУРУЛТАЕВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО КЫРГЫЗСТАНА

In modern Kyrgyzstan idea kurultai, already fairly almost forgotten for 70 years of Soviet rule, the newly acquired aktualnoe sound is reconstructed Institute of the National Assembly. Politcheskaya elite Kyrgyz people initiated the use of traditional institutions in decision-making at various levels, from the local - to Republican. in the one hundred

Кыргызстан – сегодня единственная страна в постсоветском пространстве, перешедшая к парламентско-президентской форме правления (согласно Конституции Кыргызской Республики 2010 г.). Вопреки негативным прогнозам аналитиков, сегодня в республике работает коалиционное правительство, развивается соревновательная, конкурентная демократия, укрепляется партийное строительство, стали реальностью свобода слова и плюрализм мнений. Однако трансформационные изменения в политической, экономической и духовной сфере суверенного Кыргызстана проходят в условиях внешних и внутренних угроз и вызовов. С одной стороны, это глобализационные процессы, а с другой – цивилизационно-культурные особенности развития республики.
Социально-политические трансформации, демократические преобразования в республике показали стремление государствообразующего кыргызского этноса придерживаться этнических традиций и обычаев во всех сферах социальной жизни, начиная с политической арены, заканчивая семейными праздниками.

Пробуждение общественного сознания населения республики способствовало возрождению и традиционных институтов в суверенном Кыргызстане. Собирать курултаи в республике стало своего рода возобновленной традицией. Истоки зарождения курултаев в кыргызском традиционном обществе как института представительной демократии имеют свою давнюю историю. В современном Кыргызстане идея курултая, уже изрядно подзабытого за 70 лет советской власти, вновь приобрела актуальное звучание, происходит реконструкция института народного собрания. Политическая элита кыргызского народа стала инициатором использования традиционных институтов в принятии решений на разных уровнях: с местного до республиканского.

Традиционным институтом народной демократии кыргызского этноса были народные собрания (жыйын), совещания племени (уруунун кенеши), народные советы (элдик кенеш) всего племени или рода, где каждый совершеннолетний мужчина, свободно владеющий оружием, имел право голоса. Каждый член рода или племени мог открыто и свободно высказывать свое мнение. Советы аксакалов, биев и батыров на основе соблюдения народных традиций и обычаев, а также обмена мнениями и внимательного изучения сущности и содержания вопроса выносили решения, которые являлись обязательными для всего народа.

При решении стратегических задач, от которых зависела судьба этноса или племени, созывались бийлер жыйыны (съезды биев), курултаи (собрания, съезды). Курултаи – это яркое отражение демократичности кочевого мира, которое выражало его динамичность и толерантность. Курултай являлся высшим органом народной власти, куда съезжались предводители различных племен и где они могли свободно обсудить назревшие проблемы: вопросы войны и мира, формирования союзов племен, общественного управления, владения земельными наделами и иные важные вопросы, основываясь на обычном праве. Также представители родов держали своеобразный отчет на курултаях о решенных и нерешенных вопросах.

Курултаи, проводимые в современном Кыргызстане на основе проведенного качественного (по целям, задачам, требованиям и составам участников, по месту проведения, по степени влияния на принятие государственных решений) и количественного (по масштабу и количеству участников) анализа можно разделить на всемирные, республиканские, общеэтнические (кыргызского народа), региональные (областные) и родоплеменные.

1. **Всемирные курултаи кыргызского этноса** – это собрания представителей кыргызских диаспор из зарубежных стран для обсуждения проблем и выработки рекомендаций правительству республики в его стремлении оказать помощь этническим кыргызам, проживающим за пределами Кыргызстана. Обращаясь к традиционным институтам, на государственном уровне был проведен I Всемирный Курултай кыргызов в 1993 году и II Всемирный Курултай кыргызов в 2003 году с участием А. Акаева. Задачей этих курултаев было организовать и вовлечь в становление и строительство суверенного Кыргызстана диаспоры кыргызов, проживающих в различных государствах, а также решить проблемы оказания им помощи.

2. Республиканские курултаи обычно проводились по инициативе власти, в частности, президента, для выработки стратегического курса развития страны, где участвовали представители всех этносов, конфессий, а также местных и государственных органов. Проведенные республиканские курултаи по целям, задачам, требованиям и составу участников можно разделить на 2 типа: государственные и оппозиционные.

Государственные курултаи

Ассамблея народа Кыргызстана (АНК) при поддержке президента республики также стала проводить курултаи. Всего в суверенном Кыргызстане проведено семь курултаев АНК.

На I Курултае АНК (1994 г.), учитывая полиэтничность государства, где проживает более 80 этносов, в идеологии республики был провозглашен девиз «Кыргызстан – наш общий дом». В 1998 году президент республики инициирует II Курултай АНК, учитывая происходящий процесс восстановления исторической памяти и обращения к «корням» кыргызского народа. Основой национальной идеологии в Кыргызстане были провозглашены «Семь заветов Манаса».

С 2000 по 2009 год были проведены 6 курултаев АНК, в решениях которых также отражалась поддержка курса президента страны.

Отдельно следует выделить проведенный в республике 24 марта 2010 года Курултай согласия. Масштабы, задачи и принцип выбора делегатов на данном курултае отличались от других подобных собраний. Было выбрано 750 делегатов: по 1 делегату от 441 айыльного округа и 18 поселковых управ, по 3 делегата от каждого из 23 городов районного и областного значения, 10 делегатов от Бишкека и 7 – от Оша, 35 делегатов от зарубежных трудовых мигрантов, 20 делегатов от религиозных конфессий. Участники этого мероприятия хотя и высказали ряд критических замечаний, но в целом поддержали курс президента республики, направленный на построение гражданского общества. В резолюциях Курултая Согласия было отмечено, что данное собрание должно стать постоянно работающим механизмом для выработки рекомендаций президенту страны по вопросам национальной политики.

В июне 2011 года был созван внеочередной VII курултай АНК, в котором приняли участие Президент КР Р.Отунбаева, торага Жогорку Кенеша А.Келдибеков, первый вице-премьер-министр КР О.Бабанов, депутаты Жогорку Кенеша, члены правительства, руководители государственных структур, 800 делегатов от национально-культурных центров и сообществ со всех регионов, представители политических партий, религиозных конфессий, международных и неправительственных организаций, дипломатических корпусов. По итогам работы делегаты курултая единогласно одобрили Концепцию этнической политики и консолидации общества КР.

Курултаи оппозиции

Курултаи собирала и политическая оппозиция. Например, 12 апреля 2008 года в Бишкеке состоялся Народный курултай, организованный движением "За справедливость". В работе курултая приняли участие 1474 делегата со всех регионов Кыргызстана, которые были избраны на местах в феврале и марте 2008 года. В работе курултая в качестве наблюдателей приняли участие представители таких международных организаций, как ОБСЕ, NDI, Европейский Союз, посольства США и Германии в КР. В результате работы Народного курултая были приняты резолюция и решение, где был дан критический анализ политического и социально-экономического развития страны. Но, по нашим наблюдениям, на Курултае чувствовалось недоверие большинства делегатов к руководителям Общественного парламента, обращалось внимание на то, что трое из них – бывшие спикеры парламента (А.Эркебаев, М.Чолпонбаев, О.Текебаев). Делегаты без энтузиазма выслушали большинство докладов выступающих, так как они были все критические, без предложения альтернативных путей и программ развития страны. Курултай закончил свою работу возгласом: «Манас, Манас!», который озвучил на трибуне член Общественного парламента Б.Шерниязов.

Другой курултай оппозиции состоялся 17 марта 2010 года в Бишкеке, его провела объединенная оппозиция, которая выдвинула ряд экономических и политических требований к властям страны. На этом курултае было также принято решение, что если до 24 марта 2010 года их требования не будут выполнены, оппозиция организует местные курултаи, которые установят «истинно народную власть». Последствия проведения таких курултаев закончились известными апрельскими событиями 2010 года. 7 апреля 2010 года, в связи со сложившимися чрезвычайными обстоятельствами в стране, Народный курултай взял всю полноту власти на себя. С этого момента началась новая история суверенного Кыргызстана, когда пал бакиевский семейно-

клановый режим и к власти пришло Временное правительство во главе с президентом переходного периода Р.И.Отунбаевой.

3. Общенациональный (общеэтнический) курултай кыргызского этноса по родоплеменному принципу – это собрание представителей родов и племен, где ставятся и обсуждаются стратегические вопросы развития республики.

В Бишкеке 22 апреля 2010 года в здании Национальной филармонии прошел «V Улуу Курултай» («Великий Курултай»). Со слов организаторов, в работе курултая приняли участие 900 делегатов, представители 40 кыргызских родов из всех областей Кыргызстана, а также из-за рубежа. Организатором этого курултая выступило общественное объединение «Кыргыз Эл биримдиги». Главное требование данного курултая – необходимость внесения изменений в Конституцию Кыргызской Республики о роли Курултая как института власти, имеющего контрольные и надзорные функции. Организаторы данного курултая и выступающие отмечали, что введение института курултая в Конституцию республики является одним из способов политической и экономической стабилизации общества.

Необходимо отметить, что решение данного курултая оказало влияние на включение в новую редакцию Конституции КР, принятую 27 июня 2010 года, статьи 52, в которой говорится, что граждане вправе проводить народные курултаи по вопросам, имеющим государственное и общественное значение. Решение народного курултая направляется в соответствующие органы в качестве рекомендаций.

С 9 по 11 сентября 2011 года в г. Бишкек был вновь проведен Общенациональный курултай в рамках празднования 20-летия независимости Кыргызской Республики и в соответствии с 52 статьей Конституции страны. По итогам работы курултая приняты резолюция и обращение к народу и властям, где было отмечено, что республика находится в политическом, экономическом и духовном кризисе. Власть не смогла оправдать доверие народа из-за отсутствия целенаправленной, последовательной государственной политики, научно обоснованной социально-экономической программы, идеологии, основанной на национальном менталитете, общественно-политическое устройство и государственное управление построены на основе исключительно прозападной модели демократии, что не соответствует культуре кыргызского этноса. По мнению участников Курултая, для вывода страны из системного кризиса требуется коренное изменение отношения к природе власти, основу которой должна составлять подлинно народная демократия – курултай.

По результатам работы курултая был создан Улуттук Кенеш (Национальный совет), состоящий из 41 члена, который должен был осуществлять свою деятельность на основе положения и регламента, принятого на Общенациональном курултае.

Однако доклады, с которыми выступали докладчики, были неконцептуальными, отличались поверхностным анализом экономической, социально-политической ситуации в Кыргызстане. Основное внимание было направлено на популистические вопросы с целью завоевания уважения и поддержки участников курултая. Анализ деятельности организаторов данных курултаев, вкладывающих свои собственные денежные средства, открывших свой Интернет-сайт (http://elkurultai.org), показывает, что все они, за редким исключением, являются теми, кому не достались государственные должности или кто не удовлетворен своим социальным положением.

12 сентября 2011 года, подводя итоги данного Общенационального курултая, совет аксакалов выдвинул требование о необходимости включения института курултая в Конституцию Кыргызстана как контролирующего органа над тремя ветвями власти. 26 ноября 2011 года во Дворце спорта г. Бишкек состоялось второе заседание Общенационального курултая. На повестке дня были вынесены следующие вопросы: (1) Современное состояние и будущее страны. (2) Обсуждение проекта закона «О народном курултае».

В проекте закона «О народном курултае» в ст.13 было предложено Народному Курултаю Кыргызстана дать полномочия высшего координирующего, контролирующего органа народного представительства граждан Кыргызской Республики. По мнению участников данного собрания, в работе народного курултая вправе участвовать представители высших органов государственной власти и местного самоуправления, территориальных, профессиональных, этнокультурных, общественно-политических сообществ Кыргызской Республики с правом совещательного голоса.

По словам членов народного совета, курултай должен существовать на законном уровне, и остальные ветви власти должны быть ему подотчетны. По мнению председателя народного совета курултая К.Кошалиева, «курултай должен стать неким мостом между властью и народом». Председатель исполнительного комитета народного курултая А.Атабаев отмечает: «По Конституции Кыргызстана власть принадлежит народу, но фактически этот закон у нас не работает. Власти вспоминают о народе только перед выборами, а в остальное время народ сам по себе»[1].

Таким образом, требования делегатов общенациональных народных курултаев (кыргызского народа) к роли и юридическому статусу курултая можно разделить на несколько подгрупп.

Принять закон «О народном курултае» на основе ст.52 Конституции КР, где народный курултай должен выступить:

– как контролирующий комитет Жогорку Кенеша;

– как общественный орган и общественный контроль.

Создать двухпалатный парламент, придав одной из палат особый статус «народного вече».

После апрельских и июньских событий 2010 года региональные родоплеменные курултаи кыргызского народа, проводимые от имени 40 кыргызских родов на уровне районов, областей и республики (Общенациональный курултай), стали реальностью для современного Кыргызстана.

4. Региональные (областные) курултаи проводятся во всех областях и в городах Бишкек и Ош, в них участвуют делегаты местных сообществ с целью выбора делегатов на Общенациональный курултай кыргызского этноса.

В Кыргызстане смерть 89 человек в ходе апрельских событий 2010 года всколыхнула общественное сознание населения. В селах, районах и областях республики стихийно происходили сходки и собрания по проведению Общенационального курултая для обсуждения критического состояния страны. В 2011 году в ходе подготовки к

очередному Общенациональному курултаю во всех областях и в городах Бишкек и Ош были проведены курултаи для избрания делегатов на данное собрание. Однако представительство и выбор делегатов в других областях, кроме Таласской области, проследить по информационным данным республики невозможно. Они проходили неорганизованно, в них участвовали только определенные лица.

5**. Родоплеменные курултаи кыргызского народа** – это собрания представителей племени или рода со всех областей республики, на которых обсуждаются вопросы сохранения традиций кыргызского народа, поддержки и развития данных сообществ, а также вырабатываются позиции по отношению к государственной политике.

После апрельских и июньских событий 2010 года и в период президентских выборов 2011 года активизировался процесс проведения республиканских курултаев на уровне больших кыргызских племен и родов. Такая тенденция в республике наблюдалась и в 1993 году, когда шел процесс пробуждения национального самосознания кыргызского народа через обращение к историческим корням. В тот период в ходе «восстановления исторической памяти кыргызского этноса» происходит возрождение трайбалистских и клановых ценностей. По всем областям Кыргызстана можно было наблюдать процесс уточнения родословных своих племен – «санжыра», где нужно было отразить величие тех родов, к которым принадлежали видные политические деятели страны; стали появляться сообщества земляков (сородичей), наблюдались попытки проведения родоплеменных съездов, призывы к сохранению чистоты генофонда народа.

В 2004 году было создано общественное объединение «Черик-Ата». Председателем правления данной некоммерческой организации был назначен А.Оморов. Согласно уставу данной организации были определены задачи объединения: создание условий для жителей (на кыргызском языке – тургундар) Нарынской области и г. Бишкек в развитии экономики, культуры, образования, взаимопомощи через участие членов организации в местных, областных, республиканских общественных мероприятиях на правовой основе.

После апрельских и июньских событий 2010 года в республике вновь произошло «возрождение» интереса к традиционным институтам, но уже на другом уровне. Так, в 2011 году в республике состоялись курултаи больших кыргызских племен: солто, жетиген, саруу, найман и т.д.

10 февраля 2011 года в г. Бишкек состоялся курултай племени саруу, куда съехались представители этого сообщества из Таласского, Бакай-Атинского, Аксыйского, Джеты-Огузского районов и Чуйской области. В работе курултая приняли участие 32 человека. Были избраны Аксакал кенеши (Совет аксакалов) – 18 человек (наиболее авторитетные и уважаемые личности этого племени); координаторы по областям; женский совет. Внутри племени (уруу) саруу есть много подродов (урук). В каждом подроде были назначены свои президенты. В Министерстве юстиции КР было зарегистрировано общественное объединение «Саруу-ата коому». Цель данного сообщества, по мнению руководителей, – достижение единства и сплоченности кыргызского народа и преодоление регионализма, так как представители рода живут во всех областях и районах Кыргызстана.

Сообщество рода солто возглавил ученый М.Жаманбаев. В этом роду также избраны руководители подродов (уруков). Один из руководителей подрода солто, заместитель генпрокурора К. Кожоналиев, сказал кыргызскому сетевому изданию Vesti.kg, что

нынешняя тенденция объясняется тем, что функциональность избираемых родовых лидеров может стать эффективнее. По его мнению, «Ни политические партии, ни правительство не уделяют достаточно внимания многим насущным проблемам. У жителей всех областей страны начался процесс самоидентификации и организационного установления глав родов. В данном случае представители рода солто как превалирующего, например, в Чуйской области выбирают своего лидера» [2]. По мнению лидера племени солто Д.Молдоева, «Власть не отчитывается, она не выполняет свои функции, и задача племенных объединений защищать интересы сообществ» [3].

Общественное объединение «Нойгут – Ак-Балта» возглавил А.Парманов, авторитетная личность рода нойгут. Он пишет: «Хочу, чтобы мой народ нойгутов был образован и талантлив» [4].

По всей республике в 2011 году стали проводиться курултаи кыргызских родов и племен, где выбирались лидеры этих сообществ. Лидерами и руководителями становятся известные и уважаемые в этом роду или племени личности. Под названием этих родов и племен создаются общественные объединения с регистрацией в Министерстве юстиции КР. Целью таких сообществ, по мнению организаторов, является сохранение традиционных ценностей кыргызского народа: взаимоподдержка, взаимопомощь, уважение достоинства личности, сохранение нравственности, бережное отношение к достижениям духовной и материальной культуры и т.д.

Таким образом, традиционный институт курултаев за 20 лет становления суверенного Кыргызстана стал своеобразным общественным социальным институтом, обеспечивающим активное участие граждан в обсуждении и в принятии решений.

Причины проведения народных курултаев (обращения вообще к традиционным институтам) в Кыргызстане многообразны. Во-первых, это распад марксистско-ленинской идеологии, где идея коллективизма была близка кыргызскому традиционному обществу, привел к поиску новой идентичности граждан республики. Но отсутствие общей идеологии и стратегии развития кыргызстанского общества на общих ценностях, слабость политической воли в продвижении провозглашенных программ и лозунгов развития Кыргызстана привели к системному политическому кризису республики (март 2005 года, апрель 2010 года) и возрождению традиционных институтов.
Во-вторых, коррумпированность власти, безработица и трудовая миграция, отсутствие прозрачности в деятельности государственных органов, подбор и расстановка кадров государственной власти осуществляются не по профессиональным качествам, а по партийной принадлежности либо патронажным связям, что ведет к ослаблению авторитета самой власти. Возникшие проблемы не решаются и на местном уровне. Так, большинство сельского населения республики обращаются с возникшими проблемами в суды аксакалов, а не в судебные органы и т.д.

В-третьих, региональное и клановое деление республики политической элитой ведет к сегментации кыргызстанского общества, что актуализирует необходимость формирования его единой гражданской идентичности.

В-четвертых, общеэтнические и региональные курултаи кыргызского этноса инициируются отдельными общественными лидерами, бывшими депутатами и государственными деятелями (теми, кому при очередной «дележке» не достался

желаемый портфель), коррумпированными госчиновниками, стремящимися избежать ответственности. Курултаи ими используются как площадка для манипуляции этническим самосознанием и естественным патриотизмом граждан, компенсации своих неудач и удовлетворения своих амбиций путем организации курултаев и выдвижения популистских требований.

Вместе с тем, в проведении общенациональных и региональных курултаев можно выделить и рациональное – это поиск путей дальнейшего развития Кыргызстана на основе согласия и стабильности кыргызстанского общества, преодоления противоречий по региональным, клановым и этническим признакам. Эти курултаи пытаются противостоять процессам глобализации в условиях рыночной экономики, сохранить этнические традиционные ценности, такие как взаимопомощь, взаимоподдержка и т.д., свойственные кыргызскому этносу.

Митинг с требованием принятия закона «О народных курутаях», прошедший у здания правительства 12 января 2012 года, ясно показал, что патриотические чувства, поиск собственной идентичности в глобализирующемся мире привели на митинг кыргызскую творческую интеллигенцию (Ж.Кадыралиев – художник, Б.Турар – писатель и т.д.). Они выражали свое неприятие чуждых ценностей массовой культуры. Но «дирижерами» этих требований были политические деятели, жаждущие власти.

Весь период времени до принятия Жогорку Кенешем закона «О народных курултаях» курултаи организовывались с целью придания им статуса контролирующего органа над всеми ветвями власти. На народном курултае по требованиям выступающих должны были бы отчитываться президент страны, премьер-министр и т.д. Но уровень проводимых курултаев не соответствует современным требованиям. Доклады по экономическим, политическим и социальным проблемам, озвученные на курултаях, основаны больше на эмоциях, популистских лозунгах, мифах, а не на рациональном научном анализе.

Даже процедура выборов делегатов на курултаи различается по организованности и репрезентативности в разных регионах республики. Имеются данные о том, что лоббировались кандидатуры делегатов, представляющих интересы организаторов курултаев – коррумпированных государственных чиновников, желающих избежать ответственности и стремящихся во власть, организованных преступных группировок (ОПГ) и т.д.

В новой редакции Конституции Кыргызской Республики, принятой в 2010 году, была введена статья 52 «О народных курултаях». В ней прописано, что курултаи имеют право вынесения решений рекомендательного характера. Проект Закона «О народных курултаях» также подтвердил данный статус, и это соответствует мировому опыту.

12 января 2012 г. Жогорку Кенеш рассмотрел проект закон «О народном курултае». Данный закон предусматривает порядок формирования и деятельность в республике народных курултаев. Курултаи определены как институт общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления и органов государственной власти. Их решения будут иметь консультативный и рекомендательный характер. Проект Закона предусматривает закрепление трех уровней народных курултаев: айыльного округа и города; района, области, городов Бишкека и Оша; Курултай народа Кыргызстана. Автор проекта закона о курултае депутат К.Иманалиев пишет, что в целях недопущения превращения курултаев в собрание так называемых "дежурных" и

их бюрократизации при избрании делегатов предусматривается принцип постоянной ротации, то есть для каждого курултая будут проводиться новые выборы делегатов. При этом право на избрание делегатов народных курултаев принадлежит только гражданам, проживающим на соответствующей территории айыльного округа, района, города или области[5].

Таким образом, проводимые курултаи в современном Кыргызстане отличаются по целям и задачам. Если республиканские курултаи, организованные властью, стали площадкой для диалога власти и общественности, инструментом для принятия идеологии, обсуждения стратегических вопросов развития Кыргызстана и поддержки курса, предложенного президентами республики, то курултаи, проводимые оппозицией, стали площадкой критики власти, институтом общественно-политического воздействия на него. Общенациональные и региональные курултаи кыргызского этноса стали трибуной озвучивания политических требований и решения кадровых вопросов.

Сегодня в Кыргызстане действует парламентская форма правления, которая предполагает соревновательную и конкурентную демократию. В республике активизируется партийное строительство, и желающие участвовать в управлении могут формировать свою электоральную поддержку через партийную деятельность, формируя демократическую политическую культуру кыргызстанского общества.

Список использованной литературы

1. Совет аксакалов требует включить Курултай в Конституцию Кыргызстана//http://news.mail.ru/inworld/kyrgyzstan/politics/6791239/ http://elkurultai.org/index.php?option=com_content&view=article&id=22%3A-2010-&catid=1%3A2011-01-28-15-07-44&Itemid=1
2. В.Панфилова: Киргизы ставят на лидера рода. Перед выборами в республике обостряются межклановые противоречия08:54 14.07.2011//http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1310619240
3. Там же.
4. Мен нойгуттунуулумун// Баткен таны.21.11.2011
5. Парламент принял в первом чтении Закон "О народных курултаях"//http://www.vb.kg/?topic=174966
6. Торогельдиева Б.М. Политическая культура кыргызского народа: формирование, состояние и перспективы. – Б.: Турар, 2008.
7. Жумалиев К. Трайбализмдин улууттук кризиси // Ферганская долина – долина дружбы и взаимосогласия. – Б.: Мурас, 1998. – Б. 208–211.
8. Народы Средней Азии и Казахстана. Т.II. – М., 1963. – С. 176-177.
9. PiotrZalenski «Kulturapolitycznawiezi w AzjiCentralnej». – Warszawa, 2011. – С. 439.
10. Нурбеков К.Н. История государства и права Киргизской ССР. – Фрунзе, 1982. – С. 64-65.

А.А.Арзыматова
докт. ист. наук, профессор,
зав. кафедрой “История стран
Европы и Америки”
КНУ им. Ж.Баласагына

РЕАНИМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ И ПОПЫТКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

In this article the issue is addressed to inexpedience of revival of traditional kurultai as another form of representative power, advocated by some political groups. Author concludes that traditional institutes and forms of organization of political and social life as national kurultai and mahallas, are obsolete in XXI century and do not work on integration of society and progress of Kyrgyzstan.

После 7 апреля 2010 года в процессе обострения борьбы за власть между старым и новым всегда поднимаются вопросы, уводящие общество от насущных проблем. Таковыми сегодня являются темы народных курултаев.

Попытки формирования общественного мнения об острейшей необходимости создания регулярных народных курултаев и даже, по предложению некоторых лидеров парламентских партий, оформления их как верхней палаты Жогорку Кенеша – не более чем попытки усложнения, распыления и рассредоточения сформированных уже структур власти с целью их ослабления и ухода с политической арены.

Будирование темы «народных курултаев» – это попытки реализации неудавшихся политических амбиций многих деятелей или их желания находиться на «плаву» в политическом процессе. Функционирование «народных курултаев» – это для них возможность постоянной игры, манипуляций «мнением народа», реализации узких корыстных интересов тех или иных противоборствующих групп. Это большая опасность схода с пути стабилизации и институционализации на путь хаоса и охлократии. Здесь ясно, что любая власть нуждается в общественном контроле, но также и ясно, что необходимо, чтобы этот общественный контроль не вылился во власть толпы. А это вполне возможно в традиционном обществе, очень легко поддающемся различного рода махинациям и манипуляциям (финансовым, клановым, узкоэтническим, ура-патриотическим и т.д.) со стороны опытных политиков-демагогов. Сможет ли в таких условиях народный курултай выполнить свою сущностную роль как форма социальной активности народа или он превратится во власть толп, размахивающих постановлениями народных собраний?

Проблема «народного курултая» как элемента традиционной политической культуры, культуры кочевого общества – это данность и терминология ушедшего времени. Сегодня она заменена, как известно, категорией «парламент», куда уже делегированы полномочия народа как единственного источника власти в демократическом обществе. Поэтому тематику «народного курултая» можно рассматривать как попытку создания института параллельной власти. Такие процессы появляются всегда, когда легитимная

власть слаба, нерешительна и не использует в полной мере своих полномочий и рычагов влияния, данных законом. Подобных примеров в мировой истории достаточно. В той же Франции учреждения параллельной власти существовали трижды: на пути борьбы третьего сословия за свои права и на пути утверждения республиканской формы правления:

1. 1715-1718 гг. – период смены власти королей. Институт параллельной власти – парижский парламент был противовесом власти малолетнего монарха Людовика XVI.

2. 1792-1794 гг. – институт параллельной власти: Парижская Коммуна, созданная якобинцами, в противовес Законодательному собранию Франции. Именно под руководством Парижской коммуны как органа столичного самоуправления была совершена вторая революция 10 августа 1792 г. Законодательное собрание было переименовано в Национальный Конвент, который узурпировал затем исполнительную власть. Политический процесс в стране перешел на стадию крайней радикализации и террора.

3. 1871 г. – Парижская коммуна, параллельная власть в противовес «правительству национальной обороны», во время франко-прусской войны.

Курултаи как одна из многих форм социального участия народа в управлении государством, естественно, необходимы, но как еще одна форма представительной власти они абсолютно не нужны.

Возникновению и присутствию проблемы курултаев в политическом процессе во многом способствует деятельность самого законодательного органа Кыргызстана – Жогорку Кенеша.

Как мы помним, после 7 апреля 2010 года в Кыргызстане предполагалось два пути развития: будет ли это периодом увеличения хаоса или периодом стабилизации и институализации. В реализации второго пути лидеры революции инициировали коренные политические реформы по демонтажу прежней политической структуры власти и политического режима. Были распущены парламент, правительство, провозглашен переход от президентской формы правления к парламентской и объявлены выборы в новый парламент.

Ход и результаты парламентских выборов 10 октября 2010 г. показали, что процесс реальной замены старой власти новой, переход к новому парламентскому типу политического режима не так уж прост и прямолинеен. Многие лидеры апрельской революции остались на обочине властной пирамиды, представители ушедшего режима оказались в первых рядах новой власти. Но это можно считать закономерным явлением как парадокс и проявление «детских болезней» в становлении европейских институтов на традиционной почве с нижайшей политической культурой и политическим сознанием большинства народа, к тому же, обремененного экономическими проблемами выживания.

Результаты парламентских выборов в Кыргызстане удивили всех. Но это было также ожидаемо в условиях полнейшей свободы и отсутствия административного ресурса. Но, в то же время, такого никто не мог предположить. Ведущие революционные

партии были уверены в автоматической победе и завоевании лидирующих позиций на выборах в парламент.

Поэтому поствыборный политический процесс в Кыргызстане усложнился многократно. С одной стороны, не прошедшие в парламент политические партии путем создания перманентной бузы, манипулируя «мнением народа», стремились пересмотреть свое поражение и добиться парламентской трибуны. Их политика, по сути, была направлена на создание политического кризиса.

С другой стороны, внутрипарламентский процесс до сих пор не менее сложен. Лидеры партий коалиционного большинства, партий оппозиции, да и некоторые депутаты живут старыми конфликтами, что постоянно порождает новые коллизии. Поэтому внутрипарламентский процесс никак не может объединиться в единый формат в интересах государства, народа. Это происходит, на наш взгляд, в силу отсутствия у многих политических деятелей такого важнейшего элемента политической культуры, как «демократический самоконтроль» (термин, введенный И.Шумпетером) Демократический самоконтроль, считал Шумпетер, – это рационально осознанная потребность в добровольном самоограничении каждого участника политического процесса. А демократическое самоограничение – это осознание того, что некоторое действие, вполне легальное и допустимое в данной конкретной ситуации, может не принести пользу общему делу. Консенсус достигается пониманием общих ценностей и принципов функционирования политической системы, а также тем, что правящая группа, оппозиция и все конфликтующие группы превыше всего должны ставить национальные интересы.

В кыргызском парламенте, в некоторых случаях, законодательный орган пытается захватить полномочия исполнительной власти, осуществлять контроль над ней. Это порождает часто вспыхивающие склоки, неконструктивные перепалки и непозитивные настроения в обществе.

Но народ, в принципе, не волнует внутриполитическая борьба за власть, его больше волнует, сколько стоит хлеб, есть ли работа, жилье и т.д. Поэтому противники новой власти в борьбе за власть всегда в первую очередь формируют социальные факторы недовольства (за исключением, если они не сложились годами). Так было, например, перед свержением Н.Хрущева в 1964 г. Народ постепенно готовили к этому: из магазинов исчезали продукты первой необходимости, вводилась «карточная система» обеспечения продовольствием. Но после «ухода» Хрущева «попридержанное продовольствие» сразу же появилось в изобилии. Поэтому искусство, умение и сила политики власти – не дать возможность ушедшему режиму манипулировать социальной тематикой.

В Кыргызстане существует еще один институт традиционного общества – махалли. На наш взгляд, как показали события июня 2010 года в городе Ош, они не способствуют процессам интеграции общества в межэтнической сфере.

Жестокие межэтнические столкновения были спровоцированы ярыми противниками новой власти и были следствием совершенного отсутствия реальной государственной политики в национальной сфере в течение последних 20 лет суверенного развития.

Существовавшая квази-национальная концепция «Кыргызстан – наш общий дом», как показали итоговые события, оказалось формальной, политизированной и ситуативной. Поэтому в процессе формирования концепции национальной политики новой власти среди множества других проблем одним из принципиальных и смысловых аспектов, на наш взгляд является проблема сохранить или не сохранить махалли как исторические, традиционные территории замкнутых этнических сообществ. Эта проблема активно обсуждается в обществе – нужно ли воспроизводить, т.е. строить вновь разрушенные в июне 2010 г. узбекские махалли. Вопрос этот кажется простым и непринципиальным, но, по сути, это вопрос будущей стабильности и развития многонационального государства. Сторонники сохранения махаллей рассматривают их просто как многовековые традиционные формы проживания отдельных этносов. Но практика показала, что махалли как замкнутые единицы не работают на интеграцию внутри многонационального государства и они в любой момент могут стать готовым орудием в борьбе за власть, причем в наиболее жестокой и кровавой форме. К тому же есть в истории пример формирования американской нации, когда молодое американское государство запретило расселение прибывающих иммигрантов по этническому признаку.

Взаимоотношения государствообразующей нации и других народов, проживающих в многонациональном государстве, – это всегда очень нюансированный, сложный и многомерный вопрос государственной политики любой страны. Эти проблемы наиболее активизировались в начале XXI в. во многих странах мира. Провал политики мультикультурализма, т.е. политики заигрывания с национальными меньшинствами в псевдодемократию, был объявлен во Франции, Германии, Великобритании. В частности, премьер-министр Великобритании Кэмерон заявил, что попытки создать в Британии мультикультурное общество провалились, поэтому его стране нужна сильная национальная идея, которая сплотила бы всех граждан, в том числе и мусульман. При этом Кэмерон подверг критике своих предшественников – лейбористов, которые пассивно наблюдали за тем, как умеренные мусульманские организации способствовали образованию замкнутых общин единоверцев, не разделяющих ценностей британского общества. Повышенная забота европейцев о культурной идентичности иммигрантов привела к параллельному развитию исламских культурных традиций, и это стало угрожать не только социально-политической стабильности Европы, но и ее целостности (известные погромы в Лондоне, в Париже, в городах Германии…).

Распространяя вышесказанное на Кыргызстан, мы тоже можем сказать, что политика спекуляций в национальной сфере может стать одним из условий исчезновения Кыргызстана как государства.

Таким образом, вышеобозначенные традиционные институты и формы организации политической социальной жизни общества, на наш взгляд, являются устаревшими для XXI века и не работают на прогресс Кыргызстана.

С.К.Косаков
канд. юр. наук,
зав. кафедрой конституционного права
Юридического института
Кыргызского национального университета
им. Ж. Баласагына,
профессор, засл. юрист КР

КУРУЛТАЙ КАК НАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ ОРГАН СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Kurultay - as the national consultative and coordinating body of social control in the mechanism of state power.

Надо признать, что сегодня в современном мире рост популяционной сферы приложения власти, бесконечное разнообразие потребностей, свершившийся технологический переворот привели ко все более явственному доминированию технологичной модели государственной власти. Иначе говоря, властные возможности не связываются напрямую с носителем суверенитета, а зависят от сосредоточенности в руках экономических и политических рычагов у элиты, преимущественно богатых людей, позволяющих наиболее эффективно, на их взгляд, осуществлять управление государством при сохранении внешних конструкций конституционно-правовых атрибутов народовластия. Данное явление проявляется в мире повсеместно, и сегодня Кыргызстан – не исключение. В силу указанных обстоятельств устанавливается так называемая «контролируемая демократия». Эта «демократия» проявляется, когда большинство субъектов, в том числе и народ, оттесняется от процесса принятия и реализации решений, выступает не как субъект, т.е. участник, а как объект властвования. В процессе глобализации в мире внедряется постулат, будто правление управленцев – тот тип самоорганизации, который соответствует новому типу общественного развития. Сегодня на партийной основе управления показывают, а в советское время показывали неэффективность подчинения всего общества к партийной форме управления обществом. Примером этого является Послание Президента РФ В.В.Путина, в котором намечается переход России в будущем к смешанной форме выборов.

Всякое современное общество исходит из постулата о том, что единственным источником государственной власти является народ. Так почему бы не предоставить право народу непосредственно участвовать в процессе обсуждения и принятия вопросов общегосударственного и местного значения? Курултай поможет установить прямой диалог населения с властью. В демократическом обществе государству необходим институт социального контроля над деятельностью органов местного самоуправления и органов государственной власти в форме народного курултая.

Если говорить о курултае как институте власти, распространенном у кочевых народов, то он был одним из эффективных механизмов привлечения населения к

осуществлению власти. Если говорить об истории кыргызов, то известно, что Великий Манас все важные вопросы решал через Курултай, и его решения были обязательными для Манаса и для кыргызов.

Эту форму народовластия использовал Чингизхан, когда принималась Великая Яса Чингизхана, т.е. фактически Конституция Чингизхана, которая была обнародована на Великом Курултае в 1206 году одновременно с провозглашением Темучжина Чингизхана правителем всей Великой степи.

На связь института Курултая и Конституции указывает и тот факт, что в свое время в июле 1922 года III Курултай Хорезмской Советской Народной Республики принял Конституцию этой республики [1].

Даже в недалеком прошлом в Конституции Кыргызской Советской Социалистической Республики от 21 апреля 1978 г. содержалась специальная 81 статья об органах народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся [2].

В практике современной истории Кыргызстана Курултай постоянно присутствует как форма народовластия. В политическом процессе Курултай использовали Президенты Кыргызстана А.Акаев, К.Бакиев, Р.Отунбаева. О Курултае говорили известные общественные деятели Кыргызстана М.Байджиев, А.Келдибеков, Ф.Кулов, А.Мадумаров и др.

О поддержке Курултая высказывались выдающиеся деятели Кыргызстана Т.Усубалиев, К.Кондучалова, С.Эралиев, С.Жусуев, К.Акназаров и др., свыше 50 человек, и они направили свое обращение Президенту, ЖК, Правительству и всем политическим партиям и гражданскому обществу.

В условиях Кыргызстана одним из эффективных механизмов в регулировании государственно-правовых процессов является традиционно-народный институт – Курултай.

Впервые институт народного Курултая был закреплен в Конституции Кыргызской Республики 2007 года. В ней говорится, что «граждане Кыргызской Республики по вопросам деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, по другим важным вопросам вправе проводить народные курултаи, являющиеся исторической традицией кыргызов. Решения народного Курултая направляются в соответствующие органы в качестве рекомендаций» (п.2. ст. 23) [3].

В действующей Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года предусмотрено, что «граждане вправе проводить народные курултаи по вопросам, имеющим государственное и общественное значение. Решение народного курултая направляется в соответствующие органы в качестве рекомендаций. Порядок проведения народных курултаев определяется законом (п.2, ст. 52)» [4].

Однако в настоящее время в республике отсутствует законодательный акт, регулирующий порядок формирования и деятельности народных курултаев.

В период реформы местного самоуправления 1996-2001 годов Указом Президента Кыргызской Республики от 2 мая 2001 года УП № 152 было утверждено Положение «О народном курултае представителей местного сообщества», которое регулирует порядок созыва народного курултая в местных сообществах аилов (сел), поселков и городов [5]. Но данный нормативный правовой акт в настоящее время устарел и не отвечает требованиям сегодняшнего дня. К тому же следует учитывать, что органы местного самоуправления и местные государственные администрации практически не руководствуются им в своей деятельности.

По просьбе Национального Совета Народного Курултая Кыргызстана в октябре 2010 года нами был разработан Проект Закона «О народных курултаях».

Проект Закона «О народных курултаях» был передан в январе 2011 года Председателю Совета Национального Курултая К. Кошалиеву. Позже были разработаны проекты Закона «О Народном Курултае» депутатами ЖК КР К.Иманалиевым, К.Бокоевым, Н.Нарматовой.

Проект, разработанный нами, был обсужден во всех регионах Кыргызстана, рассмотрен представителями всех регионов Кыргызстана, одобрен и был принят 11 сентября 2011 г. VI Национальным Курултаем Кыргызстана, состоящим из 1000 делегатов (представителей) всех регионов Кыргызстана, с некоторыми дополнениями и изменениями он был направлен на рассмотрение Жогорку Кенеша КР. Авторами данного проекта были С.Косаков, Б.Борубашов, депутаты ЖК К.Иманалиев, К.Осмонов, К.Осмоналиев, К.Кошалиев, торага Национального Кенеша Народного Курултая Кыргызстана, члены Совета Национального Кенеша Народного Курултая Кыргызстана Б.Жумабаев, А.Алымбаев, А.Атабаев.

Особо следует остановиться на проекте Закона «О Народном Курултае» депутата ЖК Ф.Кулова, содержание которого сильно отличается от других, принятие которого мы считаем на сегодня неприемлемым. Проект народного курултая Ф.Кулова – некий симбиоз двухпалатной системы Парламента. По его мнению, Курултай должен быть верхней палатой двухпалатной системы Парламента Кыргызстана.

Проект Национального народного курултая был рассмотрен соответствующим Комитетом ЖК КР (пред. Д.Бекешов), была создана рабочая комиссия в составе депутатов ЖК КР К.Иманалиева, К.Бокоева и членов Национального Совета К.Кошалиева, С.Косакова, Б.Борубашова. Рабочая комиссия разработала согласованный проект, этот проект был представлен для рассмотрения на сессии ЖК КР. 12 января 2012 г. Жогорку Кенешом КР Проект Закона был обсужден и принят в первом чтении. Голосовали: за – 67, против – 20, 33 депутата отсутствовали.

Проект Закона «О народных курултаях», принятый Жогорку Кенешом КР в первом чтении, до сих пор не рассмотрен во втором чтении, хотя он должен был быть поставлен на второе чтение через месяц согласно Регламенту Жогорку Кенеша КР.

В связи с тем, что институт народного Курултая впервые внедряется в практику государственного строительства Кыргызстана, а проект Закона – совершенно новое

слово в истории законотворчества государственных органов Кыргызстана, вкратце остановимся на содержании этого проекта.

Проект Закона состоит из 22 статей, разделенных на 4 главы. В I главе «Общие положения» предусматривается предмет регулирования Закона «О народных курултаях» и закрепляется, что предметом регулирования Закона являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на участие в обсуждении и принятии решений по вопросам республиканского значения.

В ней определяется, что курултай – это представительная форма участия граждан в управлении делами местного сообщества, в обсуждении и принятии решений по вопросам республиканского и местного значения, осуществляемая путем избрания ими делегатов Курултая.

Задачами курултае, как указано в этой главе, являются осуществление диалога сообществ, составляющих народ Кыргызстана, установление двухсторонней связи и обмена мнениями между властью и гражданами, достижение национального согласия, выработка согласованной позиции и рекомендации соответствующим органам при принятии важнейших государственных решений.

В проекте указывается, что система курултаев состоит из: 1) курултая местного сообщества айылского аймака и города; 2) курултая местных сообществ района, города Ош и города Бишкек; 3) курултая народа Кыргызстана.

Во II главе Проекта Закона «О курултаях» указывается порядок проведения курултая местного сообщества.

Для принятия коллективных решений по важнейшим вопросам местного значения, требующих обсуждения с членами сообщества, на территории каждого аильного округа, городов созываются народные курултаи из числа представителей местного сообщества, избранных на сходах (собраниях) граждан делегатами курултая.

Для принятия коллективных решений по важнейшим вопросам районного, областного значения, требующих обсуждения с членами местных сообществ, в районах, областях, в городе Бишкек, в городе Ош созываются народные курултаи из числа представителей всех местных сообществ соответствующих административно-территориальных единиц.

Народный курултай местного сообщества проводится не реже одного раза в год.

В проекте Закона предусматриваются нормы представительства в курултае местного сообщества (ст. 10).

Делегаты на курултай айыльного аймака, города, района, городов Бишкек и Ош избираются с учетом количества членов местного сообщества (численности населения) населенных пунктов, входящих в состав соответствующей административно-территориальной единицы, согласно норме представительства, установленной настоящим Законом.

Установленная норма представительства на курултай при количестве членов местного сообщества (численности населения) населенных пунктов:

1) от 500 до 2000: 50-100 делегатов;
2) от 2000 до 5000: 100-150 делегатов;
3) от 5000 до 10000: 150-200 делегатов;
4) от 10000 до 30000: 200-250 делегатов;
5) свыше 30000: 300-400 делегатов;
6) город Ош и город Бишкек – 400-500 делегатов.

Курултаи местного сообщества могут рассматривать все важные вопросы местного сообщества, включая:

– принятие Устава местного сообщества, внесение в него изменений и дополнений;

– утверждение основных принципов и правил организации самофинансирования, самообеспечения и саморегулирования на территории местного сообщества;

– формирование, выполнение и использование местного бюджета а также внебюджетных средств местного сообщества;

– проекты программ социально-экономического развития территории и социальной защиты местного населения;

– заслушивание отчетов глав органов местного самоуправления, а также глав местных государственных администраций и деятельности исполнительных органов по претворению в жизнь решений курултая;

– установление основных правил и мер по охране общественного порядка, соблюдению экологических и санитарных требований, организации празднеств, религиозных обрядов и различных публичных мероприятий и других мероприятий, которые могут повлиять на состояние жизнедеятельности местного сообщества;
– установление обязательных норм по несению общественной службы членами местного сообщества в чрезвычайных ситуациях и других условиях, требующих мобилизации сил и средств местного сообщества в общественных интересах;

– рассмотрение иных вопросов, не противоречащих законодательству Кыргызской республики и Уставу местного сообщества, вопросов, касающихся жизнедеятельности местного сообщества.

Решения курултая местного сообщества по вопросам жизнедеятельности местного сообщества, не противоречащие законодательству Кыргызской Республики и Уставу местного сообщества, направляются в соответствующие органы в качестве рекомендаций.

В главе III проекта Закона «Курултай народа Кыргызстана» подробно урегулированы порядок проведения Курултая народа Кыргызстана.

Как указано в ст. 16 Проекта Закона, Курултай народа Кыргызстана является всенародным собранием представителей граждан Кыргызской Республики.

Курултай народа Кыргызстана обеспечивает согласование общественно значимых интересов граждан Кыргызской Республики, местных сообществ, органов местного самоуправления и органов государственной власти в целях решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития общества и государства, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, развития гражданского общества.

Заседание Курултая народа Кыргызстана проводится один раз в год в апреле месяце.

Курултай народа Кыргызстана созывается по решению президиума Курултая народа Кыргызстана.

Внеочередное заседание Курултая народа Кыргызстана может созываться Президиумом по своей инициативе, по требованию не менее 1/3 делегатов от общего состава Курултая народа Кыргызстана или по предложению Президента Кыргызской Республики, Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, курултаев представителей местных сообществ районов, городов Бишкек и Ош.

В состав Курултая народа Кыргызстана входят:

1) по одному делегату от курултаев местных сообществ каждого айыльного аймака и города;

2) 50 делегатов от курултая местного сообщества города Бишкек;

3) 50 делегатов от курултая местного сообщества города Ош;

4) 70 делегатов от общественных объединений;

5) 30 делегатов от Ассамблей народа Кыргызстана;

6) 30 делегатов от творческих союзов;

7) 35 делегатов от научных и образовательных учреждений;

8) 30 делегатов от трудовых мигрантов за рубежом.

Делегаты от айыльных аймаков и городов избираются на курултаях местных сообществ соответствующих территорий, проводимых в соответствии с настоящим Законом.

Делегаты от трудовых мигрантов за рубежом избираются общественными организациями, созданными в установленном порядке в иностранном государстве гражданами Кыргызской Республики на основе общности их интересов.

Делегаты от общественных объединений, Ассамблей народа Кыргызстана, творческих союзов, научных и образовательных учреждений избираются соответствующими органами управления организации, представляющей интересы соответствующего сообщества, по квотам, определяемым пропорционально количеству членов.

Делегаты Курултая народа Кыргызстана избираются сроком на три года. Делегатам выдается документ, подтверждающий мандат обладателя документа. Мандат делегата Курултая народа Кыргызстана выдается Секретариатом Курултая народа Кыргызстана и действителен со дня его избрания. По истечению предусмотренного срока полномочий делегат Курултая народа Кыргызстана сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранного нового состава Курултая народа Кыргызстана.

Делегатами Курултая народа Кыргызстана могут быть граждане Кыргызской Республики и граждане, проживающие за пределами Кыргызской Республики, достигшие 21 года.

Делегатами Курултая народа Кыргызстана не могут быть государственные и муниципальные служащие, включая депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики и местных кенешей; лица, признанные решением суда недееспособными; лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы; а также лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – ограничение свободы.

В соответствии с проектом Закона «О курултаях» (ст. 19) Курултай народа Кыргызстана рассматривает и принимает решение по вопросам:

1) выработки рекомендаций органам государственной власти по основным направлениям внутренней и внешней политики государства; социально-экономического и общественно-политического развития Кыргызской Республики;

2) осуществления общественно-народного контроля за деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления;

3) целесообразности изменения административно-территориального деления Кыргызской Республики;

4) целесообразности внесения изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики;

5) целесообразности проведения референдума (всенародного голосования);

6) экологии, рационального использования природных ресурсов;

7) развития национальной культуры, языка и возрождения культурного наследия и традиций кыргызов и наследия народов, проживающих в Кыргызстане;

8) укрепления межконфессиональных и межэтнических взаимоотношений;

9) воспитания и образования молодежи;

10) взаимоотношения государства и общественно-политических организаций.

Курултай народа Кыргызстана:

1) заслушивает информацию о деятельности государственных органов и должностных лиц, глав органов местного самоуправления и местной государственной администрации о деятельности соответствующих государственных органов;

2) обсуждает по предложению Президента Кыргызской Республики, Торага Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, Правительства Кыргызской Республики иные важные вопросы государственного и общественного значения.

В работе Курултая народа Кыргызстана вправе участвовать с совещательным голосом Президент Кыргызской Республики, депутаты Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, Премьер-министр Кыргызской Республики и члены Правительства Кыргызской Республики.

1. Решения Курултая народа Кыргызстана принимаются большинством голосов от общего числа делегатов Курултая.

2. При рассмотрении инициативы 1/3 делегатов Курултая народа Кыргызстана о выражения недоверия Премьер-министру Кыргызской Республики, Правительству Кыргызской Республики, отдельному члену Правительства Кыргызской Республики решение Курултая о выражении недоверия принимается двумя третями голосов всех делегатов, присутствующих на Курултае.

3. Решения народного курултая направляются в соответствующие органы в качестве рекомендаций.

4. Решения Курултая народа Кыргызстана могут быть реализованы Президентом Кыргызской Республики, Жогорку Кенешем Кыргызской Республики, Правительством Кыргызской Республики, органами местного самоуправления, местными государственными администрациями в соответствии с их полномочиями, установленными Конституцией Кыргызской Республики и законами.

В IV главе проекта Закона «Заключительные положения» предусмотрены порядок вступления в силу Закона в случае, если этот проект Закона будет принят.

Таким образом, решения Народного курултая будут иметь консультативно-рекомендательный характер для органов государственной власти и местного самоуправления.

Представленным проектом Закона предлагается урегулировать порядок формирования и организации деятельности народных курултаев, их полномочия. Этот проект, на наш взгляд, является на сегодняшний день своего рода компромиссным подходом правового регулирования народных курултаев.

Список использованной литературы

1. История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства. 1917-1936. –М., 1936. С. 213-218.
2. Конституция Кыргызской Советской Социалистической Республики. – Фрунзе, 1978.
3. Конституция Кыргызской Республики. – Бишкек, 2007.
4. Конституция Кыргызской Республики. – Бишкек, 2010.
5. ИС Параграф, 28.12.2012.

Б.И.Борубашов
докт. юр. наук, профессор, зав.кафедрой
международного права юридического
факультета Кыргызско-Российского
Славянского Университета

КУРУЛТАЙ – ОТРАЖЕНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Kurultai – a reflection of the Kyrgyz democracy.

Институт народного курултая имелся во всех кочевых и оседлых народах в различных формах, однако содержание у всех было одинаковое – это народовластие. В ст.2. п.1. Конституция Кыргызской Республики гласит, что народ Кыргызстана является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Кыргызской Республике [1, с. 70].

Народовластие является основой конституционного строя, опираясь на исторический опыт кыргызского народа, применение различных форм представительной демократии способствует установлению истинного народовластия.

Курултай – съезд, совещание наиболее влиятельных представителей кыргызского народа по вопросам первостепенной государственной важности. В источниках часто применяется для обозначения военного совещания с участием родоправителей кыргызского народа, например, курултай перед Чон казатом в эпосе «Манас» [2]. Кыргызы, жившие в условиях кочевой жизни, идее государственности предпочитали идею союза племен на равных началах и с абсолютной внутренней автономией. Основой организации и высшей властью союза племен были курултаи. Курултаю такого союза племен делегировались государственные функции, в основном, военные, сбор налогов, судебная, которые реализовывались на основе общего для всех племен обычного права (адата).

Объединение племен строилось по традиционной для всех тюркских кочевников двухчленной структуре. В «он_канат» («правое крыло») входили племена: сары-багыш, бугу, саяк, солто, баргы и др. В «сол канат» («левое крыло») – кушчу, сару, кытай, мундуз, чан-багыш и др. [3, с. 18]. Оба объединения включали как кыргызские, так и давно уже отюреченные монгольские племена на равноправной основе.

Деление кыргызских племен на две группы: он и сол, и «ичкилик» носило военно-политический и административный характер, и по наиболее важным вопросам общественной жизни они регулярно проводили курултаи.

Основу общественной структуры кыргызов составляла кочевая аульная община, экономические отношения которой регулировались совместным использованием летних пастбищ и родственной взаимопомощью. Основными политико-правовыми институтами общественного самоуправления кыргызов того времени являлись курултай, топ, дубаны, аульные сходы, волостные съезды, волостные управители, аульные старшины и аксакальство. С введением выборности должностных лиц был разрушен институт наследственной преемственности власти, ранее осуществляемый исключительно манапами.

К органам общественного самоуправления в Кыргызстане можно было отнести у кочевников аульные, волостные и чрезвычайные курултаи.
Волостные курултаи были выборными и избирались аульными курултаями в следующем порядке: один выборщик от 50 хозяев; в тех селениях, где существует остаток более 25 хозяйств, прибавляется по одному выборщику. В Семиреченской же области волостные съезды состояли из выборщиков, избираемых на сельских сходах сроком на 3 года [4, с. 274.]

Для выбора волостного и его кандидата в каждой волости хозяева 50 кибиток избирали одного выборного, курултаи этих выборных избирали волостного. Выборы производились путем баллотировки. Избранным считался тот, кто получил большинство избирательных шаров.

Волостной курултай у кыргызов являлся следующим уровнем в развитии самоуправления Кыргызстана. Волостной курултай проводился, как правило, отдельно у кочевого и у оседлого населения, даже если они проживали в пределах одной волости. Волостной курултай состоял, согласно существовавшей тогда мажоритарной системе, из выборных, которые избирались на аульных курултаях, по одному на каждые 50 кибиток [4, с. 275]. Выборные же от аульных курултаев на первом волостном курултае избирали волостного управителя, который впоследствии, в течение 3-летнего срока своих полномочий, вместе с уездным начальником назначал место и время созыва волостного курултая. К тому же волостной управитель был обязан следить за общественным порядком на волостных курултаях [4, с. 275].

Волостной курултай собирался в пределах волости, по всей территории Кыргызстана. Место и время зависело от уездного начальника. Для контроля над выборами волостного управителя и в целях предупреждения нарушений на выборах было необходимо присутствие уездного начальника или его заместителя в качестве наблюдателя. Помимо волостных управителей, волостной курултай избирал народных судей. Волостные курултаи решали также вопросы распределения земель между различными сельскими общинниками, разрешения различных земельных споров между ними. В ведении волостных курултаев находились вопросы поддержания дорог в должном состоянии, постройки и ремонта мостов, постройки новых дорог, разработки тех участков дорог, которые указывались администрацией.

В общем, волостные курултаи решали вопросы хозяйственного и административного самоуправления в пределах своей компетенции, а также функции местного характера. Жалобы на решения волостного курултая подавались уездному начальнику. Все приговоры волостного курултая вносились в особую книгу.
На волостных курултаях отсутствовал так называемый институт политических фракций. На курултае каждый выборный имел один голос и представлял интересы своего аула. Голосование, а вместе с ним и принятие решения, проводилось простым большинством голосов.

Сельский курултай состоял из всех домовладельцев, кроме тех, кто состоял под опекой и кто был лишен голоса сельским сходом сроком на три года. На сельском курултае избирался сельский староста, который должен был следить за правопорядком на курултаях, а также созывать сельский сход, преимущественно, в выходные дни. Нужно отметить, что решения сельского курултая вступали в силу лишь в том случае, если на

курултае присутствовали сельский староста либо его заместитель и не менее половины всех домовладельцев, имеющих право участвовать в подобных курултаях.

Курултаи проводились на уровне регионов. Например, родовая знать северных кыргызов в 1842 г., созвав на западном берегу Иссык-Куля на курултай племена бугу, сарыбагыш, саяк, солто, саруу, кушчу, черико, подняла Ормона на белом войлоке и провозгласили его ханом. Канат Ыбыке уулу – один из руководителей национально-освободительной борьбы 1916 г. Народ волости Абайылда (Кочкорская долина) на курултае провозгласил Каната волостным ханом и присягнул в верности ему.

Регулярно проводились курултаи кыргызских биев и волостных управителей, где принимались «Эреже». Например, 16-19 августа 1869 г. курултаи биев и волостных управителей Верненского и Токмакского уездов, в том же 1869 г. курултаи проводились в Сусамыре и на Сон-Куле; 20 мая 1889 года «Эреже» населений Иссык-Кульского и Джаркентского уездов [4, с. 454-456]. «Эреже» Токмакского курултая, открытого для кыргызов Токмакского уезда, состоялось 1-15 мая 1893 года у Биркулакского моста [4, с. 433-454]; 15 апреля – 6 мая 1906 года проводился курултай народных судей Горного участка Аулиеатинского уезда на местности Ключевое, Таласское ущелье; 4 мая 1907 года курултай народных судей Аулиеатинского уезда; 5 мая 1907 года Пржевальский курултай [4, с. 462-464]; 5 октября 1908 года Пржевальский курултай; 15 марта 1908 года кыргызско-казахский курултай биев [4, с. 467-469].

Одной из форм правотворческой деятельности биев были разрабатываемые ими положения – эреже [4, с. 402]. До вхождения в состав России, прежде чем созвать дубан, съезд биев, родовых начальников и других влиятельных лиц всех споривших родов и племен, вырабатывали проект соглашения – «эреже» о том, какими именно нормами обычного права на съезде будут руководствоваться при рассмотрении определенных судебных дел. Эти устные эреже вступали в законную силу после окончательного одобрения родоправителей и влиятельных лиц обеих сторон, превращаясь в один из источников права.

Кыргызские народные судьи, перед тем как приступить к рассмотрению дел на курултаях, припоминали друг другу различные положения обычного права, которыми они обязаны были руководствоваться при решении дел. Они составляли для себя так называемое «эреже», то есть руководящее постановление, в которое заносят все подходящие правила и наставления обычного права.

Постановление это подписывается судьями, после чего оно уже становится, как правило, сводом законоположений, обязательных для применения судьями того съезда. «Эреже» составлялись на чрезвычайных курултаях народных судей биями, почетными лицами и волостными управителями с общего согласия всех участников съезда, в соответствии с царскими законами и шариатом, за разные преступления и иски между кыргызами исходя из значимости лиц, совершивших преступления.

Эреже имело силу закона не только для данного съезда, но и для единоличных судов, волостных съездов биев при решении ими уголовных и гражданских дел, в том числе семейно-брачных отношений и имущественных споров. Содержащиеся в них нормы использовались до издания нового «Эреже» или его изменения на следующем чрезвычайном съезде биев. Постановления чрезвычайных съездов были окончательными. Следовательно, «Эреже» становилось «малым кодексом обычно-правовых норм», основанным на судебной практике биев.

«Эреже» - это положение или руководящее постановление Чрезвычайного курултая биев. После принятия "Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями 1867 г.", "Положения об управлении Туркестанским краем 1886 года" [4, с. 292-339] на Чрезвычайных курултаях биев одного или нескольких уездов, созываемых для разбора подсудных им уголовных и гражданских дел, вошло в практику, прежде чем начать разбор дела, вырабатывать общие правила судопроизводства и материального права. Эти правила оформлялись письменно и подписывались всеми биями, участвовавшими в разборе дела на данном съезде. Они, носившие название "Эреже", имели силу закона для данного съезда. "Эреже" относится к письменному источнику права.

Чрезвычайный курултай биев созывался примерно один раз в год, а иногда по истечении нескольких лет. Курултай заседал месяцами и разбирал большое количество гражданских и уголовных дел, связанных с убийствами, барымтой, кражами, грабежами и т.д. Так, например, Чрезвычайный курултай биев Иссык-Кульского уезда заседал со 2 ноября по 9 декабря 1887 г., им было рассмотрено 386 дел.

"Эреже" служило руководством не только для биев данного Чрезвычайного курултая, но и для единоличных судов биев, для волостных съездов биев при решении ими гражданских и уголовных дел. "Эреже" являются важнейшим источником киргизского права во второй половине XIX и начале XX века. Нам кажется, что "Эреже" становятся источником права в Кыргызстане не только после вхождения в состав России, и в более ранний период. "Эреже" носили характер соглашения между биями на их съезде для разрешения наиболее сложных дел. Однако эти соглашения раньше нигде не записывались, а поэтому для нас остаются недоступными. Только после вхождения в состав России "Эреже" составлялось письменно под непосредственным контролем чиновников царской администрации. "Эреже" – источник для изучения вопросов кыргызского обычного права, находятся в архивах Казахстана и Узбекистана. К сожалению, они мало изучены.

Во многих "Эреже" более подробно излагались вопросы судопроизводства, гражданского и уголовного права. Так, "Эреже", разработанное на Токмакском съезде в 1893 г., состоит из 113 параграфов, где излагаются вопросы о порядке судопроизводства подсудности, о сроках давности уголовного преследования и видах и размерах наказаний и т.д. "Эреже" Токмакского съезда до некоторой степени можно назвать «малым сводом обычного права» [4, с. 433-454].

Изучая эреже Токмакского чрезвычайного съезда, открытого для кыргызов Токмакского уезда с 1-го по 15-е мая 1893 года у Биркулакского моста, можно дать полную характеристику содержания принимаемого документа на этом курултае.
Рассматривались такие вопросы: о порядке судопроизводства и подсудности; о сроках давности по направлению дел, изъятых из ведомства народного суда по Степному положению; о собрании улик у присяжных; общие указания об ответственности по преступлениям и проступкам; о джесырах; о наследстве; краже, грабеже, истреблении чужого имущества, баранты, подлог киргизских документов; решение дел по убийствам и увечьям; долговые обязательства; об оскорблении чести и нарушении общественного спокойствия; о распределении вознаграждений и штрафов.

Настоящие правила предписывались как всему народу уезда, так и народному суду настоящего, чрезвычайных и волостных курултаев и единственных биев Пишпекского

уезда, до принятия и издания нового постановления или при изменении настоящего, которое может последовать только на таком же чрезвычайном уездном курултае.

Подводя итоги, можно сказать, что раньше курултаи проводились регулярно, и они имели различные формы: курултаи всего населения региона; курултаи административных органов общественного самоуправления; курултаи кыргызских биев. Кроме этого по проведению курултаев принимались конкретные документы или решения по итогам курултая, которые служили основным документом по различным вопросам общественной жизни кыргызов. Курултаи проводились в несколько уровней: аильные, волостные, уездные и областные, а также проводились курултаи между кыргызами и казахами. Выборы в курултай проводились по мажоритарной системе, и все кибитковладельцы имели право принимать участие на выборах, несмотря на свое общественно-экономическое положение. На курултаях обсуждение проблем и решения биев по судебным вопросам проводились открыто с участием представителей общественности. Например, наиболее актуальными вопросами были связанные с пастбищами в зимовьях, барымта, кунах, договорными обязательствами, брачно-семейными отношениями. В курултае принимали участие представители всех родов и регионов, представляющие интересы своих сородичей.
В соответствии с п. 2 ст. 52 Конституции Кыргызской Республики по вопросам, имеющим государственное и общественное значение, рекомендуется практиковать проведение народных курултаев [1, с. 88.]. Решение народного курултая носит рекомендательный характер и направляется в соответствующие органы государственной власти и местного самоуправления. Для этого предлагается разработать положение «О формах и принципах работы народного курултая» на основе норм Конституции и обычного права в целях повышения ответственности и эффективности работы местных органов государственной власти, предлагается регулярное слушание их отчетов на народном курултае.

В настоящее время в кыргызском обществе повсеместно и регулярно обсуждается вопрос о необходимости введения института народного курултая с контрольными функциями в положения Конституции Кыргызской Республики. Такая постановка вопроса связана с тем, что, во-первых, органы государственной власти и местного самоуправления не справляются с поставленными задачами и проблемы социально-экономического развития страны не решаются, во-вторых, за последние более 20 лет органы государственной власти и должностные лица не несут ответственность перед обществом за развал экономики и за растрачивание государственной собственности, в результате процветает коррупция, в-третьих, политико-правовая система не удовлетворяет общество, вместо семейно-клановой системы создана партийно-вотчинная система, что противоречит принципу народовластия.

Таким образом, органы государственной власти, местного самоуправление не справляются со своими функциональными обязанностями, проблемы на местах не решаются и народ видит в курултае решение своих проблем.

Кыргызское общество видит в народном курултае путь спасения страны, однако о статусе и полномочиях народного курултая нет единого мнения. В некоторых проектах Конституции Кыргызской Республики и законопроекте «О народном курултае» предлагаются противоположные мнения о статусе народного курултая. Одни предлагают, чтобы народный курултай был контролирующим органом, имеющим огромные полномочия, связанные с избранием на курултае Президента страны, депутатов Жогорку Кенеша и формирующим другие ветви государственной власти, а

также один раз в год заслушивал отчет вышеназванных органов государственной власти и имел полномочия отправлять в отставку. По идее представителей этого направления, страной будет управлять ни перед кем не несущий ответственность, имеющий огромную власть и полномочия верховный орган народного курултая – торкенеш.

По мнению представителей другого направления, курултай должен быть верхней палатой Жогорку Кенеша и тем самым обладать контрольными функциями. Те силы, которые хотят, чтобы курултай был только контролирующим органом, тем самым хотят взять под свой контроль государственную власть, их не интересуют совершенствование политико-правовой системы, экономические, духовные и социальные основы общества и государства.

Представители третьего направления предлагают, чтобы народный курултай был органом общественного контроля, имел свое влияние во все ветви государственной власти местного самоуправления, принимал активное участие в формировании представительных органов власти, имел право на законодательную инициативу и участвовал в разработке концепции развития общества и государства, а также нес определенную ответственность перед обществом.

Народный курултай Кыргызской Республики должен стать совещательно-консультативным органом. Его основными функциями станут взаимодействие граждан Кыргызской Республики с Президентом Кыргызской Республики, органами государственной власти и местного самоуправления, а также учет потребностей и интересов граждан, защита прав и свобод граждан и всего населения при выработке концепций путей развития общества и контроль над ним.

Наряду с вышеуказанным, народный курултай должен стать институтом, который осуществляет рассмотрение и учет мнений, предложений, поступивших от населения и различных его общностей.

В народном курултае могут обсуждаться вопросы, связанные с деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления, а также важнейшие вопросы, связанные с концепциями развития и совершенствования общества как в социально-культурной, так и в политико-правовой и экономической сферах.

В работе народного курултая могут участвовать представители территориальных, профессиональных, этнокультурных, общественно-политических и конфессиональных сообществ.

По итогам рассмотрения вопросов на курултае принимается решение. Решение курултая направляется в соответствующие органы в качестве рекомендаций.

Выбор делегатов в курултай от аильных округов, поселков и городов проводится на местных курултаях, проводимых в соответствии со статьей 55 Закона Кыргызской Республики «О местном самоуправлении и местной государственной администрации» [5]; от трудовых мигрантов за рубежом избираются общественными организациями в иностранном государстве, созданными гражданами Кыргызской Республики в установленном порядке; от общественных объединений, политических партий и конфессиональных сообществ избираются соответствующими органами управления организации. Число делегатов по квотам определяется пропорционально количеству членов общин.

Делегатами курултая могут быть все, кроме лиц, признанных недееспособными, ранее судимых, не достигших 18 лет, находящихся на государственной и муниципальной службе, включая депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики и местных кенешей [6]. Делегаты курултая избираются сроком на три года. Делегатам курултая выдается документ, подтверждающий мандат обладателя документа. Мандат делегата курултая действителен со дня регистрации его в организационном комитете. Делегаты могут в полной мере участвовать в курултае, обсуждать и высказываться по вопросам повестки дня, также выносить вопросы на рассмотрение.

В Кыргызстане институт народного курултая как одна из форм представительной демократии изучается различными научными кругами, представителями академических сообществ, и в этом отношении особенно следует отметить работу культурно-исследовательского центра «Айгине», где проводится комплексное исследование с участием представителей двух вышеназванных направлений, которые обсуждают свои видения по вопросам народного курултая. Здесь следует отметить, что отдельные представители общественного движения «Элдик курултай», ссылаясь на исторический опыт кыргызского народа, не учитывая особенностей нынешней эпохи, предлагают передать большие властные полномочия народным курултаям. Следует отметить, что у них отсутствует правовой механизм регулирования деятельности народного курултая.

Курултай не должен быть органом государственной власти. Он как форма народовластия должен работать на общественных началах и должен выполнять не только контрольную функцию, но и разработать концепцию развития кыргызского общества, основу национальной идеологии, вместе с тем он должен заниматься определением внутренней и внешней политики, выступать гарантом Конституции.

Список использованной литературы

1. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 года в ред. Закона КР О новой редакции Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года. – Бишкек, 2010. – 124 с.
2. Манас: Кыргызский героический эпос. Академическое издание по варианту Саякбая Каралаева. 3 книга. – Бишкек: Шам, 1998. – 788 с.
3. Аристов, Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргиз на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований [Текст] / Н.А. Аристов. – СПб., 1895.
4. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана: Учебное пособие [Текст] / Сост. Б.И. Борубашов. – Том 1. – Бишкек, 2008. – 657 с.
5. Закон Кыргызской Республики «О местном самоуправлении и местной государственной администрации». Правовая база «Токтом 2012».
6. Положение о народном курултае представителей местного сообщества от 2 мая 2001 года № 152. Правовая база «Токтом 2012».

А.Т.Самаков
ассистент исследователя
культурно-исследовательского центра «Айгине»

КУРУЛТАЙ И ПОИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Kurultai political identity and the search in the Kyrgyz Republic.

С обретением независимости Кыргызстан постоянно находился в поисках политической идентичности. Достаточно вспомнить попытки Кыргызстана построить французскую, швейцарскую, турецкую, японскую модели государственного устройства. Вместе с этим в нашем обществе наблюдался «почвеннический» подход к поиску политической идентичности, заключавшийся в поиске идентичности в нашем историческом прошлом. При этом, исследуя богатый исторический материал, кто-то искал основы политической идентичности в досоветском прошлом, другие устремляли свои взоры к временам Аттилы-хана, третьи и еще дальше – во времена сотворения мира.

Однако примечательно то, что многие «почвенники» из всего богатства кыргызской истории выбрали институт курултая в качестве фундамента для построения современной политической идентичности.

В данной статье мы постараемся рассмотреть многообразие современных моделей курултая как отражение процессов поиска политической идентичности в нынешнем кыргызстанском обществе на основе материала, собранного в рамках проекта КИЦ «Айгине» по изучению потенциала курултая в решении современных социально-политических проблем.

Из целого ряда существующих моделей и концепций курултая, отличающихся друг от друга как в принципиальных основах, так и в частных деталях, в рамках этой статьи мы рассмотрим и сравним концепции Д.Сарыгулова, Б.Борубашева, Ч.Омуралиева, К.Кошалиева, М.Мусабаева, А.Борончиева, после чего отметим ряд сложностей в процессе поиска политической идентичности в институте курултая.

Начнем мы с рассмотрения моделей, которые позиционируют курултай как «государствообразующий» элемент, это теории М.Мусабаева и Ч.Омуралиева.

Теория чистого государства М.Мусабаева представляет собой развернутую концепцию, включающую помимо института курултая реформирование финансово-денежной системы, системы охраны правопорядка, судебную систему, изменение административно-территориального деления и др.

Однако в данной статье в соответствии с фокусом рассматриваемого вопроса мы сосредоточим наше внимание только на институте курултая, который определяется как «высшая форма самоорганизации граждан, индикатор совести Нации, абсолютная система контроля общества за исполнительной и судебной системой власти в стране, а также кадровый резерв законодательной ветви власти – парламентаризма».

Таким образом, курултай в данной модели **заменяет** собой существующую «систему представительства интересов избирателей, и из которого вытекает схематично **законодательная ветвь власти»**, которая функционирует следующим образом:

- Первый уровень самоорганизации общества – это семья. Микро-сообщества размером в 300-400 семей представляют собой второй уровень и являются участком, который выбирает из своего числа одного представителя (условно называемого «Демократом участка») в местный курултай.

- На этом самом низовом уровне (уровень айыл окмоту или микрорайонов в городах, условно называемые жамаатами) местный курултай решает «самые местечковые проблемы».

- Каждый местный курултай делегирует 3-4 своих лучших членов в региональные курултаи, которые работают сессионно.

- В свою очередь, каждый региональный курултай делегирует в республиканский трех своих делегатов, г. Бишкек – шесть. Республиканский курултай работает на постоянной основе.

Для того чтобы быть избранным в курултай, представитель должен удовлетворять следующим условиям:

- представитель должен не менее пяти лет проживать на представляемой территории к моменту избрания;

- на весь период работы он не должен планировать переезд на другое место жительства;

- должны отсутствовать любые возможности для перехода в исполнительную и судебную ветви власти.

Что же касается функций и полномочий курултая, то их можно свести к следующим:

- Функция кадрового резерва законодательной ветви власти заключается в том, что вышестоящие законодательные органы формируются из числа нижестоящих.

- Контрольная функция осуществляется посредством ежегодных сходов курултаев в расширенном составе. Расширенный состав подразумевает заседание курултая в 4-5-кратном размере, укомплектованном за счет нижестоящих курултаев. Главная задача – оценка ежегодной работы исполнительной и судебной ветвей власти и принятие решения об отставке либо продолжении работы последних.

- Представительная функция подразумевает, что каждый «демократ участка» представляет интересы территории, от которой он избран.

- Законодательная функция подразумевает, что курултай принимает или отвергает законы, представляемые на обсуждение исполнительной и/или судебной ветвью власти. Он также сохраняет за собой право законодательной инициативы.

В свою очередь, концепция **Ч.Омуралиева**, называемая **КЭЛ** (**Кыргыз ЭЛ Республикасы** – перев. Кыргызская Народная Республика), определяет курултай как «высший властный орган государства, обладающий контрольно-исполнительными функциями, а также являющийся гарантом конституции».

Автор этой концепции выступает против разделения общества на «государство» и «гражданское общество» и заявляет, что представляемая им модель объединяет эти два понятия, противопоставляемые в западной научной мысли.

Таким образом, курултай (в концепции именуемый «Улуу Курултаем») является высшим органом государственной власти, который собирается раз в 2,5 года, а также может созываться в чрезвычайном порядке.

Делегаты курултая избираются по мажоритарной системе от избирательных участков, при этом один участок выбирает одного делегата на участие в Великом Курултае (государственные служащие также могут быть избраны делегатами Великого Курултая). Кроме того, делегатами ВК являются президент, спикер ЖК, премьер-министр, председатель Верховного суда, члены государственного совета и другие высокопоставленные республиканские и должностные лица. Причину включения государственных служащих автор концепции объясняет тем, все те, кого избрал народ, автоматически становятся делегатами курултая.

Действительно, в концепции КЭЛ рассматривается реформирование системы государственного управления, предполагающее собой избираемость судей на всех уровнях (по представлению института Аталык Кенеш). Кроме того, вводится механизм совещаний внутри каждой ветви власти (именуемых на низшем уровне – «топ», на региональном – «жыйын», на республиканском – «кошуун») и между ветвями власти (на низшем уровне – это «чоң топ», на региональном – «чоң жыйын», на республиканском – «чоң кошуун») с определенной периодичностью. Данные совещания, по мнению автора, являются, по сути, **«курултаями»** на всех уровнях власти и предтечей «Улуу Курултая». Топы и Чоң Топы проводятся каждые три месяца, Жыйыны и Чоң Жыйыны – каждые полгода, Кошууны и Чоң Кошууны – каждый год.

Основные функции и полномочия курултая:

- Избирательная функция заключается в том, что УК из своего числа формирует Жогорку Кенеш, избирает Он и Сол билги (в концепции это должностные лица, соответствующие вице-президентам) и членов Аталык Кенеш (совет мудрецов при президенте).

- Законодательная функция заключается в том, что всем решениям УК придается статус конституционного закона, который может быть отменен только соответствующим решением УК.

- Исполнительно-контрольная функция обеспечивается посредством того, что делегаты курултая уполномочены следить за исполнением решений курултая на местах.

- Представительная функция заключается в том, что делегаты курултая представляют свой территориальный округ на УК.

Вторую группу сторонников курултая, считающую, что курултай должен быть институтом гражданского общества, можно рассмотреть на примере концепции Б.Борубашева. Данная концепция предполагает, что курултай должен быть негосударственным, консультативно-совещательным органом общественного контроля. В работе Народного Курултая должны иметь право участвовать представители территориальных, профессиональных, этнокультурных, общественно-политических и конфессиональных сообществ. Число делегатов курултая определяется по квотам пропорционально количеству членов общин.

Функции и полномочия:

- Коммуникативная функция. Курултай должен обеспечивать взаимодействие между гражданами, президентом и органами местного самоуправления, а также вести учет мнений граждан.

- Курултай должен обладать правом законодательной инициативы.

- Курултай должен принимать участие в формировании представительных органов власти и некоторых институтов государственной власти (ЦИК, Конституционный суд, некоторое количество депутатов ЖК и пр.).

- Рекомендательная функция заключается в том, что курултай должен принимать участие в разработке концепций развития государства и общества, а также выражать мнение народа касательно важных общенациональных и/или региональных вопросов.

В концепции особенно подчеркивается, что Курултай не должен быть органом государственной власти. Он как форма народовластия должен работать на общественных началах и выступать гарантом Конституции.

Другой класс концепций курултая предлагают реформирование текущей политической системы с включением в него института курултая.

Например, в концепции, разработанной А.Борончиевым, курултай – представительный орган в системе законодательной ветви власти, верхняя палата ЖК, который формируется на основе родоплеменного принципа.

Основные функции и полномочия Курултая:

- Функции народного представительства (каждый род, племя и регион представлены в Курултае – верхней палате парламента).

- Функция контроля (Курултай заслушивает отчеты государственных служащих; нижняя палата согласует принятые законопроекты с Курултаем, принимает участие в принятии решений по важным вопросам, например, определение, изменение границ).

- Курултай имеет право законодательной инициативы.

В другой концепции, относящейся к этой группе, видный сторонник воссоздания института курултая Д.Сарыгулов утверждает, что Улуу Курултай должен быть главным контрольно-надзорным органом страны. При этом Курултай, придерживаясь законов Кыргызской Республики, при принятии решений опирается в большинстве

своем на традиции и обычаи кыргызского народа. А для того чтобы контроль и надзор проводились успешно, право неприкосновенности не предоставляется ни одному должностному лицу.

Делегаты на Улуу Курултай избираются посредством тайного голосования в пропорции: 1 делегат от 3000 человек, при этом государственные служащие не могут быть членами Улуу Курултая.

Функции и полномочия Улуу Курултая:

- Контрольно-надзорная. Курултай ежегодно заслушивает отчеты президента (должность премьер-министра устраняется, президент становится главой правительства), председателя Верховного суда, Жогорку Кенеша, счетной палаты и главного прокурора и дает оценку их деятельности. В случае неудовлетворительной оценки работы какого-либо должностного лица последний уходит в отставку. В случае, если президенту дана неудовлетворительная оценка, он может вынести этот вопрос на референдум. В случае, если общенародное голосование оставляет в силе оценку Улуу Курултая, президент за свой счет покрывает расходы, связанные с референдумом. При этом Улуу Курултай не имеет права вмешиваться в повседневную рутинную деятельность любой из ветвей власти.

- Согласовательная функция. Президент имеет право назначить или освободить от должности председателя Верховного суда, главу счетной палаты и главного прокурора только с согласия Улуу Курултая. Курултай утверждает местных и региональных судей, которые после проходят через народные выборы на местах.

- Избирательная функция. На Курултае избираются депутаты Жогорку Кенеша, состоящего из 35 человек, которые первоначально прошли выборы на местах. Курултай также выбирает «золотой резерв нации» – группу людей численностью в 300 членов, из которых и только из которых президент имеет право назначать на государственные должности. Кроме того, Курултай избирает всех членов центральной избирательной комиссии. Также Курултай выдвигает 30 человек, из числа которых 11 человек на общенародном голосовании избираются в Национальный совет – постоянно действующий орган, ведающий вопросами осуществления государственной идеологии и имеющий право выражения импичмента президенту страны.

Замыкает данную группу концепция, автором которой, согласно мнению ее сторонников, является народ Кыргызстана. Сторонники данной концепции объединены в движение «Элдик Курултай», председателем которого является Кадыр

Кошалиев. Это движение пока является единственным движением, которое более или менее регулярно проводит свои встречи – курултаи. Согласно концепции этого движения, «Курултай – институт коллективного народного управления, собрание народных представителей для обсуждения и принятия решения по вопросам республиканского и местного значения».

Из-за расплывчатости данного определения достаточно сложно четко обозначить предполагаемое место курултая в современной политической системе. Однако, если мы обратим внимание на функции и полномочия курултая, то можно сделать вывод, что в данной модели он представляет некую четвертую ветвь власти, решения которой могут носить как рекомендательный, так и обязательный для исполнения характер.

Курултаи могут проводиться на трех уровнях:

- местном (по необходимости, но не реже 1 раза в год);
- региональном (по необходимости, но не реже 1 раза в год);
- республиканском – Улуу Курултай (по необходимости, но не реже 1 раза в год).

Делегаты курултая избираются на местных избирательных участках посредством прямых открытых выборов. Президент, Премьер-министр, спикер и члены ЖК, а также члены правительства имеют право участвовать в Улуу Курултае с правом совещательного голоса.

Функции и полномочия курултая:

- Контрольная функция заключается в том, что делегаты курултая заслушивают и оценивают деятельность государственных органов и принимают решения, которые могут быть выражены в качестве рекомендаций либо быть обязательными для выполнения предписаний.

- Представительная функция заключается в том, что делегаты курултая представляют интересы своих сообществ на курултаях всех уровней.

- Функция обеспечения народного единства заключается в обеспечении поддержания мира и согласия в обществе.

- Совещательно-согласовательная функция заключается в том, что курултай (Улуу Курултай) обсуждает, принимает решения и направляет органам государственной власти свои рекомендации и директивы касательно основ внешней и внутренней политики, целевого использования ресурсов, экологии,

культуры, языка, духовного наследия, воспитания молодежи и др., а также следит за их исполнением.

Возможно, из-за своей практической направленности концепция данного движения вмещает в себя различные, порой даже диаметрально противоположные положения, выдвигаемые и защищаемые другими сторонниками курултая. Например, если представители выделенной нами первой и большинство представителей третьей группы настаивают на «обязательном для исполнения» характере решений, а представители второй – на «рекомендательном», концепция движения «Элдик Курултай» оставляет за курултаем право как «направлять правительству свои рекомендации», так и «ставить перед правительством требования и следить за их исполнением». В концепции не дается четкого ответа, в каких случаях Курултай «рекомендует», а в каких – «требует».

Другой пример связан с правом госслужащих принимать участие в курултае. Если в концепции Ч.Омуралиева «изюминкой» является участие в курултае высокопоставленных госслужащих, а во всех остальных концепциях последние не могут быть делегатами курултая, то в модели движения «Элдик курултай» высокопоставленным госслужащим дается право участия в Курултае «с правом совещательного голоса».

И последний пример попытки «соединения несоединимого» заключается в том, что если некоторые рассмотренные модели курултая настаивают на праве отправлять в отставку первых должностных лиц, а другие категорически против предоставления такого права Курултаю, в концепции движения «Элдик Курултай» данное положение прописывается неясно и двусмысленно, заявляя, что «Курултай заслушивает отчеты и оценивает деятельность глав всех ветвей власти», а в другой статье добавляется «и принимает соответствующее решение». Теоретически, такое «соответствующее решение» может быть решением об отставке, например, президента страны и быть оформлено в виде требования. В таком случае рассматриваемая концепция предполагает право Курултая отправлять высокопоставленных госслужащих в отставку, хотя открыто такое право, в отличие от других концепций, не заявляется и не отвергается.

Таким образом, детали существующих моделей института курултая можно сравнить при помощи следующей таблицы.

	Борубашев Б.	Кошалиев К.	Мусабаев М.	Омуралиев Ч.	Борончиев А.	Сарыгулов Д.
Название концепции		Элдик Курултай	Теория чистого государства. Проект «Новый Кыргызстан»	КЭЛ (Кыргызская Народная Республика)		Улуу Курултай
Место в системе власти	Негосударственный общественный орган	Четвертая ветвь власти и (высший орган)	Законодательная и представительная ветвь власти	Высший орган власти, ядро государственной власти	Верхняя палата ЖК (по типу палаты лордов Великобритании)	Главный контрольно-надзорный орган страны
Уровни курултая	Местный/ Региональный/ Республиканский	Местный/ Региональный/ Республиканский	Местный/ Региональный/ Республиканский	Местный /Региональный/ Республиканский/ Улуу Курултай	Республиканский	Местный/ Региональный/ Республиканский
Принцип избрания делегатов	Этнокультурный (представители местных сообществ, организаций гражданского общества и пр. избирают своих делегатов на курултай). Государственные служащие не имеют права быть делегатами Курултая	Мажоритарный (каждый избирательный участок избирает одного делегата). Президент, Премьер-министр и др. высокопоставленные должностные лица могут принимать участие в Улуу Курултае с правом совещательного голоса	Мажоритарный (семейно-территориальный). Государственные служащие не имеют права быть делегатами Курултая. Делегаты Курултая не имеют права переходить в судебную и исполнительную ветви власти.	Мажоритарный с привлечением государственных служащих	Родоплеменной. Государственные служащие не имеют права быть делегатами Курултая	Мажоритарный. Государственные служащие не имеют права быть делегатами Курултая
Основные функции и полномочия курултая						
Представительная	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
Избирательная	Курултай избирает определенное количество членов Конституционного суда, ЦИК и др. органов	Нет	«Кадровый резерв» законодательной ветви власти	Избирает ЖК, членов Аталык Кенеш, двух вице-президентов	Нет	Избирает депутатов ЖК, ЦИК, «золотой кадровый резерв», выдвигает кандидатов на

						должности местных и региональных судей, а также номинантов в «Национальный Совет»
Согласовательная	Нет	Курултай утверждает с представления президента всех членов ЦИК, главу и заместителей Конституционного суда	Нет	Собрания представителей каждой из ветвей власти и между ветвями власти на местном, региональном и республиканском уровнях (Топ, Чоң Топ, Жыйын, Чоң Жыйын, Кошуун, Чоң Кошуун)	Нижняя палата парламента согласует принятые законопроекты с Курултаем (верхней палатой парламента)	Президент согласует назначение и освобождение от должности генерального прокурора, председателя Верховного суда, главу счетной палаты
Законодательная функция	Нет	Решения курултая, оформленные в виде требований, имеют обязательный для исполнения характер (т.е. имеют силу закона)	Да. Курултай на республиканском уровне работает на постоянной основе и занимается законотворческой деятельностью	Любое решение курултая является конституционным законом и может быть отменено только соответствующим решением курултая	Нет	Нет
Право законодательной инициативы	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Не прописано
Контрольная функция	Общественный контроль за соблюдением Конституции, деятельностью президента и правительства	Заслушивает отчеты президента, премьер-министра, представителей всех ветвей власти и руководителей министерств,	Имеет право требовать отчета у всех должностных лиц	Имеет право требовать отчета у всех должностных лиц	Имеет право требовать отчета у всех должностных лиц; Принимает участие в	Имеет право требовать отчета у всех должностных лиц

		ведомств			принятии решений по важным вопросам, например, определение, изменение границ	
Полномочие отправлять в отставку любого госслужащего, включая президента	Нет	Право импичмента руководителям местных и региональных властей	Есть	Есть	Нет	Есть. В случае с президентом последний может вынести вопрос о своей принудительной отставке на референдум
Характер решений	Рекомендательный характер	Решение может быть оформлено как в виде рекомендаций, так и в виде требований, обязательных для исполнения	Обязательный характер	Обязательный характер	Нет	Обязательный

Как видно из таблицы, существуют различия и точки соприкосновения между сравниваемыми моделями курултая. Однако какую бы модель института курултая мы не рассматривали, ясно вырисовываются некоторые сложности, которые имеют отношение к политической идентичности.

Первая сложность заключается в том, что между традиционным кыргызским обществом, где институт курултая был «рабочим» институтом, и современным, для которого институт курултая является скорее новшеством, – огромная разница. И эта разница как психологическая, так и культурная. Если в традиционном обществе преобладали полукочевой образ жизни и коллективистские ценности, то в современном преобладают оседлый образ жизни и индивидуалистские ценности. У противников восстановления института возникает резонный вопрос: «Может быть, курултай исчез именно потому, что не соответствовал новому образу жизни и новым ценностям?» На что сторонники курултая, указывая на кризис современной западной цивилизации, предлагают построение новой цивилизации, ключами к которой станет курултай. Интересно то, что, может быть, из-за особенностей этого спора и/или аргументов «за» и «против» некоторые люди полностью убеждены в необходимости воссоздания курултая, а другие – категорически против. Действительно, почти на каждой встрече, на каждом обсуждении, в каждой фокус-группе, организованной КИЦ «Айгине», находились как ярые сторонники, так и заядлые оппоненты курултая. У сторонников курултая есть какая-то иррациональная вера в институт курултая, тогда как противники считают, что ее всего лишь инициируют те, кто не попал в нынешнюю власть.

И следует признать, что у последних есть все основания так считать: главные идеологи курултая, разработавшие концепции и модели курултая, в основном, не принимают моделей своих оппонентов, утверждая, что их модель и только их модель «правильная», а все остальные–«неправильные». Что же касается рядовых сторонников курултая, то в ходе исследования выяснилось, что они особо не осведомлены о принципиальных различиях между существующими концепциями. Они верят в курултай как в одну, цельную идею.

Кроме этого следует отметить еще одну интересную особенность. Как известно, в КР проживает более 80 национальностей, и большинство из них остаются не вовлеченными и не заинтересованными в восстановлении института Курултая. Более того, аргумент «о месте национальных меньшинств в курултае» часто используется противниками восстановления института курултая. И если курултай претендует на право фундамента для построения политической идентичности, то его сторонникам нужно быстро решать данную проблему.

Таким образом, движение по воссозданию института курултая как процесс поиска политической идентичности имеет внутри себя ряд противоречий. На наш взгляд, это

закономерный процесс, и наличие противоречий внутри движения указывает на то, что в нашем обществе такой поиск активно идет и в последнее время только начинает набирать обороты.

Список использованной литературы

1. Мусабаев М. Теория чистого государства. Проект: Новый Кыргызстан. – Б., 2012. – С.171.
2. Омуралиев Ч. Бизгекандай конституция керек? Курултайыңа аттан, Кыргыз! – Б., 2012. – С. 71.
3. Омуралиев Ч. Коом Мамлекет Теңирчилик. – Б., 2012. – С. 303
4. Сарыгулов Д. «Адамзатты акыр замандан Манас элинин урпактары сактап калат» (ыйык китептен). – Б., 2011. – С. 49.
5. КРнын Улуттук Улуу Курултайы Жөнүндө мыйзамы // Мезгил Коомдук-саясый маалыматтык гезит. Атайын чыгарылыш. Май, 2012.
6. Кыргыз Эл Республикасы Баш мыйзамдын долбоору // Майдан Коомдук-саясый гезит. № 16, 24-май 2011 ж.
7. Элдик долбоор Кыргыз Республикасынын Конституциясы // Көк асаба Коомдук жана руханий гезит. Атайын чыгарылыш, 11–май 2010 ж.
8. Интернет ресурсы:
9. www.aigine.kg
10. www.traditionalknowledge.org

С.М.Абдрасулов
к. филос. н., зав. кафедрой философии
и социально-гуманитарных наук
Кыргызской государственной юридической академии

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗОВ

Knowledge of the ontological foundations of culture enables us to understand the external and internal orientation of a particular culture. In this article the author would like to highlight the origins of the management culture of the Kyrgyz, exploring the ontological foundations of Kyrgyz culture.

Внешняя, видимая часть кыргызского кочевого способа бытия

Говоря о кыргызах, мы можем первое, что отметить, так это то, что они вначале вели оседлый образ жизни, занимаясь собирательством, охотой и разведением скота, живя в стационарных восьмигранных срубных домах из дерева.

Далее они начали жить в переносных жилищах, ведя кочевой образ жизни, что давало им возможность жить, не тратя много усилий для добычи пищи. Те животные, которые могли стать для них пищей, теперь паслись рядом с ними, не требуя особого ухода. К тому же они сели на коня и начали передвигаться, не двигаясь. Мир сам начал передвигаться под их ногами, что дало им возможность созерцать его.

Созерцательность

Благодаря коню, как было сказано выше, кыргыз-кочевник передвигался, не двигаясь. Находясь в таком состоянии, он не только созерцал, но и понимающе воспринимал окружающий мир. А это давало возможность гармонично сообразовать свое бытие с бытием мира.

Кыргыз-кочевник так гармонично организовал свое отношение с миром, что это не тяготило и не рушило природную экосистему. Он не требовал от природы большего, что она могла дать, и не разрывал тело земли, а массировал ее и брал от нее только то, что она могла дать, и был благодарен и чуток к ней. Он будто хотел это совершенное отношение сохранить на века.

Основательность

Доведение своего бытия в этом мире почти до совершенства, основой которого является гармоничное отношение человека с миром как внешним, так и внутренним.

Кочевник и религия. Кыргыз-кочевник – сын бога Тенгира, наделенный свободой, дающей ему право осуществлять выбор и за этот выбор нести личную ответственность.

Кочевник и природа. Кыргыз-кочевник осознает себя частью природы, поэтому он никогда не противопоставляет себя природе, а пытается согласовать, сорганизовать свое бытие в унисон с бытием природы.

Кочевник и кочевник – отношение как к себе подобному. Отсюда уважение и почтительность.
Кочевник и оседлый – отношение как к себе подобному, но ущербному, не обладающему свободой. Отсюда жалость и сочувствие.

Внутренняя, невидимая часть кыргызского кочевого способа бытия
Тенгрианский принцип «ТЕН»

Говоря о кыргызском праве, мы должны обратить свое внимание на специфику бытия кыргызов, которое базируется на кочевом способе бытия и на их веровании, именуемом тенгрианством. Общественные отношения кыргызов-кочевников, так же как и других представителей кочевых народов, участвовавших в создании кочевой цивилизации, имели свои основания регулирования общества. Одним из таких регуляторов является тенгрианский принцип «ТЕН» (равный). Этот принцип истинного мира, мира духов предков кыргызом-кочевником переносится в мир человеческий. Он пытается строить свой земной мир, руководствуясь принципом «ТЕН». Тенгрианский принцип «ТЕН» мы можем видеть во всем, что дает нам основание говорить о бинарном строении мира кыргыза-кочевника.

Бинарное строение мира кыргыза-кочевника

Бинарные половины – мужское-женское, правое-левое, төр-босого (почетное место-порог), старшее-младшее, верх-низ, түндүк-казан, духовное-материальное. Они, являющиеся основой кыргызской культуры, равны по форме, но различны по содержанию, что делает их необходимыми друг другу как дополняющие одно другое. В пользу вышеизложенного единства противоположностей говорит и то, что идеальной геометрической фигурой кыргызы признавали и признают сферу, шар, круг (тоголок, томолок, тегерек). К примеру, целостность мира в кыргызской космогонии рассматривается как сфера, круг (“Тегеректин төрт бурчу” – Четыре стороны света. Точнее – “четыре стороны круга”, т.е. целого).

Кыргыз-кочевник никогда не противопоставляет себя окружающему его миру. Он знает, что является частью целостного мироздания. Это можно заметить и в строении жилища кыргыза-кочевника, которое, при анализе с позиции геометрии, по форме есть полусфера, т.е. как то, что является незаконченной фигурой, что делает его неполноценным и несамодостаточным. Таковым оно оказывается, если его рассматривать в отрыве от всего остального. Но если рассматривать его в связи с окружающим миром, то можно обратить внимание на то, что наличествующая полусфера – фигура незавершенная, вторая половина которой обозначена неявно. По сути, наличие второй полусферы придает первой гармоничность и самодостаточность.

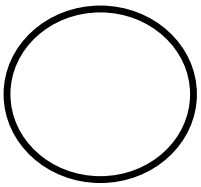
Вторая полусфера, к которой первая, т.е. жилище кыргыза-кочевника, прижимается, говорит не о желании создателя данного жилища оторвать и противопоставить свое

жилище той основе, на которой оно возведено, а, скорее, говорит о желании кыргыза-кочевника жить в гармонии, в единстве с окружающим миром. Подтверждением вышеизложенному может служить эпическое наследие кыргызского народа во главе с эпосом «Манас».

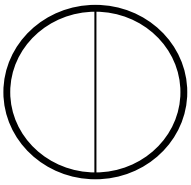
Именно эту внутреннюю настроенность кыргызского мировоззрения на гармоничное сосуществование с миром можно назвать экологическим основанием кыргызской культуры, которую как юристы, так и философы могут использовать как методологическую основу научных исследований онтологических истоков кыргызского экологического права.

Мы через внешнюю форму жилища кыргыза-кочевника осознали, каковым должно быть его место в отношении человека и мира.

Внутренняя организация пространства Боз үй
Эр – эпчи



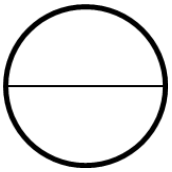
Обратим внимание на внутреннюю организацию пространства Боз үй, оно может дать нам дополнительные знания об обладателе данного жилища. Итак, начнем с того, что в кыргызской космогонии одно рождает два, два рождает три. Один – это символ начала, таковым выступает круг, округлая форма жилища.



Один рождает два – мужское «эр» и женское «эпчи» – начала. Внутреннее пространство боз үй поделено на правую и левую половины. Правая мужская половина обозначается «эр жак», а левая женская половина – «эпчи жак». Определение правой и левой половин не произвольно. Хотя такую вольность допускают историки.

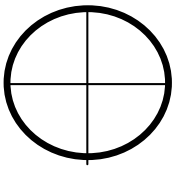
Описывая строение боз үй, они могут писать: «При входе в юрту левая сторона – это мужская сторона, а правая – женская». Символическое определение, упорядочивание мира человеческого осуществляется как продолжение истинного, божественного мира, мира Теңгир ата, мира духов предков.

Төр – босого



Место, связанное с миром Теңгир ата, это почетное место «төр», находящееся в глубине жилища прямо напротив порога (босого). Төр (почетное место) тоже является «босого» порогом, но порогом в истинный мир, в мир духов предков. Порог в истинный мир сакрален для мира человеческого.

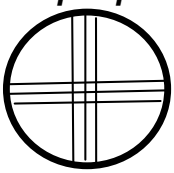
Именно с этого места берет свое начало упорядоченность мира человеческого.



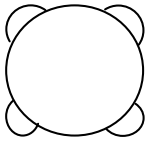
Если расположиться на почетном месте лицом к порогу, то можно мысленно провести линию, соединяющую «төр – босого». Она определит правую (оң), мужскую (эр жак) и левую (сол), женскую (эпчи жак) половины жилища.

Так же мы можем провести поперечную линию, соединяющую «эр – эпчи». Она определит «төр» и «босого». При соединении двух линий мы получаем равносторонний крест круга. Эта нижняя горизонтальная маркировка пространства боз үй. Есть еще верхняя маркировка пространства боз үй – это түндүк, представляющий собой такой же равносторонний крест круга. Нижняя маркировка пространства – точное совпадение верхнего. При вертикальном попадании света с деревянного остова боз үй на полу будет точно такое же деление внутреннего пространства жилища.

Түндүк – казан



Түндүк – символ структурированности духовного мира, определяющий структурированность материального мира. В пользу этого говорит расположение казана. Казан располагается прямо под түндүком. Казан тоже имеет форму равностороннего креста. Правда, линию креста обозначают ушки казана.



Ушки казана также должны соответствовать маркировке внутреннего пространства боз үй. Таким образом, если горизонтальная упорядоченность мира берет свое начало с почетного места, являющегося порогом истинного мира, то вертикальная упорядоченность мира ниспадает с мира көкө Теңгир (Небесного) как кут (благодать).

Стоит уточнить и особо отметить, что благодать, ниспадающая с истинного мира, придает человеку и человеческому миру духовную направленность развития. А духовная направленность мира – это когда материальное начало обусловлено духовным, а обусловленность духовным в том, чтобы материальное начало было не ради материального начала, порождающего нескончаемую жажду преувеличения материального, а подпитывающим духовное начало.

Благодать (кут) ниспадает в виде света мира истинного, мира духов предков, притом света, имеющего внутри себя онтологическую, изначально-духовную определенность, структурированность, организованность. Именно эта изначальная основа гармонизации человеческого мира и именуется благодатью (кут).

Казан – прямая противоположность остова (түндүка) боз үй. Как было сказано выше, остов (түндүк) боз үй символизирует духовное начало, а казан – материальное начало, которое традиционно располагается прямо под духовным началом (түндүком).

Здесь можно уловить и другую организованность мира духовного и материального. Түндүк по форме – полусфера, что символизирует отдачу, приход. Казан, в отличие от түндүк, по форме – перевернутая полусфера, принимающая духовное. Духовное одухотворяет материальное, а материальное подпитывает духовное.

Духовное, освещая материальное, одухотворяет его и придает материальному расширению духовную направленность. Материальное подпитывая духовное, не дает духовному началу отрываться от материального начала, тем самым духовное расширение в основе своей будет иметь духовно-материализованную окрашенность.

Итак, свет мира истинного, духовного, мира духов предков, символически обозначенный түндүк ниспадает с остова (түндүка) боз үй, имея внутри себя онтологическую, изначально-духовную определенность, структурированность, организованность, которая, сочетаясь с темным, материальным началом, символически обозначенным казаном, расширяется духовно-материализованным, тем самым маркируя внутреннее пространство боз үй равносторонним крестом, означающим устойчивость и упорядоченность мира.

Толерантность

Толерантность (терпимость) – это форма кочевого общежития. Толерантное отношение кыргыза-кочевника не только к себе подобным, но и ко всему живому и неживому в мире можно назвать отличительным способом бытия его на земле.

Софиякратия
(форма правления)

Кыргыз-кочевник использовал особую форму правления, ее я назвал софиякратией (мудрократией). Мудрократия – это высшая форма демократии. Она как высшая форма демократии была основой государственного устройства кыргыза-кочевника. Правитель для мудрого правления использовал механизмы мудрократии – советы старейшин-мудрецов, суды аксакалов, курултаи.

Мыслезаключение

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что основа традиционной управленческой культуры кыргызов – это следование установленным культурным основаниям, в которых все имеет свое функциональное место. К примеру, отношение «эр – эпчи» говорит об изначальной представленности мужского и женского начал во власти с учетом их особенностей. Если бы с этих позиций выступали женские организации во главе с экс-президентом Розой Отунбаевой, то их аргументы на представленность во власти женщин имели бы традиционные основания.

Отношение «төр – босого» говорит об отношении старший – младший, руководитель – подчиненный. Босого должен относиться к төру уважительно, учитывая то, что төр – это тот, кто придает направленность развития семьи, рода, народа. В свою очередь, тот, кто занял почетное место, должен соответствовать төру и бережно относиться с босого, так как босого является основанием төра. Без босого не может быть төра. Без төра не может быть босого в силу того, что каждый о себе может подумать, что он тот, кто может занять это место. При этом он не будет задумываться, достоин ли он этого места или нет, что и произошло на президентских выборах КР, когда юморист и другие не совсем соответствующие по образованию и нравственным критериям люди возомнили о себе как о достойных президентского кресла.

Итак, следование кыргызов онтологическим основам своей культуры есть гармонизация своего мира по законам мироздания. Неследование им порождает только проблемы и конфликты на всех уровнях человеческой жизнедеятельности.

Список использованной литературы

1. Абдрасулов С.М. О некоторых основаниях кыргызской государственности.// Правовые и экономические проблемы государства в переходный период. Материалы VIII международной научно-практической конференции. – Бишкек, 2003. – С. 99 – 104.
2. См.: Урманбетова Ж.К., Абдрасулов С.М. Истоки и тенденции развития кыргызской культуры. – Бишкек: Илим, 2009.

Э.Мусурманкулов

директор “HIGHLAND MINES” LTD
представитель Общественного объединения «Тагай-Ата»

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ “УРУУЧУЛУК” (ТРАЙБАЛИЗМ) В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОГО КЫРГЫЗСТАНА

Reflection values «uruuchuluk» (tribalism) in the political process of modern Kyrgyzstan.

Как известно, кочевая цивилизация, которая наиболее ярко проявилась в центре Азии, преподнесла человеческой истории специфическую культуру, существенно отличающуюся от оседлых цивилизаций. Она основывалась на ценностях, ориентированных на род, племя и надплеменные структуры, и характеризовалась высокой мобильностью в пределах достаточно большой пространственной протяженности. Кочевая цивилизация на протяжении исторических эпох поддерживала устойчивую государственную систему регуляции. Все основные экономические процессы происходили внутри племен и родов. Потребность в создании централизованного управления возникала только в случаях внешней угрозы или для организации набегов на соседей-земледельцев. Принадлежность к роду и племени для кыргыза была основной социальной ценностью. Каждый кыргыз впитывал с молоком матери сознание главенства интересов рода и племени.

В досоветский период кыргызы осознавали себя культурной общностью, этносом, состоящим из племен и родов правого, левого и центрального («ичкилик») крыла.

XX век характеризуется форсированным переводом кыргызского народа от кочевого образа жизни в оседлый, от родового образа жизни к советскому строю. В 30-е годы были репрессированы 40 тыс. чел. из 1,4 млн населения. Под репрессию попала, в основном, наиболее образованная часть народа, элита, которая отстаивала права и политическую независимость кыргызов.

В постсоветский период были разрушены ранее существовавшие социальные структуры (рабочие, крестьяне и служащие) и возродилось понятие принадлежности личности к родам и племенам. Дальнейшие общественные трансформации показали стремление кыргызского народа придерживаться этнических традиций и обычаев.

К тому же предыдущая **система выборов депутатов по территориальным округам** закрепляла трайбализм и регионализм.

Провал президентской системы управления, первые пока неуверенные шаги парламентаризма на основе партийного строительства и отсутствие сильного среднего класса дают основание к тому, что кыргызский избиратель сохраняет свою самоидентификацию на базе региона и трайба, а не по политическим направлениям.

И, естественно, в постреволюционный период общественная активность населения была направлена на легитимизацию своих неформальных объединений:

1. После революции 2010 года активизировался процесс регистрации общественных объединений на базе родов и племен.

2. Идет консолидация кыргызов как по горизонтали, так и по вертикали родовой и племенной генеалогии.

3. Создаваемые родовые ОО получают легитимизацию на общих собраниях родов, а объединение родов на собраниях полномочных делегатов от родов. Таким образом создаются предпосылки для создания легитимного (признаваемого всеми родами) ОО, представляющего все три «крыла» кыргызов.

По вопросу участия в политической жизни идет активная (жаркая) дискуссия внутри родов. Мнения, в основном, разделяются по следующим направлениям:

1. Создать на базе родовых или межродовых ОО политическую партию и активно участвовать в политической жизни.

2. Активное участие в политической жизни возможно только через партийную систему.

3. Ограничение своей деятельности рамками, предусмотренными законами для ОО.

В то же время необходимо отметить, что парламентско-партийная система дает свои первые результаты:

1. Вполне легитимно принята Конституция, отвечающая международным стандартам.

2. Вопреки пессимистическим прогнозам сформированы конституционные органы (президент, парламент и правительство). Идет прозрачное формирование судейского корпуса.

3. Выборные процессы вошли в приемлемые рамки.

4. Борьба с коррупцией приняла системную форму.

5. Партии стали влиять на родо-региональные структуры

Не виной, а бедой политических партий нужно считать:

1. Кыргызское общество, потеряв старую социальную структуру, еще не приобрело новую. Средний класс еще слаб. Дифференциация населения идет по

клановому и региональному признаку. Партии вынуждены сегрегироваться по этому признаку.

2. Спонсоры партий не заинтересованы в постановке общенациональных идей. Их цель ограничивается захватом доступа к уже имеющимся ресурсам государства с целью перераспределения, а не на развитие и создание новых ресурсов.

Выводы:

1. В текущее время политические партии наряду с обществом находятся в развитии по пути к полнокровной парламентской системе. При сохранении существующего вектора развития Кыргызстан может достичь высокого уровня общественного развития.
2. Институт «уруучулук» переживает свой ренессанс (возрождение). В какой степени он будет интегрирован в политическую систему Кыргызстана, будет зависеть от его внутреннего развития. Во внешней сфере (в Конституции КР) предусмотрено все необходимое для его полнокровного развития.

Список использованной литературы

1. Торогельдиева Б.М. . Политическая культура кыргызского народа: формирование, состояние и перспективы. – Б.: Турар, 2008. Учур. Бишкек. 2011.
2. Бейшембиева А. Первые уроки парламентского правления в Кыргызстане // Симпозиум «Парламентская демократия». – Бишкек, 2011.
3. Джуманалиев Т. Юсуф Баласагунский и проблемы укрепления государственности в Кыргызстане //
4. Симпозиум «Парламентская демократия». – Бишкек, 2011.
5. Нурова С. Трансформация форм правления в Кыргызстане и ее проблемы // Симпозиум «Парламентская демократия». – Бишкек, 2011.
6. Резолюция 3-й секции «Коп партиялуулук системасы, окулчулукто адилеттуулук, башкарууда макулдашуу маселелери» // Симпозиум «Парламентская демократия». – Бишкек, 2011.

Т.Д.Джуманалиев
докт. ист. наук, профессор,
декан факультета востоковедения
Кыргызского национального университета
им. Ж.Баласагына

ФЕНОМЕН ТРАЙБАЛИЗМА ИЛИ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

The phenomenon of tribalism or ethnic identity.

В кочевом обществе система родства и кровнородственные отношения всегда оставались ядром социально-политической организации, но на определенном этапе истории они выступали источником центробежных сил, сепаратизма и распада государства. Уровень родоплеменных отношений определяется уровнем политической культуры. Чем выше родоплеменное сознание, тем ниже уровень политической культуры, а следовательно, меньше шансов этнической консолидации, развития национального самосознания, поскольку понятия племенное сознание и национальное самосознание несовместимы, они противоположны. Если первое выражает интересы рода и племени, то второе – интересы нации и государства. Живучесть феномена трайбализма объясняется еще тем, что система родства и родственные отношения законсервировались в самом обществе, исторически длительное время оно находилось в изоляции по социально-экономическим и политическим причинам, и в тех условиях нельзя было искоренить его по той простой причине, что принцип общинности и эгалитаризма был присущ кочевому обществу. Вот почему трайбализм как социально-политический институт не был до конца искоренен ни при царской России, ни при Советском Союзе. В советское время феномен трайбализма в этнографической литературе назывался различными терминами: “местничество” или “землячество”, “кумовство” – и рассматривался как пережиток родоплеменного или патриархально-феодального строя [1, с. 10].

На определенном историческом этапе трайбализм сыграл в рамках рода и племени интегрирующую роль, когда род и племя находились на стадии становления и развития, именно на ранней стадии кочевого общества консолидация родов и племен была очень важна. И она происходила по кровнородственным и генеалогическим признакам, когда над родами и племенами постоянно нависала угроза извне в виде поглощения или ассимиляции чужими племенами.

В условиях беспрерывных межродовых и межплеменных столкновений и войн члены рода и племени могли выжить под защитой того же рода или племени в целях сохранения своего потомства. Рядовой член кочевой общины вне рода и племени практически был беззащитен, но обезличен в рамках рода и зависим от него. Понятно, что в то время не могло существовать ни государственных, ни правовых институтов, которые могли бы защитить рядового человека от посягательств других членов родовой общины, хотя в кочевом обществе существовало обычное право (или адат), которое регулировало межродовые и межплеменные отношения их членов. Но адат распространялся на определенное сообщество, он не являлся всеобщим и

универсальным, всеми признанный и не служил гарантом безопасности для всех членов кочевого общества. В тех условиях многие маломощные рода и племена поглощались и растворялись среди могущественных племен. Это был неизбежный исторический процесс, такова была природа развития общества.

Кочевая традиция сохранилась благодаря скотоводческому хозяйству, где больше зависимости от природных и климатических условий, характерные для номадического общества труд и деятельность кочевника были циклическими, где не было необходимости менять существующий порядок. На протяжении многих веков существование кочевников в изоляции по родоплеменному признаку не могло не накладывать отпечаток на их психологию и поведение, на их повседневную жизнь, на традиционную систему управления племенем, где непререкаемый авторитет родоправителя признавался всеми соплеменниками, рядовые кочевники прямо или косвенно считались родственниками племенного вождя. Род и племя постоянно находились под покровительством вождя, его подданные находились в зависимости, иначе они могли оказаться вне рода и племени, что чревато было превращением их в рабов.

В кочевых обществах государства рушились и распадались на мелкие княжества из-за отсутствия централизованной государственной власти и политической воли, власть не могла обуздать кочевое своеволие, родо-племенную анархию, и она захлестывалась волной кочевой племенной стихии. Кратковременное существование централизованных кочевых империй держалось за счет харизматических личностей, которые железом и кровью устанавливали власть как в центре, так и на местах. После их смерти все возвращалось на круги своя, центробежные силы и различные племенные группировки вели ожесточенную борьбу за власть ни на жизнь, а на смерть. Следует отметить, что само кочевое общество было сегментированным, т.е. ему всегда было присуще распадаться на рода и племена, поскольку в нем не было государственных традиций управления и институтов, не говоря уже о национальном самосознании, идеологии этнической консолидации и т.д. [1, с.11]

Исторический феномен трайбализма заключается в его живучести и неистребимости, как социальное явление он мутирует и трансформируется в новых условиях, обладает свойством постоянно распадаться на более мелкие подразделения и не подвергается консолидации и единству.

Могущественные кочевые империи, к примеру, империя Тюрков, империя Чингис-хана, Османская империя создавались благодаря пассионарным личностям, отличавшимся такими моральными качествами, как смелость, справедливость, честность, которые ставили свою честь и достоинство выше безопасности и материального благополучия/ Они сумели своей волей и целеустремленностью преодолеть на какое-то время родоплеменные барьеры, указать путь своим соплеменникам на вершину, возвысить их от примитивной родоплеменной к созидательной имперской организации. Когда приходили к власти люди трусливые, жадные, подлые, эгоистичные, только ищущие свою выгоду, империи распадались на осколки. Об этом красноречиво пишет древнетюркский письменный памятник VIII века, когда “сели на царство неразумные, трусливые каганы, и их приказные были трусливы, вследствие того, … что перессорились младшие со старшими – тюркский народ пришел в расстройство”. Как ни парадоксально, кочевники кровью и пòтом

создавали могущественные империи и государства и, что прискорбно, сами же их разваливали [2, с. 168].

Для кочевника набеги и завоевания были единственным источником прибавочного продукта. Так как собственная скотоводческая продукция не создавала прибавочного продукта, поэтому они прибегали к захватническим войнам. В условиях кочевого хозяйства кочевник не мог создавать прибавочного продукта и заниматься производством и только во власти и через власть мог осуществить внешнюю эксплуатацию на захваченных землях, приобрести прибавочный продукт. Кочевник не представлял себя без войн и набегов, поскольку он ничего не умел делать, кроме как воевать и грабить. В примитивных архаических обществах в душах людей того времени больше преобладала деструктивная сила, нежели созидательная, так как у кочевника энергопреобразования направлены на освоения ойкумена, пастбищ, в целом пространства.

Истоки этих бед и страданий находились в самой системе кочевого общества, где напрочь отсутствовали сословная иерархия, табель о рангах, вассальные отношения и связанные с ними этические и юридические нормы. Кочевой социум не был структурирован, скоординирован, организован. В условиях кочевого образа жизни власть не была структуро-системообразующим фактором. Как известно, для выживания социума необходима согласованность действий, исполнение воли лидера, его приказа, и подчинение ему есть залог безопасности и успеха [3, с. 33-34]. Например, у оседлых народов идеология, политика и экономика, частная жизнь были подчинены единой цели – государственности, сохранению единства социума и цельности территории. В большинстве случаев им это удавалось отстоять во время нашествия кочевников на земледельческие области.

В условиях примитивного экстенсивного хозяйства не требовалось, да и не было в этом необходимости, особого интеллектуального напряжения, творческого подхода, дальнейшего совершенствования хозяйственной деятельности, усложнения или скачка в общественном развитии, требующего переосмысления, пересмотра или изменения социальной и политической организации [4, с. 111-113].

Экстенсивное хозяйство не знало ни экономического, ни социального кризиса, которые ставили бы перед кочевым обществом задачи, цели по изменению экономической и политической организации, переустройство всей общественной системы и образа жизни.

В чем заключается феномен власти для кочевника, почему номад не сможет существовать без власти, и, находясь во власти, он чувствует себя более комфортно и независимо? Почему власть у него вызывает такой восторг и зависть, доведенную до патологии и паранойи? Кочевник понимал и знал цену магической силы власти, ради этого он готов был кого угодно принести в жертву: свой народ, близких и родных. Отношения к власти и к властным структурам у кочевников имеют свои особенности, для кочевника находиться во власти, управлять людьми, распоряжаться их судьбами, – все это вызывает у кочевника наркотическое наслаждение, когда покоренные народы и племена падают у его ног. Как там говорят: абсолютная власть развращает абсолютно.

Для номадов доступ к власти было достаточно легким, поскольку у номадов на пути к власти не существовало таких жестких иерархических или кастовых систем,

установленных и признанных всеми сакральных преград, как у оседлых народов. Достаточно было продемонстрировать свою военную мощь или нанести поражение претенденту, и этого хватало, чтобы прийти к власти. По своей сути авантюризм и узурпация власти всегда существовали у номадов, и кочевое общество постоянно страдало от этих бесконечных междоусобных братоубийственных войн, внутридинастийной борьбы за власть и т.д. Поэтому часто к власти приходили случайные и никчемные люди, которые только думали о быстром обогащении за счет народа. Кочевник не знал другого пути быстрого обогащения, кроме грабежа чужого или своего народа [5, с.126-127].

Отсутствие закона эволюции внутреннего общественного развития в кочевом обществе привело к сегментации рода и племени, этот процесс оказался необратимым по ряду объективных и субъективных факторов до начала XX века.

В Кыргызстане до сих пор продолжает существовать дофеодальная структура общества, пытаемся создать некое гибридное общество – смесь трайбализма и либерализма, соединить архаические элементы с парламентаризмом, синкретизм клановости – с демократическим управлением и т.д. Когда рядовые граждане свои проблемы не могут решать цивилизованным путем, поскольку государственные институты не выполняют свои функции должным образом или требуют определенную мзду, тогда люди обращаются к авторитету рода или клана. В этих условиях не приходится рассчитывать на нормальное функционирование государственных и правовых институтов, когда все общество пронизано духом трайбализма и клановости. Если рядовой человек не имеет кровнородственных связей в высших эшелонах власти, если у него нет доступа к кланам, то ему не приходится надеяться на перспективу или карьерный рост, пусть хоть он будет семи пядей во лбу. Кумовство и протекционизм стали нормой нашего общества, ими пользовались разного рода проходимцы, карьеристы, нечистые на руку люди, их никогда не волновали чаяния народа, занимая высокие государственные посты, они паразитировали на нашем обществе [5, с. 133-134]. Отсюда истоки наших бед и трагедий, и в этих условиях закономерным является приход к власти воровитых чиновников.

Институт кумовства и местничества следует рассматривать не только как пережиток трайбализма, но и обычай родовой и племенной взаимопомощи. На практике это протекционизм по отношению к родственникам, привлечение к управлению государством ближних и дальних родственников, земляков, который сопровождался вытеснением с ключевых постов профессионалов, не состоявших в близких родственных отношениях с “хозяином” или его окружением. Практика кумовства и местничества имеет под собой важное идеологическое обоснование, поскольку в традиционном обществе носитель власти выступает как представитель, лидер определенной группы, в данном случае рода, племени или региона.

Со дня обретения независимости трайбализм возродился и реанимировался в той или иной форме, поскольку экс-президенты и их окружения опирались не на партию, ни на общественные движения, а на рода и племена, регионализм как единственную реальную силу, так как интересы партии, движения не всегда совпадали с интересами правителя. Никто не задумывался или не хотел задумываться над тем, какую угрозу несет трайбализм кыргызскому обществу и государству, что это может со временем обернуться в межрегиональный или социальный конфликт. Увлечения отдельных

важных государственных мужей своей генеалогией и реанимированием трайбализма вели к разложению государственных и правовых институтов, которые и без того слабо функционировали в то время.

Если президент представлялся из того или иного региона, то, как правило, его должны были окружать соплеменники, и последние чувствовали себя соправителями, соучастниками под надежной “крышей” покровителя-земляка и допускали вольности с криминальным оттенком, безответственность, если хотите, наглость и бесцеремонность по отношению к другим. На руководящие государственные посты чиновники назначались не по деловым качествам, а по протекции, знакомству, родственным связям, по принципу личной преданности. На почве трайбализма процветали пышным цветом протекционизм, местничество, землячество, карьеризм, в узком семейно-родственном и приятельском кругу решались важные государственные проблемы.
Система управления оставалась неизменной, кадровая политика формировалась по принципу преданности и кумовства, назначались на важные ключевые посты государства самые ближайшие родственники президентов, и, тем самым, создавалась коррупционная схема для разграбления народа. Акаевы или бакиевы – это порождение нашего традиционного трайбалистского общества, нашего политического бескультурья, они появляются неслучайно, они – часть нашего общества, они – продукт нашего времени. Мы им сами выстраивали пирамиду власти своим конформизмом, равнодушием и беспринципностью, лицемерием и грубым подхалимством выводили их на политическую авансцену, а затем возводили их на олимп власти [6, с.16]. Тогдашний режим понимал и допускал, что регионально-клановая система является основным фактором при создании коррупционной схемы в стране, есть возможность широкомасштабно действовать и грабить собственный народ.

Наши правители не отличались государственным мышлением и государственным подходом в решении той или иной проблемы народа, они ставили родо-племенные и семейно-клановые интересы выше, чем государственные. Больше предпочитали находиться на различных “тусовках” республиканского или международного масштаба, выбивали очередные кредиты у западных толстосумов якобы на развитие демократии в Кыргызстане, чтобы в дальнейшем прикарманить эти деньги себе. Они считали ниже своего достоинства заниматься проблемами собственного народа, его интересами и нуждами. Практически люди находились в состоянии самовыживания, народ был отдан на откуп разного рода проходимцам, карьеристам, жадным коррумпированным чиновникам.

Происходила архаизация общественных отношений и социальных институтов, в частности, суды аксакалов и народные курултаи, которые преподносятся в различных форматах под видом этнической идентичности или возрождения традиций и т.д. Сами по себе они изжиты, стали рудиментами прошлого. Всякого рода социализация архаических форм отношений укрепляет и консервирует родоплеменное мышление и не может предлагать других путей и перспектив. Следует иметь в виду, что при архаизации некоторых социальных институтов кыргызское общество может откатиться назад в прошлое. Существует реальная угроза распада общества по родоплеменным признакам.

Возникает сакраментальный вопрос: как объяснить феномен живучести трайбализма и регионализма? Только ли он объясняется экономической отсталостью и низким уровнем политической культуры? Для того чтобы узреть корень зла, нам необходимо бросить ретроспективный взгляд на нашу историю. Дело в том, что кыргызы как кочевой народ длительное время существовали в рамках родовой общины, основанной на традиционных ценностях рода и племени, крепко спаянных кровными узами и т.д. при господстве натурального хозяйства, носившего присваивающий характер. Все эти факторы законсервировались в обществе, в отношениях между людьми. В силу нашего кочевого образа жизни мы в своей истории обошли или, точнее, перепрыгнули ряд важных исторических этапов, в частности, соседскую общину, феодальное и капиталистическое общество, которые хронологически следовали за родовым обществом и в которых зарождались общественное разделение труда, сословия, классы, готовились профессиональные управленцы, для этого создавались специальные учреждения, и, не менее важно, происходила социализация (воспитание) общества. Именно в феодальном и капиталистическом обществах должны были стираться, размываться и уничтожаться родовые, племенные отношения. Кровнородственные связи заменялись соседскими, партнерскими отношениями, вместо примитивного патернализма и родовых организаций создавались государственные институты, вместо обычного права и клановой поруки вводились конституция и судебная система, вместо племенного сепаратизма боролись за единство и целостность государства и т.д. [7, с. 230-232; с. 257-259]. В силу исторических обстоятельств мы обошли этот исторический путь, и со старым родоплеменным сознанием, с кочевой ментальностью оказались вначале в составе Российской империи, а затем – в Советском Союзе. За этот короткий исторический путь наше общество не избавилось от этого тяжелого “груза”, выдаваемого некоторыми политиками и доморощенными аналитиками за традицию, идентичность, самобытность нашего народа и т.д. Однако такой подход в перспективе не вызывает никакого оптимизма в строительстве цивилизованного общества, в укреплении государственности и единства народа.

Зарождение цивилизации – это переход с экстенсивного способа производства к интенсивному, это есть синергетический акт. Способность адаптироваться к цивилизации еще не есть способность создать цивилизацию. По словам Г.Лебона, »Жизнь народа, его учреждения, его верования и искусства суть только видимые продукты его невидимой души. Для того чтобы какой-нибудь народ преобразовал свои учреждения, свои верования и свое искусство, он должен сначала переделать свою душу. Для того чтобы он мог передать другому свою цивилизацию, нужно, чтобы он в состоянии был передать ему также свою душу» [8, с. 37-38].

Любая идея или попытки модернизации общества, экономики и производства обречены на провал и неосуществимы без должного образования и подготовки специалистов, без связи науки и производства, без практической деятельности, без целеустремленного воспитания молодежи.

В повседневной жизни кочевников их отношения к материальным и духовным ценностям, пренебрежение к интенсивному физическому и интеллектуальному труду наблюдаются даже на ментальном уровне. Более конкретно эти отношения выражаются в поведении и в этических нормах, это, прежде всего, безответственность, равнодушие, зависть, неуважение к чужому труду и собственности. Следует отметить,

что в кочевом обществе существовали иные законы и правила, исповедовались иные моральные ценности, которые не совсем совпадали с правилами оседлого населения, где долгое совместное проживание не по родоплеменному признаку отличало его от кочевников. Там действовали иные законы и правила, функционировали государственные и правовые институты. Жизнь рядового кочевника всегда находилась на грани выживания, они постоянно думали о хлебе насущном, на второй план отходили думы о вечном. За время лихолетья в душах людей образовался вакуум бездуховности и безнравственности, ценности наших предков, такие как уважение друг к другу, порядку и закону преданы забвению.

Государственная власть должна определять основные направления развития страны в интересах всех и каждого, должна выступать как организация всех граждан, и только от имени всех членов общества должны приниматься властные решения, касающиеся всех членов общества и обязательные для выполнения каждым. Роль государства огромна в политической интеграции общества, оно является одновременно носителем власти, юрисдикция которого распространяется на всю территории страны [9, с. 289-290].

Государство может существовать и развиваться благодаря проводимой государственной политике и государственному мышлению, без этих факторов не может быть и речи о государственности и единой нации. Единство нации и ее перспективы выражаются посредством государственной политики и государственности. Единство нации как государственная политика никем и никогда не ставилась ни в советское время, ни в постсоветский период.

Государственность – это соблюдение законности и порядка, она выражается в защите чести и достоинства своих граждан, и аналогично уважение граждан по отношению к своему государству. Государственностью должны быть пронизаны все сферы жизни общества и структуры власти: от политики и экономики до идеологии и образа жизни данного социума. Государственность – составная часть идеологии и политики государства [9, с. 355-357].

В государстве, где не ценятся человеческий капитал, его опыт, знания, профессионализм госуправления становится неэффективным, оно разваливается именно из-за исчерпаемости людских ресурсов. Государство должно стать центром выработки национальной экономической стратегии в XXI в., стимулятором национальных рынков, архитектором системы регулирования международных рыночных отношений. Государственные институты должны быть инструментом и проводником государственной политики, становым хребтом государства.

Уже прошло 20 лет со дня обретения независимости Кыргызстаном, однако наблюдается своего рода парадокс: когда появилась свобода слова, то многие известные кыргызские ученые, писатели, деятели искусства ничего не смогли сказать своему народу. Как так получилось, что власти допустили ограбить свой народ, довели его до нищенского существования, позволили вмешиваться чужим государствам во внутренние дела государства под предлогом либерализации общества, оболванивали и дезориентировали народ, что необходимо расстаться с прошлым традиционным обществом и культурой во имя либерального деградированного общества? Конечно, многие интеллигенты заняты собой, главным образом, как бы выжить в сегодняшних

условиях, им не до национальных интересов и идеологии, и поэтому им нечего сказать обществу. Многие из них находятся в плену догм и трайбализма. Хотя интеллект есть, разум и способность мыслить, проницательность мышления достаточны, чтобы дать оценку сегодняшним событиям, не допустить развала республики на север и юг, только не хватает смелости и решительности.

Список использованной литературы

1. Джуманалиев Т. Трайбализм и проблемы укрепления государственности // Деньги и власть. № 28 (110) от 20.07. 2012.
2. Большая надпись в честь Кюль-тегина и Бильге Кагана / Джуманалиев Т. Хрестоматия по древней и средневековой истории Кыргызстана. Т. 1. – Бишкек, 2007.
3. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. – М., 2000.
4. Желтов В.В., Желтов М.В. Политическая социология. – М., 2009.
5. Ильин В.В. Политология. – М., 1999.
6. Джуманалиев Т. Один за всех, и все на одного // Вечерний Бишкек от 18.06.2010.
7. Гиренко Н.М. Социология племени. – М., 1991.
8. Лебон Г. Психология народов. – М., 1998.
9. Гомеров А.С. Государственность и государственная власть. – М., 2002.

Е.В.Коротовских
советник по ИКТ Национального
Центра Информационных Технологий

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРАЙБАЛИЗМА В КЫРГЫЗСТАНЕ, ЕГО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Two revolutions occurred again raised the painful issue of tribalism in Kyrgyz society. Remain relevant topical issues on the impact of the Kyrgyz tribalism on politics, social life and even the matter of governance. Question Kyrgyz tribalism requires very balanced approach and in-depth analysis in order to avoid possible negative manifestations of tribalism in the future.

Несмотря на то, что на сегодняшний день как в Интернете, так и в научных материалах и публикациях данный вопрос недостаточно изучен, тем не менее уже сейчас можно выделить определение и основные причины возникновения кыргызского трайбализма.

Что же представляет собой трайбализм? Согласно классическому определению, **«трайбализм представляет собой культурно-бытовую, культовую и общественно-политическую племенную обособленность, одно из проявлений межплеменной вражды»**.

В свою очередь, согласно конституционному праву, термин «**трайбализм» используется для того, чтобы подчеркнуть племенную разрозненность в странах третьего мира**. В результате трайбализма **представителям одной этногруппы могут быть предоставлены различные привилегии (как материальные, так и нематериальные), которые не могут быть предоставлены представителям другой группы.** Таким образом, вопрос о дискриминации остальных этнических групп встает в полном объеме.

Трайбализм *не позволяет соблюдать принцип равноправия граждан и приводит к значительному ухудшению ситуации как в экономике, так и в политике государств*, к миграции населения в другие страны и даже к гражданским войнам. Именно трайбализм и явился одной из причин возникновения войн в Сомали, Руанде и Либерии, а также и в других странах. Несмотря на то, что внешне государства имеют все атрибуты демократического государства и нередко не имеют законодательных ограничений, тем не менее, в государстве может процветать трайбализм. Несмотря на то, что общество априори реализует выборную демократию, апостериори, в обществе функционирует родо-племенные, клановые и трайбалистические представления.

Трайбализм очень часто может быть предвестником национализма. Иногда, тем не менее, национализм является антонимом трайбализма как элемент, сплачивающий нацию и уничтожающий различные родо-племенные различия (как, например, в гитлеровской Германии).

Многие исследователи утверждают, что после объединения народов в этнополитические общности и их дальнейшего вхождения в государственные структуры происходит утрата трайбалистических тенденций. В качестве примера можно привести традиционные монотеистические религии, такие как иудаизм, христианство и ислам. Например, процесс объединения и консолидации народностей в Кыргызстане, который начался после 1917 года, был весьма успешен до 1991 года, когда начались проявления трайбализма и стремление возродить различные атрибуты родоплеменного устройства кыргызов. Следует отметить, что в ряде случаев элементы трайбализма могут иметь как положительный, так и негативный характер. Такие факты можно проследить и в других странах Центральной Азии.

В очень интересной работе по кыргызскому трайбализму, написанной известными кыргызскими учеными академиком Ж.Джунушалиевым и В.Плоских, «Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана», изложены причины и последствия возникновения трайбализма у кыргызов в исторической перспективе. Все рекомендации, которые даются известными учеными, очень интересны и полезны.

Следует отметить и высказывание экс-посла Кыргызстана в Малайзии Р.Жээнбекова: **«Наша политика – отражение борьбы кланов за перераспределение финансовых потоков. Сейчас мы можем наблюдать передел собственности».**

Помимо этого автор напрямую указывает и на причину возникновения кыргызского трайбализма:

«Экономической основой рода на протяжении всей истории народа всегда была общность основных источников существования. Еще в первые десятилетия прошлого столетия собственность у кыргызов фактически была общеродовой. Это относилось как к земле, так и к скоту, составлявшему основу хозяйства кочевника и его благополучия. И сегодня, к примеру, в представлениях сородичей права на управление и контроль государственной собственности, которые получал член их рода во власти, превращали ее как бы в родовую. Все члены рода были заинтересованы в укреплении его силы, обеспечении его благополучия, поскольку рядовой сородич мог найти защиту и поддержку только у своего рода. Принцип защиты «своего» закрепили у народа действия по принципу: «Защищай сородича и в правом, и в неправом». Род не только защищал, но и отвечал за проступки любого его члена. К примеру, как правило, для того, чтобы отомстить, достаточно было убить не убийцу, а любого члена его рода. ***Традиция ответственности рода за своих членов продолжает существовать и сегодня. Известны случаи, когда растрата, совершенная каким-нибудь проворовавшимся торговым «деятелем» или чиновником, покрывалась за счет средств родственников и сородичей их рода».***

Интересно, что размежевание по южному и северному регионам по областному принципу было положено еще со времен Кокандского ханства. Так, например, Чокан Валиханов, казахский исследователь, писал: «Кыргызы в соответствии со своим регионом размещения имеют свое место в ханстве. Кыргызы южного региона активно вовлекались во все стороны жизни ханства, принимали участие в военном и гражданском правлении. Северные кыргызские роды, живущие на отдаленном расстоянии от ханства, лишь формально признавали власть ханства, ведя при этом самостоятельную жизнь».

В первой половине XIX в. южнокиргизские манапы (представители родовой знати) оспаривали власть в расположенном на территории Ферганской долины Кокандском ханстве у сартовской (узбекской) и кипчакской группировок знати. Поскольку же Кокандское ханство в это время (1830-1840-е гг.) уже подчинило себе всю Киргизию, то это обстоятельство породило у южнокиргизской знати определенные претензии на господство над всем своим народом. В свою очередь, среди северных киргизов в это же время выдвинулось племя сарыбагыш.

Исследователь А.Б.Болпонова в публикации «Внутрипартийная групповая борьба 20-30-х гг. XX в. как проявление трайбализма» описывает до боли знакомую современному кыргызстанцу картину былого противостояния племенных кланов: «В период выборов в Советы местные ответработники, используя родовую борьбу, выходили на лидирующие позиции. Взамен получали родовую поддержку, карьерный рост, улучшенное материальное положение, повышенный статус в глазах своих родственников и коллег. Вероятнее всего, мотивами такого массового поведения были традиционное родовое противоборство за скот, за пастбище, влияние традиций прошлого образа жизни населения региона. Родовые авторитеты стремились проникнуть в ряды партии, чтобы использовать новые порядки в родовых и личных интересах».

Следует иметь в виду, что еще начиная с советского времени КПСС негласно чередовало руководителей Киргизской ССР, назначая выходцев из севера и юга. В качестве примера можно привести северянина Т. Айтматова (1934-1935 гг.), южанина И.Раззакова (1950-1961 гг.), сарыбагышевца Т.Усубалиева (1961-1985 гг.), южанина А.Масалиева (1985-1990 гг.).

В свою очередь, выборы в парламент в 2005 году проходили по одномандатным округам, но не по смешанной системе. То есть фактически эти выборы и были представлены по родо-племенному принципу, что и явилось одной из причин событий 24 марта 2005 года. Большую роль в обострении «Север – Юг» сыграли и ноябрьские митинги 2006 года, а также апрельские митинги 2007 года.

Основная суть внутрикыргызского конфликта (если отбросить экономическую составляющую) заключается в борьбе различных киргизских племен за власть над всей республикой. В Киргизии нет монополии какого-то одного племени или клана на власть, но, в основном, борьба идет между Севером и Югом. На Севере доминирует чуйско-иссыккульский клан, а внутри этого клана до недавнего времени доминировало племя сарыбагыш (Чуйская, Таласская, Иссык-Кульская и Нарынская области).. На юге господствует ошский клан, который выделяется не столько по племенному, сколько по локальному признаку (Баткенская, Джалал-Абадская и Ошская области)

«Юг и Север имеют ментальные различия. Главная причина в том, что юг когда-то был в непосредственном подчинении у Кокандского ханства. Там все знают, что такое властный человек – и потому побаиваются власть. Племена севера, в свою очередь, в эпоху феодализма всегда имели большую свободу. Например, когда Бакиев, представляя южный регион, установил в стране четкую клановую систему, Юг принял это как должное и признал в нем «хана», а Север отказался делать то же самое», –

говорит Табылды Акеров. «С региональными лидерами центру нужно учиться договариваться и делиться полномочиями»

Исследуя Интернет-материалы, следует отметить, что в большинстве случаев проявления или возрождения трайбализма, как правило, случаются при распаде государств или империй. Именно эти события происходят после 1991 года. Они же происходили и при расцвете английского и французского колониализма в середине 20 века. Помимо этого, такие события происходят и сегодня, например, в Мексике, Англии и некоторых других странах. Следует также упомянуть и события в Океании и Азии. Сегодня трайбализм набирает особую силу потому, что члены бывшей партноменклатуры постепенно уходят из властных структур.

В настоящее время трайбализм присутствует не только в Кыргызстане, но также и в Грузии, Молдове, в Украине и в других странах. Актуальным остается вопрос о том, как именно использовать, трансформировать или подавить процессы трайбализма для того, чтобы достигнуть своих целей. Кыргызский трайбализм тесно связан с политическими и экономическими вопросами, как то, к какому именно клану или роду могут принадлежать материальные и нематериальные богатства.

В качестве негативной черты трайбализма можно отнести и проявления межнациональной розни, как например, на Балканах, в бывшей Чехословакии, в Прибалтике и в других странах, где на первый план выходили вопросы крайнего трайбализма, переходившего в национализм.

Трайбализм имеет многотысячную историю. Так, в течение многих веков трайбализм играл и позитивную роль, объединяя многочисленные монотеистические религии в крупные этносы и нации. Положительные, интеграционные процессы трайбализма необходимо исследовать в течение длительного времени. Так, цитируем Ж.Джунашалиева и В.Плоских (статья «Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана»): «Принципы трайбализма начали складываться еще в стадную эпоху человеческой истории. Имея несовершенные орудия труда, древнейшие люди не могли жить в одиночку. В борьбе с природой, хищниками и себе подобными выживали, лишь сплотившись в коллектив». Так, культ Матери Природы, которая имела различных духов во всех «экосистемах», порождал гармоничную идею мира, которую блистательно изложил Ч.Т.Айтматов в своих произведениях. Природные ресурсы, материальное наследие и даже духовный опыт были во многом предметом зависти других племен и являлись основной причиной войн (как, например, в фильмах «Аватар» или «Апокалипсис»). В свою очередь, выжить в условиях кризиса представителям титульной нации помогают родовые структуры – институты взаимопомощи, своего рода «кыргызчылык». Что касается представителей других национальностей, то здесь вопрос помощи друг другу спорен.

Большую роль в развитии трайбализма сыграло и доминирование интересов племени или рода над стремлениями отдельного индивида. Именно здесь и есть глубинное противоречие между западными и восточными подходами к мироустройству общества в целом и к работе социальных институтов и механизмов в частности. Все данные вопросы также очень обстоятельно и точно проанализированы в статьях Ж.Джунушалиева и В.Плоских.

Трайбализм – это не только удел развивающихся стран. Элементы трайбализма сегодня существуют и в развитых странах Запада и Востока. Тем не менее, данную энергию необходимо направлять для интеграции, а не для дезинтеграции этносов, где доминирующая нация должна представлять собой «государствообразующий» этнос, который бы «скреплял» и все другие этносы без их ущемления. Этот вопрос требует дальнейшего решения.

«Историческая правда заключается в том, что именно сила родоплеменной системы позволила кыргызам сохранить себя как народ, сберечь в тысячелетнем пути свои неповторимые искусство, язык и культуру. Даже находясь в составе различных государств (монгольские улусы, Кокандское ханство), каждый из кыргызских родов сохранял в себе свои традиции, обычаи, порядки. Представляя собой автономное и самодостаточное сообщество, кыргызское племя не впускало в себя чужеродные элементы и сохраняло свое внутреннее самосознание. Поэтому, даже будучи разделены, наши племена не потеряли первоосновы кыргызского народа – его национальной культуры и языка. И недооценивать роль родоплеменных отношений в этом историческом явлении не следует».

Трайбализм может нести в себе и философские вопросы, которые направлены на самоидентификацию человека, нации или племени в контексте глобализации. Это может быть введение соответствующих учебных дисциплин в учебный процесс, которые были бы направлены на толерантность и преодоление межнациональных конфликтов.

Вопросы трайбализма в Кыргызстане необходимо решать, привлекая экспертное сообщество, ученых и журналистов. Это позволит в дальнейшем избежать возникновения различных конфликтов как в нашей стране, так и за ее пределами

Список использованной литературы

1. Ногойбаева Э. Политика Кыргызстана – испытание вызовами или ложка дегтя в бочке меда (9.12.2012)
2. Ракымбай уулу Н. Кыргызские политические кланы. Часть 1.
3. Болпонова А.Б. Внутрипартийная групповая борьба 20-30-х гг. XX в. как проявление трайбализма.
4. http://www.easttime.ru/analitic/1/4/202.html Омаров М.Н. «Феномен трайбализма у кыргызов»
5. http://www.easttime.ru/analitic/1/4/202.html – Джунушалиев Дж. и Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана.
6. Кушнер (Кнышев) Б.Б. Горная Киргизия (социалистическая разведка). – М., 1929. – С. 35.
7. ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 33, л. 133.
8. Кыргыздар. Т. 2. – Бишкек, 1993. – С. 527-528.
9. Сыдыков О. Тарых кыргыз Шабдания. Кыргыз санжырасы. – Бишкек, 1990. – С. 50.
10. ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 804, л. 22-23.
11. ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 33, л. 151.

М.С.Егиналиев
канд. полит. наук, профессор
Академии государственного управления
при Президенте Кыргызской Республики

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

The phenomenon of tribalism or ethnic identity.

Опыт показывает, что управление подвергается значительному влиянию со стороны ценностей в сфере политической организации общества, его прошлого и настоящего опыта, а значит со стороны его политической культуры. Государственное управление основывается на ценностях, берущих начало в культурных и нормативных источниках. В переходные периоды государственное управление либо черпает силы в потенциале своей политической культуры, либо, напротив, оказывается в плену не соответствующих современным требованиям вековых традиций. Со дня обретения независимости Кыргызстан сталкивается с разнообразными проблемами государственного управления. Разрешение всех коллизий, возникающих в ходе этого процесса, связано и с вопросами развития политической культуры Кыргызстана, его социальных групп и отдельной личности.

В связи с этим актуализируется аспект исследования политической культуры кадрового состава аппарата органов государственной власти и государственной службы. Благие намерения повышения эффективности деятельности государственных структур, национальные программы реформирования системы государственного управления, всевозможные пилотные проекты, предусматривающие введение инновационных технологий, остаются только благими намерениями, сталкиваясь и разбиваясь о «рифы» иного, туго поддающегося модернизации типа политической культуры. Попытки развить политические и экономические структуры в соответствии с демократическими идеалами западного образца встречают сопротивление и вязнут в «болоте» особенностей, имеющих иную цивилизационную основу. Неслучайно определяют, что государственное управление является «плодом брачного союза политической науки и менеджмента». Соответственно, в рождении и воспитании культуры государственного управления непосредственное участие принимает и политическая культура.

Осуществлять перемены в реформировании политической системы в сторону демократизации и повышения его эффективности будет возможно в той мере, в какой возможны формирование «культуры перемен», обновление ценностей политической культуры, освобождение от психологии фатализма в борьбе индивида с силами Природы или Судьбы, от конформизма – соблюдения устоявшихся норм и правил мышления и поведения в обществе.

Политическая культура Кыргызстана обладает всем этим «джентльменским набором» особенностей, ее трансформация, естественно, займет более

продолжительный период времени и является более сложным процессом, нежели простая декларация и лепка институциональной оболочки демократии.

На протяжении многих столетий кыргызский народ жил либо во власти аморфной кочевой государственности, т.е. в условиях до-политических, потестарных отношений, либо в границах иных государственных образований или империй, а значит, фактически находился во внешнем управлении. Даже в рамках СССР, когда кыргызы обрели многие институты государственности, Кыргызстан не имел полной самостоятельности и был в зависимости от диктата Москвы. Соответственно, культура власти, с которой кыргызский народ вступил в этап своего независимого существования, не содержала в себе основополагающих ценностей, которые бы способствовали динамичному вхождению Кыргызстана в процесс самостоятельного государственного строительства, безболезненному переходу от состояния колониальной зависимости в составе Российской империи и тоталитаризма в СССР к демократическому обустройству страны.

И только теперь, в условиях строительства суверенного государства, культуру формирования властных, управленческих отношений, по нашему мнению, в полной мере можно назвать началом становления собственно *политической культуры*.

Пока человек не осознал себя свободным существом, он находился вне политики, воспринимая возвышающуюся над ним власть как нечто естественное и необходимое, имеющее силу божественного или природного закона. Политика приходит в жизнь людей вместе с ощущением личной свободы, с потребностью ее обретения. Наблюдающийся феномен «бегства от свободы» свидетельствует лишь о продолжающих сохраняться у нас политическом инфантилизме и психологии политического иждивенчества масс, вызванных отсутствием опыта существования в условиях свободы. Как раз этим, а отнюдь не врожденной любовью наших сограждан к рабству и насилию и объясняется тот факт, что сейчас многие тоскуют по жесткой, самодержавной власти, а иногда – и по сталинизму.

Однако свобода – это не только политическая, но и моральная категория. Будучи необходимой предпосылкой приобщения человека к сфере политического, она одновременно выступает и условием добродетельной жизни. Лишь свободный человек обладает моралью. Именно в качестве политического существа человек обретает способность творить добро, действовать для достижения общего блага. В данном контексте политика и этика как бы предполагают и дополняют друг друга. С этой точки зрения власть, игнорирующая мораль и ориентированная исключительно на силу, не может считаться политической или, по крайней мере, служить образцом и примером таковой.

Как свидетельствует мировая практика, любое общество, переживающее период качественной модернизации, с необходимостью испытывает ряд кризисов, оказывающих воздействие на все сферы и области социальной жизни. Политическая культура вовлекается в разрешение этих структурных кризисов. Однако ее роль при этом может быть оценена как малосозидательная и малоконструктивная. Устойчивость политических ментально-поведенческих ориентаций складывается на протяжении многих поколений, и, следовательно,

качественные параметры политических социокультурных элементов находятся в непосредственной зависимости от предшествующего периода истории, заложившего ее фундаментальные контуры и основы. Нынешние же общественные трансформации не могут прервать историческую связь времен и потому, что не разрушены многие основания тоталитарного прошлого, и потому, что живы еще носители прошлых традиций, ценностей и стереотипов. Ориентация граждан на поиск харизматического лидера, доминирование эмоциогенной мотивации политического поведения, массовое стремление избежать персональной ответственности за всевозможные политические действия, незначительный удельный вес новых форм политической активности – вот характерные черты политической культуры на всем постсоветском пространстве. Политическая культура такого содержания будет играть негативную роль в преодолении кризисов идентичности, участия, легитимности.

Эти особенности выражаются, по мнению специалистов, в ряде типичных явлений.

Первая особенность – персонализм. Под этим подразумевается личная преданность государственного служащего отдельным людям – руководителям, клановым и политическим боссам, а значит игнорирование ими интересов организации и общества в целом. Этот персонализм проявляется в оказании поддержки или преданности политическому покровителю. Исполнение функций или обязанностей осуществляется посредством личных контактов, минуя официальные и законные каналы. Проявляется преданность групповым и региональным узам.

Как пишет М.Вебер в своей работе «Традиционное господство»: «Господин (или несколько господ) стоит у власти в силу установившейся традиции. Господствующий – это не «начальник», а господин собственной персоной; его штаб управления – в основном не «чиновники», а личные «слуги», подчиненные – это не «члены» союза, а:

- либо «традиционные товарищи»;
- либо «подданные». Не объективный служебный долг, а личная преданность слуги определяет отношение штаба управления к господину. Подчиняются не уставу, а личности, призванной для этого по традиции… приказы которой легитимны по двум причинам:
- отчасти в силу традиции, прямо определяющей содержание распоряжений (в смысле, продуманном этой традицией);
- отчасти в силу свободного произвола господина, которому традиция предоставляет соответствующую возможность. Этот традиционный произвол покоится в основном на безграничном почитании» [1].

Или как пишет российский исследователь Г.Мирский: «Что характерно для традиционного общества? Прежде всего – коллективизм, принцип подчинения интересов индивида интересам общины. Отсюда проистекают такие явления, как неприятие разделения общества по партийному признаку, почитание власти, основанной на принципе уважения старших, которые лучше знают, что нужно для народа. Это выражается в укорененной традиции послушания начальству. Не случаен такой феномен, как чуть ли не единодушное голосование за кандидатов власти на выборах, Традиционное общество всегда разделено на кланы, племена, этнические и

конфессиональные общности, и это, с одной стороны, естественно создает почву для конфликтов, но, с другой стороны, придает особую ценность созданию сильной государственной власти, способной не допустить перерастания этих неизбежных конфликтов в междоусобные войны, в потрясения, могущие погубить государство» [2].

Вторая особенность – это правительственная чехарда, сопровождаемая бесконечными должностными перестановками и создающая неопределенность политического курса, препятствующая любым попыткам проявить инициативу или поддержать непрерывность, преемственность в реализации программ.

Третья особенность – это широко распространенная и воспринимаемая в качестве составной части процесса управления коррупция, практикуемая на всех уровнях административной власти. Причем «знамя» борьбы с коррупцией поднимается непременно и в первую очередь всеми командами в борьбе за политическую власть и, в то же время, коррупция непременно и в первую очередь используется как «инструмент», как составная часть технологий прихода к политической власти.

Четвертая особенность – дефицит координации и связи в деятельности министерств и ведомств. Каждое министерство и ведомство функционирует в соответствии со своими, часто противоречивыми задачами и правилами. Из-за частых изменений в правительстве административные органы не знают, каких правил им придерживаться.

Пятая особенность – отношение бюрократии к занятости чиновников. Постоянно создаются новые вакансии, которые затем заполняются. Это делается порой без всякой надобности, лишь для того чтобы обеспечить работой чиновников. Правительственные учреждения и услуги используются для выполнения функций, не связанных с правительством. Сокращение штатов государственных чиновников активно используется для освобождения от неугодных лиц в межклановой, в межрегиональной борьбе и т.д.

Шестая особенность описывается как гуманистическая традиция. Под этим подразумевается, что выполнение функций или достижение успеха вторичны по отношению к сохранению хороших социальных связей. Система управления делает упор на персональном приспособлении, а не на навязывании исполнительных стандартов. Эта ситуация в значительной степени объясняется недостатком профессионально обученного персонала и слабыми техническими возможностями исполнения решений.

В такой административной системе не принято брать ответственность на себя, что вызывает необходимость жесткого контроля над выполнением намеченных дел [3].

Все эти особенности ведут к недостатку «гражданской культуры» или «служебной культуры» у государственных управленцев. У них отсутствует понимание того, что их действия должны отражать общие государственные интересы. Точнее будет сказать, что происходит игнорирование государственных интересов. Государственная служба рассматривается с точки зрения личных, а не

общественных интересов. Размышления над причинами социальных проблем и путей их решения малохарактерны для подобного менталитета.

Согласно теории, политическое управление имеет три основные разновидности: государственное управление, управление внутри государственных и политических организаций и политический менеджмент, т.е. управленческие отношения, где субъект не может опереться на право «легитимного насилия» и на свои статусные ресурсы и поэтому вынужден прибегать к иным формам и методам воздействия на предполагаемый объект управления, т.е. методам мотивации и коммуникации. А эти методы непосредственно связаны с внеинституциональными элементами политической системы общества, а именно с такими категориями, как политическое сознание, политическая социализация, политическая культура. Следовательно, в основе технологий политического менеджмента лежат методы, непосредственно связанные с политической культурой.

Политический менеджмент существуют уже давно. Практически во всех исторических обществах правители вынуждены были решать задачи повышения своего авторитета, расширения своего влияния на широкие слои населения, а конкурирующие группы и кланы всегда искали пути эффективного влияния на своих вождей, королей и императоров. Однако только в современном обществе политический менеджмент обретает масштабный характер. Это вызвано рядом важных процессов, получивших бурное развитие в последние два столетия.

Первый из них – изменение роли масс в политической жизни общества. Возрастание роли масс в политической жизни общества было вызвано ломкой сословных перегородок, размыванием традиционалистских основ социальной жизни, развитием капиталистической системы хозяйствования. Теперь уже нельзя управлять массами, ориентируясь на традиции и обычаи, апеллируя к идее божественного происхождения государственной власти, нужно искать новые рычаги воздействия на широкие слои населения. Так, с осознанием факта, что захват и удержание власти перестали определяться искусством дворцовых интриг, а все в большей степени начинают зависеть от умения привлекать на свою сторону массы, приходило понимание значения особого вида управления, позволяющего в новой исторической ситуации решать проблемы власти путем перехода от прямого давления к более скрытым способам воздействия на людей.

Второй процесс – либерализация и демократизация массового сознания. На протяжении двух последних веков можно было наблюдать, как сложно и противоречиво, но вместе с тем неуклонно в сознании многих людей утверждались ценности либеральной идеологии и демократии. Чем ближе людям становились идеалы свободы личности, гражданских и политических прав, равенства всех перед законом, политического плюрализма и народовластия, тем активнее они сопротивлялись любой форме насилия над личностью. Управление свободным человеком требует особого мастерства. Нужно уметь побуждать его совершать действия, в которых заинтересован управляющий субъект, и при этом поддерживать у него ощущение свободы своего выбора, естественности совершаемых им действий.

Третий процесс – демократизация обществ. Этот процесс нашел свое выражение в утверждении принципа разделения властей, в выборности основных государственных органов, в равенстве всех граждан перед законом, в приоритетности прав человека над

правами государства, в многопартийности и т.д. Развитие демократии ведет к резкому сужению институциональных возможностей для произвола и насилия со стороны властей. Будучи ограниченными законом в своих действиях, государственные должностные лица и другие политические деятели не могли не обратиться к теории и практике политического менеджмента для укрепления своего авторитета и влияния, для проведения в жизнь своих замыслов и решений.

Четвертый процесс является составной частью демократизации. Речь идет о введении всеобщего избирательного права. Политический менеджмент в современном его виде многим обязан именно избирательным кампаниям. В ходе предвыборной борьбы создавались и оттачивались технологии воздействия на массы. Ведь, как это ни кощунственно звучит, но массой, способной повлиять на выбор того или иного кандидата, нужно управлять так, чтобы она не замечала направляющего воздействия. Управление избирательными кампаниями является одним из самых востребованных видов политического менеджмента.

Пятый процесс – превращение политических партий и общественных организаций, групп интересов в самостоятельных субъектов, стремящихся играть активную роль на политической арене. Партии, общественные организации, группы интересов в отличие от государства лишены права на создание общеобязательных норм и на применение легитимного насилия, поэтому политический менеджмент становится для них единственно возможной формой управленческого воздействия на массы.

Шестой процесс – развитие электронных средств массовой коммуникации. С появлением радио, телевидения, Интернета резко расширились возможности информационного влияния на массы. Современные средства массовой коммуникации позволяют не только информировать людей, но и влиять на эмоциональное восприятие информации, формировать массовые настроения. Многие приемы, используемые в политическом менеджменте для воздействия на политическое поведение, стали возможными именно благодаря СМИ, которые могут многократно усиливать убеждающее воздействие передаваемой информации.

Широко распространенные ранее методы государственного принуждения, откровенного насилия уже не соответствуют новым реалиям.

В такой ситуации не могло не произойти возрастание интереса различных политических сил к особому виду управленческих отношений – к политическому менеджменту [4].

Список использованной литературы

1. Гуменчук О.Н. Роль политической культуры в модернизации общества. // Модернизация: мировой опыт и современный Казахстан: Доклады и тезисы выступлений на республиканской научно-практической конференции 20-21 апреля 1985г. – Алма-Ата, 1985. – С. 124-126.
2. Вебер М. Традиционное господство. Политология. Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2006. – С. 75-76.
3. Райт Г. Государственное управление. – Бишкек, 1997. – С. 41-42.
4. Пушкарева Г.Н. Политический менеджмент. – М.: Дело, 2002.

А.С.Ахметов
канд. филос. наук,
ст. преподаватель ПГПИ

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

In article the analysis of such institutes of the democratic state as «legal culture» and «civil society» on an example of the countries of the post-Soviet territory, namely in the countries of the Central Asia is given.

После распада СССР страны постсоветского пространства столкнулись с рядом проблем как социально-экономического, так и политического характера. В этих условиях странам Центральной Азии очень важно было обеспечить процесс соблюдения законности принимаемых решений, кроме того, обеспечить реализацию правовых актов. В странах СНГ с изменением политической, экономической и социальной структуры заново начали формироваться правовые устои государственной и общественной жизни. Вопрос о развитии правовой культуры, формировании гражданского общества стал важным элементом процесса демократизации общества.

Развитие правовой культуры напрямую зависит от результатов правовых реформ, и поэтому необходима совместная работа государства и общества, средств массовой информации, каждого гражданина для достижения целей проводимых в стране правовых реформ и развития правовой культуры.

Правовая культура является составным элементом культуры общества и личности и может служить показателем развитости культуры. Это одна из сторон социально-нормативной системы, показывающей нравственно-правовой уровень общества в целом. Правовая культура – это показатель восприятия правовых знаний и навыков, правового поведения каждого индивида и его умения реализовывать нормы действующей системы права.

Уже сегодня становится очевидным, что наиболее успешное и эффективное решение политических, экономических и социальных задач, стоящих перед государством, практически невозможно без повышения уровня правовой культуры общества, воспитания у каждого гражданина глубочайшего уважения к закону, его нормам и готовности активно содействовать повышению правовой культуры. Правовую культуру можно и необходимо рассматривать как важнейшее условие формирования демократического государства и гражданского общества. В этой связи страны Центральной Азии планомерно проводят правовую политику, главной задачей которой является построение демократического государства. В данном направлении большое значение имеет, например, Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года «О концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 гг.». Данная Концепция является системным и важным документом, определяющим основные направления развития национального права, совершенствования структуры и

методов деятельности правоохранительных и судебных органов, органов государственного надзора [1] и утверждена Министерством юстиции Кыргызской Республики от 18 октября 2010 года №146 «Концепция правовой пропаганды на 2010-2013 годы» [2].

В Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы четко определена роль гражданского общества: «Развитие гражданского общества является важным условием для создания демократического, светского, правового и социального государства. Общественный прогресс, демократическое развитие, экономический подъем возможны при активном участии граждан во всех важных сферах жизнедеятельности общества» [3].

Роль правовой культуры в процессе формирования гражданского общества определяется не только уровнем ее ценности по отношению к обществу и государству, но и способностью быть механизмом формирования и функционирования целостной системы правовой грамотности населения, умения применять им нормы права, совершенствовать индивидуальный уровень нравственной, правовой, этической культуры.

Современная наука рассматривает гражданское общество на основе двух основных подходов: формационного и цивилизационного. Чтобы провести анализ отдельных явлений гражданского общества, применяются также культурологический или культурно-антропологический подходы. Например, А.С.Ахиезер придает гражданскому обществу социокультурное измерение, связывая его развитую форму с либеральной цивилизацией, которая существует на базе обычной городской жизни, абстрактного мышления, товарно-денежных отношений, осознания ценностей личности, личной инициативы и частной собственности. Ученый отмечает, что гражданское общество – это, прежде всего, рост личной ответственности за общество, способность формировать и поддерживать социальные институты, организации, ассоциации, направленные на защиту и изменение общества в целом [4, 274–276].

Процесс становления гражданского общества должен рассматриваться как элемент общемирового процесса общественной модернизации, перехода от аграрного типа к индустриальному, от общества традиционного к современному, где на первом месте стоят права и свободы человека. Взаимодействие государства с гражданским обществом определяет тип государства. К этим типам можно отнести: тоталитарный, авторитарный и демократический, которые выражают содержание политической власти и ее формы. Общество постоянно эволюционирует, придавая более «чистые» черты государству и гражданскому обществу, при этом обозначает новые параметры их взаимоотношений. Отсюда следует, что взаимодействие государства и гражданского общества в зависимости от комплекса решаемых задач принимает ту или иную конкретно-историческую форму, при этом создавая определенное социально-правовое пространство с внутренней спецификой и процессуальными характеристиками.

Любая общественная деятельность граждан, направленная на защиту своих интересов, ограничивая бюрократическую систему государства, задает направление развитию гражданского общества. В демократических государствах независимость и

самостоятельность гражданского общества выявляется в свободной деятельности партий, движений, объединений. Интеракция государства с субъектами гражданского общества выстраивается по принципу управления и упорядочивания социальных взаимоотношений, в виде административной структуры [5, 29-38].

Гражданское общество, развиваясь в благоприятных условиях, посредством которых оно в значительной мере создает все условия, необходимые для создания нормативных актов (законов) и способов превращения государства в правовое государство. Принцип верховенства права в демократическом государстве означает неотъемлемое право всего народа на выражение своих интересов, а также помогает государству определить форму и содержание, конституционные принципы организации власти, характер государственного механизма.

В гражданском обществе при обеспечении прав и свобод человека необходимо упрочнение государства как формы организации публичной власти. Государство как механизм выполнения властных функций имеет целую совокупность различных противовесов, которые можно разделить на следующие виды: 1) гуманистические (принцип приоритета прав и свобод человека по отношению к государству); 2) демократические (создание массовой социальной базы, исключение отчуждения личности от государства); 3) нравственные (принцип и идея равенства и справедливости); 4) ограничение единовластия (принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную).

Достижение поставленных целей в области повышения правовой культуры гражданского общества основывается на разработке основных направлений повышения правовой культуры. Мы предлагаем следующие направления: 1) осознание и понимание таких понятий, как «право» и «законность»; 2) постоянное совершенствование законодательной базы; 3) развитие уровня правовой деятельности; 4) разработка и освоение достижений научных исследований; 5) анализ и систематизация полученных результатов, определение новых целей и задач.

Процесс повышения правовой культуры предполагает непрерывную работу с гражданами, качественный уровень преподавания в вузах и других учреждениях образования занятий по правовому профилю, высокопрофессиональное кадровое обеспечение законодательных, исполнительных и правоохранительных органов. Необходимо понимать, что вовлечение сразу больших масс населения в правовую деятельность не принесет желаемого эффекта, так как это будет нерационально. Для начала необходимо преодолеть барьер юридической безграмотности и такое отрицательное явление, как правовой нигилизм.

По мнению кыргызстанского юриста Мурата Укушова, корневой проблемой для государства в этих условиях становится разрешение противоречия между обязанностью гарантировать права и свободы человека и гражданина и необходимостью обеспечивать безопасность и конституционный строй государства. Задача новой государственной власти – обеспечить прочное государственное строительство, одновременно преодолевая правовой нигилизм и обеспечивая формирование правосознания всего народа, реально способного действовать на основе принципов права и законности, стремящегося жить по праву [6]. Кроме того другой

исследователь А.Таштанова считает, что «…длительная социально-экономическая нестабильность в Кыргызстане, массовая безработица, быстрая и значительная дифференциация населения по имущественному признаку при обнищании части населения страны и другие факторы вызвали к активной жизни такие традиционные феномены, как трайбализм и регионализм» [7]. Что примечательно, проблема трайбализма и регионализма присуща практически всем странам постсоветского пространства.

Показателем высокого уровня правовой культуры является совершенство и развитость государственного аппарата. Отсюда следует, что необходимо предъявлять особые требования к должностным лицам, которые участвуют в правотворческой деятельности, так как эти люди призваны формировать и осуществлять правовую политику, обеспечивать действие права и т.д. Это будет возможным только при соблюдении демократических и обязательных юридических процедур в процессе правотворчества.

Каждое государство, реализовывая политику развития правовой культуры, должно уделять внимание воспитания высокой гражданственности личности, уважения к существующим законам. Данные качества характеризуют степень развития правовой культуры государства. Формирование правовой культуры и ее развитие возможно только при решении следующих задач:

1. Необходимо обеспечить в основополагающих началах и принципах правовой системы государства необходимую ориентацию. Это означает деление принципов правовой системы на: отраслевые, межотраслевые, конституционные. Знание этих принципов позволяет индивиду понимать сущность и содержание права, формировать собственные правовые знания и убеждения.

2. Для расширения объема и повышения уровня правового поведения адресатов права необходимо создать определенную базу. Это нужно сделать для формирования социальной зрелости граждан и юридической грамотности, что будет характеризовать их правовое поведение. А это, в свою очередь, будет предпосылкой для нормального функционирования государства с высоким уровнем правовой культуры.

3. Необходимо обеспечить непосредственным носителям прав и обязанностей условий борьбы за свои законные интересы. Это означает создание условий для исключения правовой пассивности, воспитание чувства законности и справедливости у каждого гражданина.

4. Необходимо проводить постоянную работу по профилактике правонарушений. Здесь важно вести борьбу с правовым нигилизмом, слабой информированности населения о существующих законах, вести постоянную работу над совершенствованием законодательства.

5. Необходимо проводить политику правовой активизации населения. Стабильность правопорядка в обществе напрямую зависит от активности и действенности каждого индивида с нарушениями законности.

В заключение важно отметить, что повысить уровень правовой культуры невозможно без комплексных мер со стороны государства, без создания условий, при которых общество сможет реализовать свои права и свободы. Кроме того, само общество также должно осознавать необходимость участвовать в социально-экономической, политической жизни государства, что в совокупности позволит достичь развитого гражданского общества демократического государства.

Список использованной литературы

1. О концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 гг. [Текст]: указ Президента Республики Казахстан от 24 авг. 2009 № 858. – 72 с.
2. Концепция правовой пропаганды на 2010-2013 гг. [Текст]: приказ Министерства юстиции Кыргызской Республики от 18 окт. 2010 № 146. – 68 с.
3. Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы [Текст]. – Астана: Б.и., 2006. – 64 с.
4. Ахиезер, А.С. Социологический справочник [Текст] / А.С. Ахиезер. – Киев: Наук. думка, 1990. – 311 с.
5. Соловьев, А.И. Три облака государства – три стратегии гражданского общества [Текст] / А.И. Соловьев // Полис. – 1996. – № 6. – С. 29-38.
6. Укушов, М. Корневые проблемы государственного строительства в Кыргызстане [Электронный ресурс] / http://www.pr.kg/gazeta/number508/1548
7. Таштанова А.Ш. Трансформация правовой культуры кыргызов: философский анализ [Текст]: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 /А.Таштанова. – Бишкек, 2011. – 24 с.

С.О.Жунушова
канд. соц. наук, докторант КНУ им. Ж. Баласагына

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

The question of specifics of formation of political identity substantially became the catalyst of development of all theory of political identity, and now causes huge discussion. So, research of political identity begins in the European and American political science with the XX century middle. As for Post-Soviet space that research including in Kyrgyzstan to political science, this phenomenon it is observed since the beginning of the 1990th years as the present, with its globalization and other accompanying elements, political identity puts new meanings in concept.

Важнейшими характеристиками политического сознания молодежи являются, наряду с политическими ценностями и предпочтениями, политические установки, прежде всего – политическая идентичность. Вопрос о специфике формирования политической идентичности в значительной степени становился катализатором развития всей теории политической культуры, и в настоящее время постоянно дискутируется. Так, исследование политической идентичности начинается в европейской и американской политической науке с середины XX века. Что касается постсоветского пространства, то исследование, в том числе и в Кыргызстане в политической науке, данного явления наблюдается с начала 1990-х годов, так как современность с ее глобализацией, информатизацией и прочими сопутствующими элементами вкладывает новые смыслы в понятие «политическая идентичность».

Подавляющее большинство исследований политической идентичности начинаются с анализа кризиса идентичности в мире, который возникает из-за сложности современного мира, государства в мире и человека в государстве. Если обратиться к истории возникновения проблемы, то можно сказать, что древнегреческие мыслители решение проблемы самоопределения нации видели в «языково-культурном» принципе самоидентификации: «всякий, кто говорит по-гречески, – эллин, всякий, кто говорит на ином языке и придерживается иных обычаев, – варвар» [1, с. 6]. Идентичность относится к базовым потребностям человека. Человеческое существование невозможно при длительной утрате чувства идентичности. Идентичность – это представления и переживания, позволяющие отдельному человеку, группе и обществу в целом обрести чувство определенности, самотождественности.

Как пишет З.Гаипов: «Процесс идентификации предполагает распознавание позитивно и негативно значимых других, выяснение степени близости или удаленности их социальной позиции от той, которая признается своей, значимой». Тот же механизм объединения и различения, включения и обособления, ассоциаций и автономии действует в процессе становления политической идентичности. В сфере повседневной политической жизни у индивида складывается сначала некоторая поверхностная, ситуационная политическая идентичность, которая через обобщение, типизацию, смыслополагание и рационализацию может стать устойчивой политической идентичностью. Одновременно с освоением политической культуры как системы

базовых убеждений, установок, ориентации, символов, обращенных на политическую систему, индивид осваивает свою политическую позицию – нормы и правила политического действия, приемы политического восприятия и оценивания, способы политического участия и коммуникации.

Политическая идентичность, так же как и социальная, имеет групповую природу. Она проявляется в ощущении принадлежности к какой-либо группе (например, партии, идеологическому течению и т.д.) и/или как отождествление группой себя с какой-либо политической позицией и признание этого со стороны других субъектов политического процесса. Политическая идентичность и идентификация также тесно связаны с легитимностью и легитимацией, ибо идентичность и идентификация предполагают признание правомерности занятия той или иной позиции со стороны других субъектов политических отношений.

Политическая идентичность является одним из продуктов политического сознания. Вместе с тем политическая идентичность является также продуктом «объективных» факторов, таких, например, как структура политического пространства и его динамики. «Политическая идентичность сама может оказывать значительное влияние на специфику политического сознания. Поэтому она, при определенных условиях и с известными оговорками, может рассматриваться как составляющая политического сознания» [2].

«Политическая идентичность играет существенную роль в процессе формирования «внешнего поведения» индивида: с помощью политической идентичности индивид или группа становятся субъектом политических отношений и политического процесса. Как справедливо отмечает Ю.Качанов, «политическая идентичность субъекта установлена, когда другие субъекты политических отношений кодифицируют его как... определенного агента путем приписывания ему тех же значений идентичности, которые он признает для себя или объявляет сам» [3]. В условиях глобализации молодой человек оказывается все более отдаленным от традиционных институтов власти, в то же время оказываясь включенным в новые модели власти и все более зависимым от событий, происходящих на мировой арене. Все эти процессы влияют на кардинальное изменение внутренней самооценки и самоидентификации молодежи. Базовый вопрос звучит, как «кто ты?» или «кто я такой?», причем речь здесь идет не только о национальной идентичности, хотя в первую очередь исследования затрагивают именно эту проблему, но и о религиозной, этнической и других типах идентичности.

Таким образом, «глобализация представляет собой не столько изменения в движении людей и вещей, сколько способ идентификации событий и явлений участниками мировой системы. В самом общем виде под глобализацией понимают процесс, который приводит к всеобъемлющему, всемирному связыванию структур, институтов и культур» [4. с.133]. Под глобализацией понимают процесс социальных изменений последнего десятилетия, заключающийся в формировании единого всемирного рынка (т.е. победы либерализма в мировом масштабе), всемирной информационной открытости, появлении новых информационных технологий, а также в увеличении глобальной культурной связи между людьми и народами. Согласно мнению большинства западных ученых, в целом глобализацию следует рассматривать как процесс интенсификации социальных отношений, которые связывают отдаленные

регионы таким образом, что локальные феномены (изменения) формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные в большей степени определяются локальными изменениями. Но, как пишет Н.А.Хвыля-Олинтер, «Глобализация не только способствует внедрению новых, не свойственных национальной культуре элементов идентичности в идентификационную структуру молодого поколения, но и расширяет набор и возможности механизмов влияния, действие которых может носить явный или скрытый (манипулятивный) характер. Это вызывает идентификационные искажения, понимаемые как формы идентичности, которые не соответствуют традиционной культуре данной нации и оказывают деструктивное влияние на социальную систему в целом. Описанные процессы усиливают социальные риски и дестабилизируют социально-политическую ситуацию в стране» [5]. В качестве базовых компонентов, раскрывающих содержание политической идентичности молодежи, выступают следующие: культурная, религиозная, национальная, территориальная и государственная.

Основной принцип мультикультурализма – «равноправное сосуществование различных форм культурной жизни» (Ю.Хабермас), то есть равноправие меньшинств и большинства. Это требует наличия программ специальной поддержки и защиты меньшинств. В наши дни мультикультуральная политика направлена не только на этнические и конфессиональные меньшинства, но и на меньшинства других типов (гомосексуальные, феминистское движение и т.д.). Важно, что поддержка меньшинств оказывается не просто стороной государственной политики, но и частью всей социально-политической системы. Мультикультурализм подразумевает построение общества на взаимодействии социальных структур, созданных на этнокультурных, конфессиональных и др. основаниях. Принцип территориального суверенитета остается за нацией, но мультикультурность становится важнейшим принципом закона о гражданстве, системы социальной защиты и вообще всей социальной политики, образования, избирательной системы, трудового права и всего регулирования рынка труда, миграционного законодательства.

Можно различать пассивный и активный мультикультурализм [6], то есть политику толерантного отношения к культурному разнообразию и политику его активной поддержки и развития, когда государство поощряет разделение граждан на меньшинства и активно их поддерживает. В таком случае, чтобы иметь всю полноту гражданских прав и возможностей, человеку надо быть членом каких-либо (чаще всего этноконфессиональных) меньшинств. И если на ранних стадиях внедрения мультикультуральной политики речь шла скорее об отмене ассимиляционных практик, то уже довольно скоро развитие новой идеологии потребовало от государства внедрения определенных практик.

«Фактически за мультикультурализмом стоит отрицание единого общества – вместо него утверждается конгломерат общин с общим гражданством. В этом можно увидеть постмодернистское «расщепление субъекта», его децентрализацию. Однако на деле такая институализация этничности приводит к возрождению на новых основаниях донациональных форм общественной жизни, в чем можно усмотреть даже возрождение сословности. В системе мультикультурализма этническая группа становится субъектом права. Например, социальная помощь оказывается не иммигрантам как отдельным людям, а определенным группам, выделяемым по этническому признаку – и теперь это касается далеко не только мигрантских диаспор» [7].

Изначальной идеей мультикультурализма была идеология и правовая основа политики привлечения трудовых мигрантов. Ее принятие как официальной всегда означало политику «открытых дверей». Примечательно, что благодаря ее многолетнему проведению ушло в прошлое различение между иммигрантскими и неиммигрантскими странами Запада: первые стали «обществами классической иммиграции», а вторые «новыми иммигрантскими государствами». Арабская и турецкая диаспоры в Европе стали такими же инициаторами мультикультуральных реформ, как польская и итальянская диаспоры в США.

При этом мультикультурализм как идеология появился в связи с иными задачами. Его родина – Канада. Для Канады по сей день стоит проблема сохранения своей территориальной целостности, но, возможно, именно благодаря этой идеологии она до сих пор существует как единое государство.

Импорт новых идей в Европу связан был уже с иными основаниями, здесь сыграло роль развитие леволиберальной мысли: утверждение принципа равенства возможностей всех граждан столкнулось с фактическим различием реальных возможностей у представителей этнокультурного большинства и различных меньшинств. Возникла идея позитивной дискриминации, то есть предоставления различных льгот и привилегий меньшинствам с целью уравнивания их возможностей с возможностями большинства.

Так произошла мутация либеральной мысли: если для ее традиционных форм основным принципом были права человека, то есть каждого отдельного гражданина, то теперь на первом плане оказались требования равных прав коллективов людей как гарантирующих равенство возможностей отдельных их представителей.

Мультикультурализм оказался очень своевременной идеологией для Европы, и не только из-за экономических причин (потребность в привлечении дешевой рабочей силы из-за рубежа), но и из-за определенного состояния общественного мнения. Вообще, мультикультурализм предполагает иммигрантское общество. Кыргызстан таковым сегодня не является. Однако активно идут процессы, которые приближают его к этому состоянию. Подавляющая часть более образованной, активной части молодежи сегодня подвержена миграции.

Канцлер Германии Ангела Меркель в своем выступлении 18 ноября 2010 г. очень критично объявила об «абсолютном крахе» этой политики, ведь различные этноконфессиональные общины Германии «живут бок о бок, но не взаимодействуют». Современные западноевропейские лидеры постоянно подчеркивают «отсутствие у молодых людей, выходцев из мусульманских стран, других идентичностей, кроме соотнесения себя с общиной». Выступление президента Франции Николя Саркози 12 февраля того же года уже было похоже не на критику, а на манифест отказа от неудавшейся политической идеологии: «Общество, в котором общины просто сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным»; «Наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга – этот подход провалился, совершенно провалился».

В этом контексте следует отметить, что есть надежда, что молодые кыргызстанцы, которые находятся в зарубежных странах на учебе, по работе в будущем возвратятся домой. Эта категория молодежи в перспективе будет трудиться над укреплением демократии и рыночных отношений именно в Кыргызстане, используя экономический, политический опыт, полученный за рубежом. В современных условиях во всех странах мультикультуральной политики заметен значительный рост межэтнической напряженности, ксенофобии и враждебности, дискриминации к иммигрантам. Как правильно отмечали, «ирония мультикультурализма» состоит в том, что «толерантность на уровне правительственной политики ведет к нетерпимости большинства населения» [8]. Вместо интеграции (заявляемой как главная цель мультикультурализма) распространяется добровольная самосегрегация меньшинств и отчужденность иммигрантов. «Мультикультурализм на уровне страны оборачивается жесткой сегрегацией на локальном уровне» [9]. Более того, сегодня в Европе считается, что массовый приток иностранцев, в основном из афро-азиатских государств, с иной культурой, укладом, религией, образом мышления, образованием обострил прежде всего социальные проблемы европейских обществ, поставил под угрозу национально-культурное своеобразие европейцев, а в последнее время в связи с ростом исламского экстремизма и терроризма – и безопасность государств. Практически во всех европейских странах идеи синтеза и многообразия культур сегодня сменились стремлением к «жесткой интеграции» мигрантов в европейское общество на условиях компромисса: с соблюдением их гражданских прав в том объеме, в котором они не вступают в противоречие с национальными интересами и культурными традициями европейских государств.

Таким образом, в современных условиях политическая линия страны всегда должна исходить из оценки проблем, стоящих перед обществом. Каковы основные проблемы современного Кыргызстана в области приобщения молодежи к политической жизни? Есть ли у нее проблемы с возрождением молодой когорты политиков, мыслящих современными категориями? Сейчас наша главная задача – сохранение национальной культуры, идентичности. Сегодня старые принципы национальной политики, тем более дополненные мультикультурализмом, действуют лишь как механизм дезинтеграции.

Подводя итог нашему краткому обзору проблем специфики политической идентичности молодежи Кыргызстана в современных условиях, можно сделать вывод, что сложившийся кризис – это, главным образом, конфликт устаревающих форм идентичности с новыми реалиями, повлекший за собой процесс отказа от прежних социальных ролей, национальных самоопределений, идеологических образов. Нам представляется, что развивающиеся в мире процессы глобализации, затрагивающие идентификационные архетипы и стратегии всех обществ и индивидов, развернувшийся переход к постиндустриальному обществу по-новому ставят проблему формирования многоуровневой идентичности не только для нашего общества, но и для всего мира. Считаем, что прав американский философ А.Этциони, который утверждает, что, если важнейшие социальные процессы XX века были определяемы борьбой идеологий, то XXI век пройдет под знаком вопросов идентичности [10]. В этом ракурсе процесс политической идентичности молодежи представляется наиболее интересным и актуальным.

Список использованной литературы

1. Феоктистов И. На переломе, в поисках себя. От редакции // Хантингтон С. КТО МЫ?: Вызовы американской национальной идентичности /Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. – С. 6.
2. http://www.politregionalistika.ru: ru
3. Качанов Ю. Опыты в поле политики. – М., 1994. – С.113.
4. Archer M.S. Sociology for One World: Unity and Diversity//International Sociology. 1991. V. 6. P. 133.
5. http://www.dissercat.com/content/natsionalno-kulturnaya-identichnost-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi-v-usloviyakh-globalizat#ixzz2Iz9FpysA
6. Схожее определение даёт Чандран Кукатас для моделей «мягкого» и «жёсткого» мультикультурализма.: //*Кукатас Ч.* Теоретические основы мультикультурализма // http://www.polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/.
7. Немский О. Соблазн мультикультурализма // Агентство политических новостей-2013 25 января .
8. Котельников В. Мультикультурализм для Европы: вызов иммиграции // http://antropotok.archipelag.ru/text/a263.htm.
9. Панин Э. Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна // Россия в глобальной политике.- 2001.- №2. - С. 8-23.
10. Этциони А. От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М.: Ладомир, 2004. – С. 81.

А.Темиркулов
руководитель кафедры международной
и сравнительной политики, эксперт АУЦА

РЕГИОНАЛИЗМ, НЕПОТИЗМ, КОРРУПЦИЯ: ВЫВОДЫ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Regionalism, nepotism, corruption: implications for civil society.

Преамбула

Данный доклад является результатом исследовательского проекта, спонсированного IPF (International Policy Fellowship) Фонда Сороса. Доклад посвящен проблеме трайбализма и регионального деления в Кыргызстане. В ходе исследования было обнаружено, что данная проблема тесно связана с проблемой коррупции. Изучается потенциальная роль организаций гражданского сектора в борьбе против непотизма, регионализма и коррупции. Основной целью доклада является разработка комплекса рекомендаций для неправительственных организаций.

Введение

Региональное деление, трайбализм, местничество являются сегодня проблемой, тревожащей, наверное, каждого гражданина Кыргызстана. Политики и СМИ, ученые и аналитики не перестают говорить об опасности этих явлений. По мнению некоторых из них, эти явления представляют реальную угрозу стабильности государственности. Главным аргументом является то, что соперничество между региональными, родоплеменными группами подрывает национальное единство и может стать источником внутреннего конфликта.

Государственные органы применяют разные способы для разрешения этой проблемы.[1] Разработчики Стратегии Развития Страны 2006-2007 не оставили без внимания данную проблему.[2] Признав важную роль государственных институтов, они также подчеркнули, что основным инициатором и двигателем борьбы с непотизмом и регионализмом должно быть гражданское общество. Этот факт был также признан представителями неправительственных организаций.[3]

Данный доклад посвящен потенциальной роли организаций гражданского сектора в борьбе против непотизма и регионализма в рамках Стратегии Развития Страны 2007-2010. Он изучает возможные варианты действий НПО и НКО в противодействии

---

[1] Пример тому, введение уголовной ответственности за высказывания, провоцирующие межрегиональную неприязнь.
[2] Стратегия Развития Страны (СРС) 2006-2010 пункты 66 и 67.
[3] Форум - НПО 2007, 11 июля 2007, Бишкек.

региональному делению. Основной целью является разработать комплекс рекомендаций для организаций гражданского сектора.

Доклад поделен на три части:

1) Региональное деление как социальная проблема. Эта глава изучает корни данной проблемы. В чем причина возможного, потенциального раскола общества по признаку региональной принадлежности?

2) Цели и задачи. Эта глава рассматривает, что могут сделать организации гражданского общества для разрешения данной проблемы. Здесь определены цели и задачи, которые должны быть достигнуты и решены.

3) Рекомендации. Эта глава определяет, как достигнуть цели и решить задачи, поставленные в предыдущей главе.

1. Региональное деление как социальная проблема

1.1. Непотизм [4]

Действительно, существуют незначительные отличия в практике традиций, произношении, и менталитете между жителями различных регионов Кыргызстана. Более того, существует традиционное деление на *уруу* (племена) и конфедерации племен, [5] которое сегодня стало «фольклором» и не играет никакой функциональной роли в обществе.

Эти различия и традиционное племенное/региональное деление не являются проблемой per se, как это кажется некоторым исследователям и политическим деятелям. Наши полевые исследования показали, что местное население различных регионов не питает никаких чувств антипатии или соперничества друг к другу. Из опрошенных нами в регионах респондентов (исключая г. Бишкек) ни один не ответил положительно на вопрос «Мешают ли чем-то выходцы из другого региона вам лично?». Это объясняется отсутствием спорного предмета. Положительно на этот вопрос отвечают преимущественно жители столицы. Возможно, это объясняется тем,

---

4 В данном тексте концепт *непотизм* используется как фаворитизм, предоставленный родственникам или близким друзьям, не имеющий отношения к их заслугам. Смотрите: Alexander I. D. The Evolution of social behavior, Annual Review of Anthropology 5: 325-383, 1974.

5 Кыргызская социальная структура состояла приблизительно из сорока различных племенных союзов *(urun),* основанных на родственных отношениях. Каждый племенной союз состоял из различных семейных подразделений. Эти племенные союзы были объединены в три большие конфедерации: *Он канат* (Правое крыло)*, Сол канат* (Левое крыло) и *Ичкилик*. Эта структура была основанием политической организации кыргызов. Каждый племенной союз имел политический суверенитет и свою собственную территорию, которые совпадают сегодня с региональным делением север и юг. Для детального исследования кыргызской традиционной социальной структуры, см.: Исраилова-Харьехузен Ч.Р. *Традиционное общество кырыгзов в период русской колонизации во второй половине XIX – начале XX в. и система их родства*. – Бишкек: Илим, 1999.

что именно они вовлечены в соперничество за ресурсы, сосредоточенные по большей части в столице и ее окрестностях.

Некоторые из них выражали определенные претензии к выходцам других регионов, ссылаясь на инциденты дискриминации, которые происходили, однако, не с ними. На вопрос: «Откуда у вас такая информация», они ссылались на представителей местной элиты. Последние же рассказывали, что лично встречались с проявлениями региональной и родоплеменной дискриминации в государственных структурах. Однако продолжительные беседы выявляли, что эти случаи были скорее проявлением коррупции[6], нежели дискриминации. Дальнейшие исследования на эту тему подтвердили данные выводы.

В трудных условиях переходного периода, который сегодня переживает Кыргызстан, населению нелегко приспособиться к новым экономическим условиям. Государство не в состоянии обеспечить население необходимыми условиями социальной защиты. Социальная уязвимость вынуждает людей обращаться к помощи неформальных социальных институтов, в которых основным элементом является традиционная солидарность – *тууганчылык*. Такие институты помогают обеспечивать некоторую социальную защищенность для своих членов/участников посредством гарантии взаимной помощи. Таким образом, после обретения независимости практика солидарности посредством неформальных институтов получила широкое применение в обществе. Одним из таких институтов являются патронажные сети, основанные на синтезе принадлежности к определенной административно-территориальной единице и родственных связях.

Практика такой солидарности не создавала бы никаких проблем, если бы она оставалась вне структур официальных учреждений. Однако это явление не только имеет место в рамках государственных учреждений, но также часто занимает доминирующие позиции не только в кадровой политике, но и в моменты политической борьбы за власть и за доступ к ресурсам между различными группами элит.

Солидарность, основанная на территориально/клановой принадлежности, активно используется коррумпированными элитами. Коррумпированный руководитель стремится набирать в свой офис людей принадлежащих к его группе солидарности, для него это, прежде всего, способ гарантирования собственной безопасности в его коррумпированной деятельности. Коррумпированный начальник редко имеет дело с взяткой лично. Он предпочитает это делать через подчиненных. Переговоры о передаче денег проводятся подчиненным. Затем этот подчиненный получает взятку, часть которой оставляет себе, а часть передает начальнику. Тем самым начальник остается вне контакта с взяткодателем. Эта схема создана для усложнения поимки с поличным начальника.

Для эффективного функционирования данной схемы начальник нуждается в неформальном контроле над подчиненным. Это необходимо для того, чтобы

[6] Согласно ИВК (Индекс Восприятия Коррупции) 2006, Трансперенси Интернэшионал, Кыргызстан занимает 150 место в рейтинге из 170 стран.

подчиненный не утаивал крупную часть денег, а также для того, чтобы в случае поимки подчиненного с поличным начальник мог иметь необходимые гарантии того, что подчиненный не раскроет соучастие начальника. Если подчиненный все-таки изобличает руководителя, руководитель имеет возможность оказать на него давление через общих родственников, знакомых, аксакалов и т.д.[7]. В случае практики коррупционной деятельности такой механизм контроля укрепляет безопасность коррумпированных чиновников, а также обеспечивает лучший контроль над незаконными финансовыми потоками. Интервьюируемый руководитель среднего уровня таможенного отдела объяснил: «Когда вы работаете в таком учреждении, в котором работаю я, вы должны помнить, что, во-первых, ваше положение неустойчиво; а во-вторых – ваш теневой доход зависит от ваших подчиненных. Следовательно, вы нуждаетесь в дополнительном контроле над вашими подчиненными».

Таким образом, в кадровой политике за вопросом «откуда ты родом?» кроется мысль: «как я могу тебя эффективнее контролировать и использовать?». Следовательно, причиной появления регионализма/трайбализма в государственных структурах является не неприязнь к выходцам другого региона, а элементарная коррупция. Однако у простых граждан, сталкивающихся с коррупцией в определенном госучреждении и обнаруживающих, что данные чиновники являются выходцами из одного региона, складывается впечатление, что причиной вымогательства взяток и необъективной кадровой политики является неприязнь к выходцам из другого региона.

Таким образом, коррупционные вымогательства, неправильные толкования, ошибочные оценки приводят к формированию негативного мнения о выходцах из другого региона вообще. Складывающееся таким образом мнение о дискриминации потенциально может поставить под сомнение национальное единство.[8] Такая ситуация активно используется региональными элитами, которые с целью достижения своих политических и меркантильных целей часто мобилизуют массы, используя патронажные сети и риторику регионализма. Именно это представляет угрозу стабильности.

Региональное деление кыргызов и традиционные институты солидарности per se не являются проблемой, угрожающей стабильности государства. В любой развитой стране найдутся региональные противоречия, и не только региональные, но и многие другие конфликты, разделяющие общество. Вся проблема в том, что в Кыргызстане эти традиционные институты солидарности, основанные на территориально/клановo-семейной принадлежности, используются коррумпированной элитой и чиновниками в рамках государственных структур.

---

[7] Из интервью с работниками налоговой инспекции, таможни и МВД.

[8] К похожему заключению пришел Тату Ванхавен (Tatu Vanhanen) в своей статье “Domestic Ethnic Conflict and Ethnic Nepotism: A Comparative Analysis”, Journal of Peace Research, Vol. 36, No. 1, 55-73 (1999), где он утверждает, что одной из причин межэтнических конфликтов является непотизм.

1.2. «Захват государства»

Другой причиной усугубления регионального вопроса является система правления, сложившаяся за время независимости Кыргызстана. Эта система характеризуется наличием сильной президентской власти, сдерживанием демократического развития и семейно-клановым управлением страной.

В течение 15 лет независимости Конституция Кыргызской Республики была преобразована три раза, все время укрепляя полномочия президента. Правительство, главы местной государственной администрации, судебная власть зависели от президента. Власть была сконцентрирована в руках одного человека, что давало ему широкие полномочия, которые легко было использовать в коррупционных целях. В реалиях кыргызского общества расширенная власть президента вырабатывает непотизм и коррупцию, поскольку глава государства использует возможность назначать на ключевые посты родственников и лично ему преданных людей, без учета их профессиональной компетентности. Не секрет, что главным принципом кадровой политики является лояльность президенту. В свою очередь, protégé президента нанимают собственных родственников и друзей по принципу, описанному в предыдущей главе. В результате происходила узурпация власти элитой одного из двух регионов. Эта практика усиливала власть президента, предоставляя ему неофициальные механизмы контроля над государственными институтами – происходил феномен, который ученые назвали «захват государства»[9].

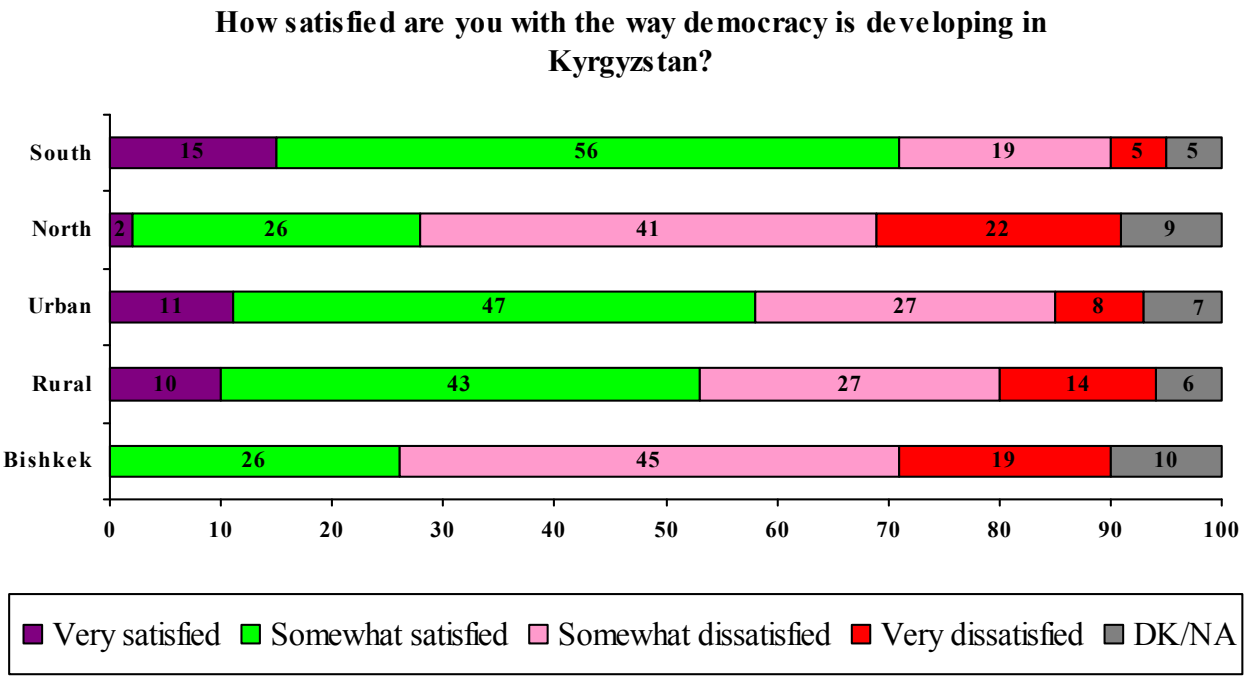
Таким образом, власть концентрировалась в руках одного человека, который в глазах некоторых граждан являлся не только главой государства, но и олицетворял, в первую очередь, свой регион, и тем самым олицетворял правление страны выходцами данного региона. Это являлось причиной того, что жители «президентского» региона поддерживали данное правление, а выходцы «непрезидентского» региона, наоборот, критиковали – происходил «географический раскол в мнениях».

Так, например, согласно исследованиям Международного Республиканского Института, проведенным в мае 2007 года,[10] жители южного региона были склонны считать, что за последние 12 месяцев их жизнь изменилась к лучшему как в экономическом отношении, так и в вопросах демократического развития. Однако большая часть северного региона и г. Бишкек имели обратное мнение – они склонны считать, что их жизнь ухудшилась в сравнении с предыдущим годом. Это наглядно показано в следующих таблицах.

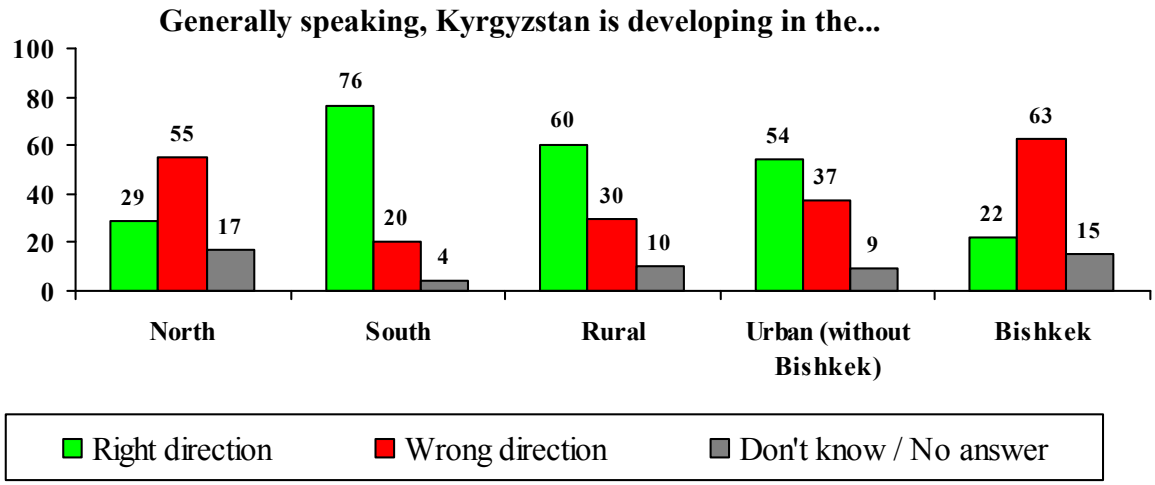
---

[9] *Борьба с коррупцией в переходный период. Вклад в обсуждение стратегии*, Всемирный банк, Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 2000.

[10] МРИ вебсайт : http://www.iri.org/eurasia/kyrgyzstan.asp



Источник: Kyrgyzstan National Opinion Poll, May 2007, International Republican Institute.



Источник: Kyrgyzstan National Opinion Poll, May 2007, International Republican Institute.

В этих таблицах наглядно видно, как резко разнятся мнения жителей севера и юга в отношении демократического развития страны, а также проводимой политики бакиевской власти в общем. Данные факты говорят о том, что жители южного региона были склонны поддерживать развитие под руководством президента (который является выходцем с юга), жители же северного региона склонны к более критической позиции.

В данных социальных условиях президентское правление с ярко выраженными характеристиками авторитаризма и непотизма было чревато дестабилизацией и расколом общества, особенно в моменты перевыборов[11]. В случае переизбрания президента на второй и более срок среди представителей «непрезидентского» региона появлялось чувство несправедливости. Это, естественно, вызывало недовольство не только у представителей элиты, но также и обычных граждан «непрезидентского» региона. В этом случае появлялась неконструктивная оппозиционная элита, основанная на региональном делении, а у простых граждан возникали требования региональной ротации. Такая система не вела к стабильности, поскольку антагонизм двух элит приводил к хронической силовой смене власти, как это уже было 24 марта 2005 и 7 апреля 2010 года. Как утверждает известный социолог Хуан Линз: "Опасность игры с нулевой суммой, которая исходит от президентских выборов, обусловлена фиксированной жесткостью президентского срока. Победители и проигравшие резко определены на весь период президентского мандата. Проигравший должен ждать четыре или пять лет без доступа к исполнительной власти и патронажу. Игра с нулевой суммой в президентских режимах поднимает ставки президентских выборов и неизбежно усиливает их сопутствующую напряженность и поляризацию".[12]

2. Цели и задачи

Как было показано в предыдущей главе, традиционное регионально/клановое деление не является проблемой per se; причиной потенциального раскола в обществе являются непотизм и коррупция. Все усилия как гражданского сектора, так и государственного должны быть направлены на борьбу не с региональным делением кыргызов или с традиционной солидарностью, а с коррупцией. Снижение уровня коррупции приведет к ненадобности использования механизмов традиционной солидарности и к отказу от практики непотизма и регионализма среди чиновников государственных учреждений.

Коррупция имеет много причин. Организации гражданского общества не могут оказать прямое воздействие на все эти причины (пример: низкие заработные платы). Однако они могут сконцентрировать свою работу на тех направлениях, на которых они будут наиболее успешными, – это развитие общенациональных (трансрегиональных) политических партий, гражданский контроль над кадровой политикой и деятельностью чиновников и изменение поведения населения в вопросах непотизма и коррупции.

2.1. Развитие общенациональных (трансрегиональных) политических партий

После смены власти в апреле 2010 года Кыргызстан приступил к реформированию своей формы политического правления, которая способствовала развитию авторитаризма, непотизма и коррупции. Согласно новой редакции конституции от 2010 года, полномочия более сбалансированно распределяются между различными ветвями власти. Полномочия президента ограничены, а парламенту и премьер-министру отведена более важная роль, чем раньше. Судебной власти гарантирована бóльшая независимость. Парламент будет формироваться по мажоритарно-пропорциональной системе.

---

[11] Что было дважды доказано событиями 2005 и 2010 годов.

[12] Linz, Juan, 'The Perils of Presidentialism', Journal of Democracy, winter 1990, p. 56. Согласно исследованиям Хуана Линза, опыт других стран подтверждает вышеназванные дефекты.

В данных социальных реалиях все эти завоевания являются необходимым условием для снижения уровня коррупции, что, в свою очередь, снизит риск регионального деления. Сбалансированное распределение полномочий позволит сократить уровень злоупотреблений, поскольку правительство будет зависеть не от одного человека, представляющего одну группу интересов (в данном случае регион), а от представителей различных групп. Каждый депутат сможет оказывать прямое воздействие на правительство и тем самым реально защищать интересы своей социальной группы. Это повышает ответственность правительства перед всеми группами интересов, представленных в парламенте. Увеличение влияния политических партий, в долгосрочной перспективе, может перевести основную борьбу в парламенте из региональной плоскости[13] в идеологическую. Парламент, будучи коллегиальным органом, представляющим (в идеале) всю социальную мозаику, является институтом, наиболее защищенным от возможных деградаций в сторону авторитаризма и семейно-кланового правления. Исследования таких ученых, как Хуан Линз, Фред Риггс, показывают, что парламентаризм меньше подвержен опасностям авторитаризма и коррупции.

В Кыргызстане институт парламента и система политических партий находятся только в стадии развития. Политические партии редко создаются на идеологической базе. В большинстве своем они являются клиенталистическими и харизматическими партиями.[14] Более того, как заметил Валентин Богатырев: «Партийной системе (в Кыргызстане), как и в других постсоветских странах, присуще большое число партий во всех частях политического спектра, дробление партий на основе личностных, регионально-этнических, финансово-экономических факторов. (…) Партии выступают не столько как механизм отображения интересов соответствующих социальных слоев на политической плоскости, сколько как инструмент межклановых и межкорпоративных схваток за контроль над теми или иными ресурсами»[15].

Однако парламентаризм без наличия программных партий и стабильной системы политических партий мало что может изменить к лучшему.[16] Для создания функциональной системы политических партий необходимо наличие программных, общенациональных (трансрегиональных) политических партий, нацеленных на решение не узких территориально-семейных проблем, а проблем более широкой социальной группы. Такие партии способны объединить людей разных территориальных единиц, разных этнических и социальных групп в один союз на основе их совместных интересов. Действенное объединение граждан в такие союзы выведет политическую борьбу на уровень идеологического противостояния.

---

[13] О региональном делении в рамках парламента смотрите: Temirkulov, Azamat, Tribalism, social conflict and state-building process in the Kyrgyz Republic, BOI-Journal (Berlin Osteuropa Institute), June 2004, Berlin.

[14] Валентин Богатырев говорит о существовании трех типов партий в Кыргызстане: партии власти, партии харизматических лидеров и идеологических партий. См.: Богатырев, Валентин, «Место и роль политических партий в кыргызском обществе» // *Политические партии в Кыргызстане*, Институт Публичной Политики. – Бишкек, 2006. – С. 30.

[15] Богатырев, Валентин, *Op. Cit*., стр. 30 и стр. 32.

[16] Croissant, Aurel, Merkel, Wolfgang, Political party formation in presidential and parliamentary system, Online paper, Friedrich Ebert Stiftung.

Мурат Иманалиев отмечает: «Сами институты гражданского общества должны признать (и параллельно подтолкнуть к этому властные структуры), что Кыргызстан никогда не избавится от негативных проявлений традиционализма и национализма до тех пор, пока политическая структура и конъюнктура общества не будут представлены не кланово региональными объединениями, а партиями общенационального уровня».[17] Сегодня Кыргызстанские НПО и другие организации гражданского сектора имеют необходимый потенциал и конъюнктурные возможности для способствования развития политических партий. НПО играют важную роль не только в формировании ответственного общества, но и принимают активное участие в защите прав человека и укреплении демократических принципов, а также предоставляют широкий спектр социальных услуг. В 2006 году для реализации социально-значимых проектов 500 НПО привлекли более 8 миллионов долларов США. Более того, некоторые НПО играют политическую роль и вторгаются в сферу деятельности политических партий.[18] Согласно исследованиям МРИ, проведенным в мае 2007 года, 54 % населения доверяют НПО, что на 9 % больше доверяющих политическим партиям – 45 %.[19]

НПО, работающие в области разрешения социальных проблем и защиты наиболее уязвимых слоев общества, идеологически отражают концепцию левых и левоцентристских политических партий – у них одинаковые интересы и цели. Наработанный организационный и институциональный капитал таких НПО может быть использован для поддержки политических партий левого и левоцентристского толка.

НПО и другие общественные организации могут интенсифицировать взаимодействие между политическими партиями и населением, с одной стороны, определяя потребности электората и лоббируя их интересы в парламенте через политические партии, и, с другой стороны, укрепляя позиции политических партий среди населения. У такого взаимодействия много положительных эффектов:

1. Качественное укрепление политических партий: взаимодействие политических партий с организациями гражданского сектора поможет им лучше понимать проблемы электората и пути их решения; увеличится доверие к партии среди населения, расширится электорат.
2. Интенсификация конкуренции между партиями: повышение качественного уровня социально-ориентированных партий вызовет ответную реакцию со стороны партий оппонентов, что повлечет за собой активную конкуренцию и, в конечном итоге, повысит качественный уровень всей системы политических партий.

---

[17] Иманалиев, Мурат, “Партийное строительство в Кыргызстане», в *Политические партии в Кыргызстане*, Институт Публичной Политики, Бишкек 2006, стр. 55.

[18] Обзор истории становления и развития сектора неправительственных организаций в Кыргызстане, Ассоциация Центров Поддержки Гражданского Общества, Бишкек, 2006.

[19] Kyrgyzstan National Opinion Poll, IRI, May 2007.

3. Активизация взаимодействия государственных органов с гражданским обществом[20]: политические партии выступят не только в качестве посредников между государственными органами и гражданским обществом, но и в качестве агентов данных социальных групп в государственной системе.

Такие тенденции окажут позитивное влияние на создание общенациональных (трансрегиональных), сильных политических партий, что, в свою очередь, укрепит систему политических партий и парламент. Сильные общенациональные (трансрегиональные) партии в сильном парламенте если не вытеснят, то ослабят проявление таких явлений, как региональное деление и непотизм в государственных учреждениях и в политическом поле в общем.

2.2. Борьба с непотизмом и коррупцией

Как мы рассмотрели в пункте 2.1, что проблема непотизма тесно связана с проблемой коррупции. Элементы непотизма в руках чиновников являются инструментом для достижения их коррумпированных целей. Для снижения уровня непотизма и коррупции в государственных органах необходимо, в первую очередь, обеспечить должный контроль в кадровой политике – область, в которой непотизм проявляется наиболее активно.

«Положение о проведении конкурса на замещение вакантной административной государственной должности государственной службы Кыргызской Республики (утверждено постановлением Совета по госслужбе от 28 октября 2004 года № 2)» определяет порядок проведения конкурсов на замещение вакантной должности и предусматривает создание аттестационно-конкурсной комиссии. Государственный орган, объявивший конкурс, формирует комиссию, состав которой предусмотрен преимущественно из государственных служащих.[21] Как показывает опыт, внутренний контроль над кадровой политикой в виде конкурсов на вакантные должности не приносит большого успеха как в борьбе с коррупцией, так и в борьбе с непотизмом, так как аттестационно-конкурсная комиссия состоит из самих же госслужащих. Проблема заключается в том, что чиновники часто заинтересованы во взаимной поддержке, «круговая порука» находит свои лазейки.

Однако пункт 20 данного положения гласит: «Для участия в работе комиссии могут приглашаться независимые эксперты или представители профессиональных общественных объединений», то есть предусмотрены элементы внешнего контроля. Однако этот пункт не работает в полную силу, так как, с одной стороны, аттестационно-конкурсные комиссии создаются государственными органами, которые

[20] О проблеме взаимодействия государственного сектора с гражданским обществом см. Гражданское общество и власть. Культура отношений, А. Третьяков, Журнал «Третий сектор», В. № 1, Сентябрь 2005 год.

[21] Положение о проведении конкурса на замещение вакантной административной государственной должности государственной службы Кыргызской Республики (утверждено постановлением Совета по госслужбе от 28 октября 2004 года N 2), статья 19.

редко прибегают к положениям данного пункта; с другой стороны, гражданское общество не проявляет инициативу, возможно, по причине плохой осведомленности[22]..

Тем не менее, внешний контроль над кадровой политикой в момент замещения вакантной административной государственной должности был бы очень кстати. Включение представителей гражданского общества в приемную комиссию придаст характер прозрачности в кадровой политике государственных учреждений. Чиновникам будет намного сложнее проводить нечестную кадровую политику в присутствии независимых и незаинтересованных представителей гражданского общества. Это, в свою очередь, повысит значение принципа объективности при приеме на работу и поспособствует отбору более квалифицированных кадров. Более того, в случае оспаривания итогов конкурса участники могут обратиться к представителям гражданского общества как к независимым и незаинтересованным членам комиссии.

Эти факторы, в свою очередь, снизят влияние родственных и региональных факторов, а также вероятность создания неформальных отношений между подчиненными и начальством. Конечным результатом такого контроля будет уменьшение практики регионализма и непотизма в кадровой политике, а также снижение уровня коррумпированности в государственных учреждениях. Организации гражданского общества должны обратить внимание на данный пункт 20 и использовать его для осуществления внешнего контроля над кадровой политикой в государственных учреждениях.[23]

В вопросе регионального деления существует еще одна проблема – это неосведомленность населения о том, что причиной потенциальной дестабилизации общества является не традиционное региональное деление, а коррупция. Население не подозревает, что коррупция есть явление, делящее общество на своих и чужих и, тем самым, несущее раскол. Более того, в силу неосведомленности населения политикам и чиновникам легко удается манипулировать риторикой регионального деления, а также традиционной солидарностью и традиционными институтами для достижения своих личных узкокорыстных целей.

Просвещение населения в данном вопросе могло бы иметь свое положительное влияние на поведение граждан и их позиции в вопросах регионального деления и коррупции. Сознание того, что за речами о регионально-клановом единстве и солидарност, в ущерб другого региона, *уруу* (этнической группы и т.д.) кроются личные амбиции и интересы политиков и чиновников, усложнило бы возможную манипуляцию данной риторикой. Сознание того, что коррупция является не «безобидной шалостью», а тем злом, которое может спровоцировать раскол в обществе, изменит поведение некоторых граждан, а возможно, и государственных служащих.

В этой связи организациям гражданского сектора необходимо приложить усилия для просвещения населения. Необходимо показать населению, что настоящим злом

---

[22] Из интервью с работниками Национального Агентства по делам государственной службы.

[23] Представителями гражданского общества могут быть не только независимые эксперты или представители профессиональных общественных объединений, но также и бывшие работники данной организации находящиеся на заслуженном отдыхе.

является не выходец из другого региона, семейно-клановой группы (этнической группы и т.д.), а коррумпированный чиновник. Более того, обучение поведению в случае коррупции имело бы также позитивный эффект.

3. Рекомендации

Гражданское общество может внести свой ощутимый вклад в борьбу с непотизмом, регионализмом и коррупцией. В частности, НПО могут способствовать развитию национальных (трансрегиональных) политических партий, сокращению уровня непотизма и коррупции в государственных структурах, а также дать населению необходимые знания для борьбы с коррупцией. Для достижения этих целей необходимо провести следующую работу.

В целях создания тесных взаимоотношений и сотрудничества между гражданским сектором и политическими партиями организациям гражданского сектора рекомендуется:

1) определить политические партии, близкие им по целям и идеологическим концепциям;

2) создать постоянные организационные структуры (форумы, площадки, советы и т.д.) для более тесного сотрудничества с политическими партиями, близкими им по идеологии;

3) координировать с данными политическими партиями свою работу (поддерживать на выборах, лоббировать принятие необходимых законов и т.д.).

В целях организации «внешнего» контроля над кадровой политикой в государственных учреждениях организациям гражданского сектора рекомендуется:

1) определить министерства, агентства и другие государственные структуры, отвечающие интересам и специфике определенной организации гражданского сектора[24];

2) согласовать с отделом кадров данных учреждений участие представителя(ей) гражданского сектора в аттестационно-конкурсных комиссиях;

3) координировать данную инициативу с Советом и Агентством КР по делам государственной службы для обеспечения, в случае необходимости, поддержки со стороны данных органов.

В целях просвещения населения по вопросу непотизма и коррупции организациям гражданского сектора рекомендуется:

[24] Список Министерств, агентств и других государственных структур с координатами смотрите по адресу: http://www.gov/kg

1) разработать и реализовать проекты по просвещению населения в вопросах непотизма и коррупции согласно требованиям доноров;

2) сотрудничать со специалистами из Национального Агентства по предупреждению коррупции в разработке и реализации данных проектов;

3) привлечь к разработке проектов специалистов из исследовательских центров и консалтинговых фирм.

Список использованной литературы

1. Богатырев, В. Место и роль политических партий в кыргызском обществе // *Политические партии в Кыргызстане.* Институт Публичной Политики. – Бишкек, 2006.
2. *Борьба с коррупцией в переходный период. Вклад в обсуждение стратегии*, Всемирный банк, Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 2000.
3. Croissant, Aurel, Merkel, Wolfgang, Political party formation in presidential and parliamentary system, Online paper, Friedrich Ebert Stiftung.
4. Гражданское общество и власть. Культура отношений, А. Третьяков, Журнал «Третий сектор», В. № 1, Сентябрь 2005 год.
5. ИВК (Индекс Восприятия Коррупции) 2005, Трансперенси Интернэшинал.
6. Иманалиев, М. Партийное строительство в Кыргызстане //*Политические партии в Кыргызстане.* Институт Публичной Политики. – Бишкек, 2006.
7. Исраилова-Харьехузен Ч.Р. *Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во второй половине XIX – начале XX в. и система их родства.* – Бишкек: Илим, 1999.
8. Kyrgyzstan National Opinion Poll, May 2007, International Republican Institute.
9. Linz, Juan, 'The Perils of Presidentialism', Journal of Democracy, winter 1990.
10. Положение о проведении конкурса на замещение вакантной административной государственной должности государственной службы Кыргызской Республики (утверждено постановлением Совета по госслужбе от 28 октября 2004 года N 2)
11. Положение о Национальном Совете КР по борьбе с коррупцией (утверждено указом Президента КР от 21 октября 2005 года № 476)
12. Положение о Национальном Агентстве КР по предупреждению коррупции (утверждено указом Президента КР от 21 октября 2005 года № 476).
13. Стратегия Развития Страны (СРС) 2006-2010
14. Temirkulov, Azamat, Tribalism, social conflict and state-building process in the Kyrgyz Republic, BOI-Journal (Berlin Osteuropa Institute), June 2004, Berlin.

Г.К.Аалиева
канд. филос. наук, доцент,
зав. кафедрой философии и общественных наук
КГМА имени И.К.Ахунбаева

РОЛЬ И МЕСТО ПАССИОНАРНОСТИ В ИСТОРИИ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Role and place passionarity in history kyrgyz state.

Пассионарность (от латинского *passio* – страсть) – термин, введенный русским ученым *Л. Н. Гумилевым*, обозначающий *уровень энергии*, присущий отдельному этносу. Если *З. Фрейд* пытался объяснить действия индивидов *психической энергией*, то *Гумилев* объясняет социальное развитие народов с помощью *энергии Солнца*. Согласно Гумилеву, при снижении *солнечной активности* защитные свойства *ионосферы* снижаются и *отдельные кванты* или *пучки энергий* могут пролететь невысоко над земной поверхностью. При этом они дадут *жесткое излучение* по своему пути, а оно, как известно, вызывает *мутации.*

В результате этих мутаций возникает *этнос,* которому присущ *избыток энергии*. В это время, чтобы *растратить свою избыточную энергию*, этнос начинает *захватывать новые территории и народы, колонизировать, создавать огромные империи* и т.д.

Не зная *историю становления* и *развития,* невозможно не только *решение философской проблематики*, но и *ее постановка*. Проблематика, выбранная как тема данной диссертации, тоже не обходит подобную обстановку. В решении вопроса *национального характера* и *его особенностей* обращение ко *всему багажу знаний*, накопленному человечеством в ходе мировой истории, а также анализ, исследование *традиционных* и *инновационных философских подходов* и *концепций* являются одной из важнейших задач данной исследовательской работы. В связи с этим в данной работе проанализированы история становления знаний о *национальном характере* и факторы, обуславливающие исследуемый феномен. А это, в свою очередь, обуславливает следующие *цели*: *во-первых*, определение объективных факторов, обуславливающие генезис и эволюцию *характера определенной национальности*, которая выступает как историческая форма социальной общности, выполняющая определенные социально значимые роли и функции; *во-вторых*, обоснование теоретических и методологических баз феномена «*национальный характер»; в-третьих*, раскрытие концептуального содержания феномена «*национальный характер»*, который состоит из совокупности отличительных от других национальностей свойств и качеств, в то же время он тесно связан с окружающим национальность миром, временем, эпохой, природой, другими национальными общностями (субъектами), а также с самим этносом.

Как сказано выше, в *социокультурной концепции*, которая занимает господствующее положение *в науке об этносах*, вопросы, связанные с *закономерностями* возникновения, развития и исчезновения этносов на исторической арене, *причины различий* в языке, культуре, психическом складе народа не всегда имеют однозначные, конкретные ответы. Как показывает практика, ни *одна черта нации* не может быть

рассмотрена как *ее абсолютный признак*. Например, есть такие *нации,* как *швейцарцы, бельгийцы, канадцы* и т.д., которые разговаривают *не на одном*, а *на нескольких языках*. Такие *разные нации*, как *англичане, американцы, австралийцы* и т.д., у которых *один общий язык*. Такие *факторы,* как *общность экономической жизнедеятельности* современной Западной Европы, *полилингвизм*, который стал результатом достижений в деле образования и просвещения ее народов, не смогли отвергать или стирать те *особенности*, которые отличают *француза* от *немца* или *итальянца* от *датчанина*. В общем, для *социокультурного понимания сущности этнических процессов* присуще недостаточное внимание к *естественным факторам этногенеза*. Как известно, *человек* является не только *социальным существом*. Особо отмечается, что хотя *человек выделился из естественной среды* благодаря своим способностям преображать и адаптировать окружающую среду под себя, под свои потребности, должны признать, что *естественные закономерности,* по сей день, продолжают свое существенное влияние на *общество*. По этой причине мы специально обратились к *«пассионарной теории этногенеза» Л.Н.Гумилева*, объясняющей *национальные особенности*, в том числе, *специфические признаки нравов* и *характера,* с помощью *окружающей среды, ландшафта* и т.д. *природных факторов*.

Согласно историческим данным, *кыргызский народ* является одним из *самых древних народов мира*, которые в свое время создали *великие империи*. К числу этих народов можно отнести *древних арийцев* (создатели Атлантиды, Индии, Персии), *китайцев, греков, римлян, египтян* и т.д.

Империя отличается от других типов государства наличием *провинций,* т.е. территорий, населенных различными этносами, которые сохраняют в рамках империи:

- культурное своеобразие;
- в той или иной степени *обычаи и элементы своего законодательства*.

Этноним «кыргыз», являясь первым и древним тюркским этнонимом на страницах мировой истории, имеет огромнейшее значение для поиска ответов на вопросы: *Кто такие кыргызы? Когда они произошли? Откуда куда они идут? Какие факторы сформировали их национальный характер?* А также для познания их *онтогенеза* или для создания их *«автобиографии»* и *«автопортрета».*

Когда рождается этнос? *Возникновение нового этноса* и *след, оставленный им в истории,* тесно связаны с *«необузданными страстями»* некоторых индивидов, чья деятельность постоянно связана с “преобразованием окружающей социальной или природной среды»[25], иначе говоря, с *возникновением* многочисленных *пассионариев*. Такой старт этногенеза был назван Л.Н.Гумилевым *этническим,* или *пассионарным толчком*. Автор “пассионарной теории” объясняет суть данного толчка *гипотезой*, связанной с *астрофизическими закономерностями*. Конечно, в данное время предложенная Л.Н.Гумилевым *гипотеза* не находит много сторонников среди ученых. Вопрос, связанный с *причиной пассионарного толчка*, до сих пор остается открытым. Может быть, этой *причиной* являются *астрофизические явления* или *природные силы вокруг планеты Земля*, может быть, ею является *воля Бога* или *социальные закономерности*, а может быть, *другие факторы*. Пока еще на эти вопросы однозначного ответа нет.

---

[25] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М., 1994. – С. 317.

Как утверждает историческая наука, государственность кыргызов и процесс исторического становления кыргызского этноса, имея *дислокальный характер,* происходили на огромных просторах, включающих в себя территории *Восточного Туркестана, Южной Сибири, Монголии, Семиречья, Тенир-Тоо (Тянь-Шаня), Памира* и *Алая*. Кыргызы пережили многочисленные миграции с *Восточного Тенир-Тоо (Тянь-Шаня)* в направлении *Эне-Сая (Енисея)* и *Мин-Суу,* или *Мин-Ёзёна (Минусинска)* через Северо-Восточную Монголию, оттуда снова в сторону *Жети-Суу (Семиречья)* и *Тенир-Тоо (Тянь-Шаня)*. Среди ученых отсутствует единое мнение по поводу точного количества таких *миграций* и *переездов*.

Автор, поддерживая сторонников *диссидентного подхода номадизма*, убеждена в необходимости пересмотра *исторических фактов*, подчеркивающих роль и значение номадов в исторической эволюции, рассмотрения *огромного пространства*, занятого номадами, как динамики, свойственной кочевникам, понимания *воинственности* как ***образа жизни номадов***, раскрытия *сущности наблюдательности* и *сакральности*, присущими их мировоззрению, рассмотрения *номадизма* как *целостного феномена* в культуре и истории человечества.

Формирование *этнополитической территории* кыргызского народа неразрывно связано с его *этногенезом и этническими процессами*, в которых прослеживаются этапы становления и развития *кыргызской территории и государственности*. В исторических письменных источниках, начиная с III века до н.э., приводятся разные мнения относительно *прародины кыргызов*. В труде *Сыма Цяна* есть упоминание о кыргызах, однако автор ничего не говорит *о месте их расположения*. Одни считают родиной кыргызов *Енисей*, другие – *район озера Хыргыз-Нур (Кыргызское озеро)* в современной Северо-Западной Монголии. Последняя точка зрения долгие годы считалась наиболее приоритетной в историографии Кыргызстана.

Понятие *«кыргызское великодержавие»* было введено в научный обиход *академиком В.В.Бартольдом* в его труде *"Кыргызы. Исторический очерк"*, изданном в 1927 году. Ученый, подчеркивая силу кыргызского государства *в IX веке в Центральной Азии*, допускает, однако, некоторую натяжку в отношении понятия *"кыргызское великодержавие"*. Вместе с тем и письменные источники, и археологические материалы свидетельствуют, что кыргызы оставили заметный след в истории Центральной Азии той эпохи.

ТОПОНИМИКА И РАЗМЕРЫ КЫРГЫЗСКОГО ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ

- 1. *Топонимика арийского происхождения* – Германия, арийцы, монастырь, монах и.т.; «Бири кетти керенге, бири кетти теренге».
- 2. *Топонимика Сибири* – Аляска, Якутия, тундра, чукча, Байкал и т.д.
- 3. *Великое переселение народов* – гунны, распад римской империи, Венгрия, кипчакский язык, Жер, Ош, Антанта и т.д.
- Цементирует империю *идея интернационализма и патриотизма*. Согласно эпосу «Манас» *кыргызский суперэтнос* возник на основе:
- Объединения *40 разрозненных кыргызских племен*, т.е. Манас «чачылганды жыйнап, үзүлгөндү улаган» – «рассыпанное собрал Манас, разорванное соединил Манас»;

- Манас создал и укрепил свою империю с помощью *интернационализма и интернационального брака*. Например, бабушка Манаса *Ханбүбү* была дочерью урумского (т.е. римского!) императора, его жена мудрая *Каныкей* (настоящее ее имя *Санирабига*) была дочерью таджикского хана, сноха Манаса, т.е. жена Семетея красавица *Айчурек* была дочерью афганского хана, самый близкий друг Манаса *Алманбет* был китайским принцем по имени *Ли Линь* и т.д.

Б.М.Торогельдиева
канд. ист. наук, профессор Академии государственного
управления при Президенте КР
А.М. Абдразакова
канд. экон. наук, доцент департамента специалитета
Академии государственного
управления при Президенте КР

ТРАДИЦИОННЫЕ СИМВОЛЫ В БРЕНДИНГЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Traditional symbols in the branding of political institutions of Kyrgyz Republic.

В современной политической практике используется пришедшее из экономики понятие «бренд». В определении того, что такое бренд, исследователи расходятся. Для одних это название, символ, дизайн, для других – популярная торговая марка или товарный знак. При всех расхождениях не подлежит сомнению то, что в бизнесе бренд имеет сильные позиции. Обладание брендом является сильнейшим аргументом в рыночной действительности. Политическую остроту теме исследования придает то обстоятельство, что именно бренды, в силу своей вездесущности, становятся символами узнаваемости и популярности среди целевых групп, в частности, электората.

Одним из наиболее интересных наблюдений-открытий Г.Алмонда и С.Вербы в их ставшей сегодня канонической для политологов работе «Гражданская культура» ("Civic Culture", 1963) стало утверждение о том, что политическая культура нации оказывает самостоятельное и довольно сильное влияние на политические процессы. Именно поэтому установление казалось бы одних и тех же демократических институтов в разных странах приводит к различным результатам. Новейшие политологические исследования демонстрируют непреходящий интерес и важность данной проблематики, связанной, прежде всего, с пониманием специфики взаимовлияния политических процессов и национальной политической культуры. Такой интерес обусловлен, в первую очередь, наблюдающейся в последнее время глобальной волной демократизации (третьей по счету, согласно С.Хантингтону), актуализирующей проблемы соответствия между политической культурой и политическими институтами [1].

Политическая культура общества в значительной мере зависит от используемых символических элементов, восприятие которых со стороны субъектов происходит на эмоциональном уровне при помощи образных конструкций (как вербальных, так и невербальных). Политическая символика, рассматриваемая как системообразующее начало, вызывает сильные чувственно-эмоциональные ассоциации, символы служат опорой становления и развития политической культуры личности и общества в целом. Из знаково-языковых средств, какими располагает культура, особое, определяющее место занимает символ. Символ – это наиболее мощный из всех имеющихся в культуре «инструментов» реализации ее духовных возможностей. Неотъемлемой частью

формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные символы и идеалы. Символ представляет собой концентрированное зримое выражение основной идеи явления или понятия, основанное на его структурном сходстве с этими последними.

Успешный бренд государства позволяет не только улучшить внешне- и внутриполитический имидж страны, но и повысить уровень политического влияния страны на международной арене. Маркетинговые технологии стали применяться в политике сравнительно недавно. Предтечей национального брендинга является региональный маркетинг, под которым понимается совокупность политических активностей и кампаний, направленных на повышение привлекательности конкретного региона с целью привлечения туристов и других целевых аудиторий (например, инвесторов, компаний, планирующих разместить свое представительство в новом регионе и т.д.).

Бренд – это не товар или услуга сами по себе, а образ, уникальный и привлекательный для потребителя. Стоит ли говорить, что создаваемый образ должен быть точно просчитан, спланирован, его появление в мозгу потребителя должно являться не случайностью, но прогнозируемым результатом многоуровневого воздействия.

Бренд может рассматриваться не только как знак или часть знаковой системы, но и как коммуникационный процесс. Отношения «бренд-потребитель» проявляют себя и создаются посредством коммуникаций. В настоящее время брендами начинают становиться не только товары, но и целые корпорации, способные олицетворять собой некую созданную ими идею, воплощать некий образ, представление о самих себе.

Говоря о брендинге политических институтов или о политическом бренде, надо сказать, что это понятие пока полностью не операционализировано. В научной среде нет общепринятого представления о том, что считать брендом в политике. Политический бренд можно определить как имя (название) политического товара (лидера, партии, программы, идеи и т.п.), особенностями которого являются повсеместная известность и глубокая укорененность в массовом сознании. Кроме того, бренд имеет положительный знак для большой группы населения. Наличие бренда означает, что даже при приблизительно равных потребительских и иных свойствах политический товар будут больше «покупать»: у идеи будет больше приверженцев, а за лидера и партию будет голосовать больше избирателей. При этом политический бренд не идентичен политическому имиджу. Имидж – один из элементов системы, создаваемой брендом, который определенным образом должен позиционироваться.

История государственности любой страны свидетельствует, что во все времена государственные символы олицетворяли священный объединяющий образ, выражая «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности (флаге, гербе, гимне). Они служили также важным средством формирования национальной гордости, патриотизма, являясь частью политической культуры общества. В них гармонично отражаются представления о высших человеческих ценностях, лучших традициях и обычаях народа.

Государственная символика – герб, флаг, гимн и другие атрибуты, воплощающие, прежде всего, идею национально-государственного единства и величия. Посредством этих знаковых систем государственная власть наглядно демонстрирует мировому сообществу свою национально-культурную идентичность, идейные и ценностные ориентации в мире, выражает определенные внутри- и внешнеполитические цели, претензии и устремления.

С этой точки зрения история создания государственных внешних символов Кыргызской Республики является продолжением созданных знаковых политических традиций предшествующего исторического развития кыргызского этноса.

Государственный флаг Республики Кыргызстан представляет собой полотнище красного цвета и отождествляет цвет флага великодушного Манаса. Авторы: Э.Айдарбеков, Б.Жайчыбеков, С.Иптаров, Ж.Матаев, М.Сыдыков. В центре флага размещен круглый солнечный диск с сорока равномерно расходящимися лучами золотистого цвета. Внутри солнечного диска красным цветом изображен тундук кыргызской юрты. Красная одноцветность флага символизирует доблесть и смелость, а животворящее лучезарное золотое Солнце, купающееся в своих лучах, – это символ вечности жизни, олицетворение покоя и богатства, стремления к светлому, к познанию. Сорок лучей, объединенных в круг, означают объединение сорока древних племен в единый Кыргызстан. Тундук – символ отчего дома, в более широком понимании – и мира как вселенной. Тундук символизирует не только прочность дома, уклада жизни, вековые традиции народа, но и более глубокое философское единство земли и неба, а также единство народов, проживающих в стране. Данный образец флага был принят 3 марта 1992 г. на 8-й сессии Жогорку Кенеша, а 5 марта торжественно поднят над зданием Дома Правительства.

Герб Кыргызской Республики символически изображает горы, озеро, степи. Водная гладь жемчужины Кыргызстана – озера Иссык-Куль – символизирует красоты природы, источник жизни и энергии. Вершины гор, освещенные солнцем, похожи на белый колпак кыргызского народа. Продолжая традиции советского периода, были изображены также приоритетные ведущие культуры, которые выращивались в республике: пшеница, хлопок. Центральной является фигура орла, это дань традициям кыргызского этноса, символизирующая свободу страны, стремление к лучшему, щедрость, зоркость и высоту помыслов кыргызстанцев.

Обладание властью предполагает определенное символическое оформление, что наблюдается в исторической ретроспективе, начиная с древних времен до сегодняшнего дня. На поведение людей зачастую гораздо более сильно могут оказать влияние не столько сами действия правительства, политических партий и деятелей, сколько господствующая в обществе система символики, ориентирующая людей на конкретный тип социальных отношений. Так, в качестве одного из простых и наиболее часто используемых способов позиционирования следует назвать замещение рекламируемого объекта символом-изображением, роль которого в политической рекламе обычно играет партийная эмблема как наиболее узнаваемая ее часть. Именно к этому типу позиционирования обратилась часть политических партий республики, сегодня идет поиск цвета и эмблем для позиционирования в политическом поле.

Партии Кыргызстана не имеют постоянного избирателя, четко выраженной электоральной поддержки, а потому претендуют на широкий охват людских симпатий, которые они стремятся достичь на основе критики политики действующей власти. Поэтому здесь нет в полном смысле этого слова и партийного электората. Выборы по партийным спискам в стране имеют весьма короткую историю, в течение которой у партий физически не смог сложиться свой устойчивый электорат. Для того чтобы это произошло, необходимо провести хотя бы 3-4 цикла парламентских выборов по пропорциональной системе.

Говоря о трудностях партийного строительства в Кыргызстане, необходимо отметить, что сегодня политические партии Кыргызстана не имеют под собой конкретной идеологической основы и представляют собой исключительно «партбизнес» лидера.

Часть политических партий Кыргызстана в брендах при продвижении собственного продукта используют этнические символы. Например, партии «Ак-Шумкар», «Ата-Мекен», «Замандаш», «Каганат», «Акыйкат» и другие. В этих символах находят отражение тысячелетние ценности кыргызов, которые позитивно воспринимаются электоратом партий. Так, основу кочевого мировоззрения кыргызского этноса составляла глубокая и гармоническая взаимосвязь мира человека и мира природы, которая отражалась в синкретическом способе познания и освоения Космоса. Вследствие этого кочевник воспринимал самого себя неразрывно связанным с природой. Этому способствовал сам образ жизни кочевника, который постоянно находился наедине с самим собой, с природой, у него возникали представления о безграничности и вместе с тем целостности мироздания. С незапамятных времен кыргызы поклонялись культу предков, Неба, Солнца, Огня, Гор. Символом тюркской цивилизации – одной из крупнейших в мире – был голубой цвет. Это цвет древнетюркского божества Тенгри, символизирующий духовную жизнь общества. Это цвет неба и моря, олицетворяющий безграничные дали и бесконечные глубины. Он вызывал ассоциации со Вселенной, с божественной мудростью, совершенством, верностью. Лазурный цвет – это цвет мечтаний, грез и надежд. Это один из священных цветов тюрков, который часто использовался в их знаменах. Не потому ли сегодня основные политические игроки используют именно этот цвет в логотипах своих партий.

Рис. 1. Флаг партии «Акшумкар» – на лазурном поле избражен парящий беркут

Рис. 2. Флаг социалистической партии «Ата-Мекен» красного цвета со стилизованным изображением горной вершины, под которой надпись "Ата Мекен». На флагах областных организаций под этой надписью добавляется название области (например, "ЧУИ ОБЛУСУ)

Рис. 3. Флаг политического движения нового поколения "Мекеним-Кыргызстан" , главной фигурой которого является тамга Сейтека, внука Манаса

Рис 4. Флаг партии "Акыйкат" – голубое полотнище с изображением тундука юрты (как на государственном флаге Кыргызстана), окруженное 7 звездами, ниже название партии, по нижней кромке – национальный орнамент

Рис. 6. Флаг социалистической партии "Туран" – синее полотнище с белой эмблемой и названием партии белыми буквами

Рис. 7. Флаг партии «Каганат». Красный цвет в символике партии означает мощь, белый – чистоту помыслов и намерений

Рис. 8. Флаг партии «Замандаш», где использованы также этнические мотивы и цвета

Использование традиционных символов в бренде дополнительно может позволить партиям усилить связь с массами, опереться на долгосрочные предпочтения избирателей, обеспечить себе политическое долгожительство. Вот почему традиционная символика и проблемы бренда и брендинга становятся интересными не только для предпринимателей, но и для политиков, государственных деятелей. Как мы видим, в символике политических партий Кыргызстана доминируют этнические мотивы.

Однако, на наш взгляд, акторам политического рынка республики пора избавиться от нескольких стереотипов по поводу внедрения маркетинга, в том числе бренда как одного из его инструментов, в сферу политики.

1. С точки зрения стратегии политический маркетинг мало чем отличается от коммерческого маркетинга. Пожалуй, единственное его отличие состоит в том, что он более социален, сильнее подчеркивает значимость в нем идеологического аспекта, приоритет нематериальных ценностей.

2. Из всех видов маркетинга наиболее близок к политическому маркетингу не маркетинг знаков или маркетинг личностей, а маркетинг идей.

3. В политическом маркетинге следует обратить внимание на комплексность. Политическая партия не может эксплуатировать одну и ту же идею, сколь бы привлекательной она ни была. На политическом рынке и в сознании общества необходимо позиционировать концепции идеологий и программ. Иначе можно говорить о маркетинговой близорукости в политической сфере.

4. Следует избавиться от примитивной схемы купли-продажи. Заполонившая действующий рынок коммерциализация предполагает, и не без оснований, что можно купить голоса и можно продать любой политический товар, завернув его в привлекательную пиаровскую упаковку. Главное, чтобы были деньги. Если уж переходить на рыночную интерпретацию политического маркетинга, то

ориентироваться следует не на торговлю, а, скорее, на кредиты вкладов в будущее, как это практикуется в банковской сфере.

Не апологетизируя рыночные стратегии и технологии, укажем на необходимость внимательного отношения к тем преимуществам, которые демонстрируют бренд и брендинг для государства, партий, политических лидеров. Понимать отличия и специфику использования достижений рынка в нерыночной сфере необходимо. Игнорировать их существование – недальновидно.

В условиях Кыргызстана, несмотря на все трудности функционирования партийной системы, политические партии могут и должны активно использовать методы позиционирования для продвижения своих целей. Такая деятельность принесет свои лучшие результаты только тогда, когда будут четко определены идейные позиции партии и платформа ее действий. В конечном счете, для этого многие существующие и вновь появившиеся партии будут вынуждены встроиться в систему ценностей электората, что повлечет за собой или процесс репозиционирования как изменения платформы партии, или процесс позиционирования как более активный политический маркетинг партии.

С учетом этого, если Кыргызстан действительно движется в направлении партийной демократии, следует ожидать как сейчас, так и в недалеком будущем постепенное слияние идеологически родственных партий с созданием мощных партийных структур, определяющих основополагающие принципы управления государством.

Сегодня, на пороге информационного общества, превалирующим должно быть видение политических партий как общественно-политических корпораций по производству миссий (стратегий, программ) и услуг, которые объединяют интересы различных социальных слоев и общества в целом. В целом же, приходя на избирательные участки, люди должны выбирать и отдавать предпочтение той или иной стратегии развития и позиционирования, на которую влияет, в том числе, и традиционная символика кыргызкого этноса.

Список использованной литературы

1. Далтон Р. Дж. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект // Политическая наука: новые направления /Под ред. Р.Гудина и Х.-Д.Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С. 331-335.
2. Богатырев В., Иманалиев М., Масаулов С., Хамисов В., Бекболотов К. Политические партии в Кыргызстане /Институт общественной политики. – Бишкек, 2006.
3. Курманов З. Национальный партогенез: проблемы выбора, идентификации и развития // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – № 5.
4. Тюкаркина О.М. Роль национального брендинга при формировании внешнеполитического имиджа современной России: Автореф. дисс. … канд. полит. наук. – М., 2012.
5. http://ru.wikipedia.org
6. http://minjust.gov.kg

К.Сариева
филос. и.к., КР ИУАсынын
ФжСУИИнун таануу теориясы
жана илимдердин
философиясынын тарыхы
бөлүмүнүн улук илимий
кызматкери

САЛТТУУЛУККА КАЙРЫЛУУ МЕНЕН ЗАМАНБАПТЫККА УМТУЛУУДАГЫ КАРАМА-КАРШЫЛЫКТАР

In this article we will focus on the differences and contrasts between policies, based on the traditional tools of public administration, and economics in the real world, which tends to the present, the role and importance of traditional Kyrgyz custom in the past and today's society. Be alert as the basis for the unity of the country snapping institutions of traditional public offices to the modern reality.

Кыргыз элинин бүткүл болмушунда, жөнөкөй, үстүрт, фрагментардуу элементтерден турган сыяктанган мифтик көз карашынан баштап өнүккөн бүткүл элдик оозеки чыгармачылыгы менен азыркы доордогу фундаменталдуу илимий теорияга негизделген социалдык концепцияларын бир бүтүнгө бириктирген идеалы - эгемендүү, эркин мамлекеттүү болуп жашоо. Бул чындыкты тээ байыртан баштап тарыхын так маалыматтар менен тастыктап, атайын документтерге жазып сактабаган менен элдик оозеки чыгармалардын бай казынасына сиңирип, улам-улам жаңылап, ар мезилдин, доордун боегун сүртүп жүрүп отурган.

Фольклордук чыгармада - бүтүндөй элдин тарыхтый өнүгүүнүн узак жолунда жаралып, анда бир муундун гана дүйнө түшүнүмү эмес, кыргыз элинин курчап турган чөйрөсү – жаратылыш, элдин өзү, тарыхы, ошондой эле кыргыздар менен экономикалык, саясий жана маданий карым-катышта болгон элдер жөнүндө ойлорунун бүтүндөй системасы топтолот. Андан көптөгөн муундардын үнү, дүйнө туюму жатат. Кайсы гана элдин болбосун көркөм чыгармалары сюжет чагылдырган мезгилдеги курчап турган дүйнөнүн жемиши катары адамдардын коомдук аң-сезимдеринин деңгээлин көрсөткүчү боло алат.

Алсак «Манас» эпосунда Борбор Азия элдеринин, түрк элдери менен бирге эле түрк эмес (таджик, афган, ойрот ж.б) элдеринин кеңири байланыштары проблемасы чагылдылган. Алар коңшулаш жашап, бири-биринин тилдерин эркин түшүнүшкөн, турмуш-тирдикте, маданияттарында, салт-санаа менен үрп-адаттарында көп окшоштуктар болгон. Бул окшоштуктар аздыр-көптүр жалпы экономикасы жана жашоо образына негизделген.

Ч.Валиханов, биринчи жолу «Манастан» өзөндү жазып алганда «элдин келип чыгышы тууралуу айтымдар» [1] деп мүнөздөгөн. Эпосту кыргыз эли туруктуу, үзгүлтүксүз колдонгон жазуусу болбосо да, ата-бабасы тууралу үй-бүлөлүк, уруулук эскерүүлөрүн муундан муунга өткөрүп берүүнүн формасы катары кабыл алган. Эпикалык чыгарманы көркөм сөз иретинде гана эмес, ошол эле учурда кыргыз уруу, уруктарынын геналогиясы чагылдырылган санжыра катары караган.

В. Радлов: «кыргыз өз ырларында кандайдыр бир кереметтүү жана укмуштуу жомоктогудай дүйнөнү эмес, тескерисинче, өзүнүн жашоосун, коомдун ар бир мүчөсүнүн көкүрөгүндө жүргөн өзүнүн сезимдери менен умтулууларын эле ырдайт» [2] - деп, эпикалык чыгармачылык кыргыздар үчүн өздөрүнүн ойлорун туюндуруу формасы болгонун айткан.

Ошентип, кыргыздардын жакшы коомдук түзүлүшкө жетүү, башка басып алуучулардан көз каранадысыз болуу утопиясы мындай кыялын ишке ашыруучу идеалдуу инсан инсандын тегерегине баш кошуу маселеси менен кошо коюлат. Мындай инсан эпикалык каарман Манас, анын кырк жигити. «Манас» эпосу угуучуларына кыргыздардын экономикасы жана маданияты гүлдөгөн жогорку деңгээлде коомдук-саясий түзүлүшү болгону жөнүндө маалымат берет. Мындан элдин өткөнү тууралу чындыкты эстегени канча болсо, умтула турган идеалы да ошончо болгон.

Манас - адамдагы баардык жакшы сапаттарды бириктирген каарман. «Манасты» айтуучулар өздөрүндөгү жана коңшулаш уруулардын өткөндөгү жана заманындагы кърүнүктүү өкүлдөрү жөнүндө маалыматтардын негизинде айкөл каармандын образын жаратышкан.

Кыргыздар өздөрүнүн «Манасынтагы» мамлекеттүүлүгүн түзүүгө баардык мезгилдерде умтулушкан. Бирок, практикалык максатда жетүү үчүн умтулуу жетишсиз. Идеалга умтулуу ишмердик менен айкалышуу керек. Идеал менен практикалык иш-аракет бириккенде гана кааланган натыйжага алып келет. Эпостун социалдык мазмуну утопиялуу мүнөздө болгонуна карабай, миллиондогон угуучуларынын мекенчилдик сезимин ойготкон, улуттук турмуш курулушуна активдүү катышууга чакырган.

Манаста» тамыры орто кылымдардын баштапкы мезгилине терең сүңгүгөн башка фольклордук чыгармалардагыдай эле жаратылыш жана коом адамдын жаратканы деп эсептелет. Жакып Теңирге сыйынып, тапкан мал-мүлкүм башка бирөөгө кетпесин, мураскор бер деп сурап-тилейт. теңирдин ырайымын Жакып да, байбичеси да түшүндө аян алат [3]. Тилектери кабыл болуп бала көрүш үчүн курмандык чалат. Балалуу болуу тилеги экономикалык кызыкчылыктан - өзүнүн соң байлыгын сактап калуу максатынан келип чыгып жатат. Бул экономикалык кызыкчылык мүлккө ээлик укугун туудурууда. Бирок бул укук эч жерде бекемделген эмес .
Жакыптын түшүнө карата түлөөдөн орто кылымдагы кыргыз коому варварчылыктын жогорку фазасында жана цивилизациянын башталышында турган учурду боолголойбуз. Уруу башында тынчтык күндөрдө - уруунун аксакалдары, жоокерчиликте - аскердик колдун жол башчысы турган. Жакыптын мүлк ээлигин тааный турган эл, тааныта турган элдин атынан чогулгандардын кеңеши. Жакыптын түшүн жоруганы да уруунун кеңеши чогулат. Жакыптын уруулаштарынан бөтөндөр да катышат. Мындан бардык доорлордо коомдун негизи түзүүчүсү эл, экономикалык, укуктук нормаларды таанып, кабыл алуучу да эл экендиги таанылат. Жамааттын күчүнө, эркине маани берилет. Элдин ролу, анын тарыхый өнүгүүдөгү чечүүчү мааниси белгилене баштаган.

Жамааттык укуктан индивидуалдуу укукка өтүү Көкөтөйдүн ашына өткөрүү боюнча кеңешмеден көрүнүп турат. Мында көчмөн коом, кыргыздардын ошол мезгилдеги ойломунун белгилери колориттүү сүрөттөлөт. Коомдук ойломдун сферасы эпосто адамдын төрөлүшүн, балалыгын, жетилүүсүн, карылыгын жана өлүмүн кучагына алат. Бул процесстердин ар бирин бекемдөөчү ритуалдар бар. Ритуалдын негизинде мураскорлордун абалы ата менен баланын үй-бүлөдөгү, уруулар менен анын катардагы мүчөлөрүнүн ортосундагы өз ара мамилелердин нормалары түзүлөт. Бул көбүн эсе аш-тойлор процессинде теске салынат.

Идеалда элдин өтүмүшүндөгү өз тажырыйбасы гана эмес, коңшулаш элдердин тажырыйбасы да тартылат. Коомдук идеалды баяндоодо айтуучулар «керез» жана «кошок» формаларын тандап алышкан.

Байыркы түрктөрдө маркумду - ханды, бекти, баатырды даңазалоо салты бар. Балбал таштар орнотуп, мүрзө үстүндө таштарга өмүр баяндарды жазуунун күбөсү иретиндеги орхон-енисей жазуулары канча бир изилдөөлөрдүн объектисине айланганы кеңири маалым. Уруулардын миграциясы, көчмөнчүлүк маркум жөнүндө эс тутумду ташка жазып калтыруунун башка формаларын, айталы, кошок формасында оозеки эстеликтердин жаратууга түрткөн. «Манас» эпосунда турмуштук ыр «керез» бар. Ч.Валиханов жазып алган мазмунда Көкөтөйдүн керези бар. Радлов жазып алган Манастагы варианттарда Манас жөнүндөгү кошокторго маанилүү орун берилген. Сагымбай, Саякбай, Шапак айткан варианттардын барында кошокко орун берилген. Мында адамдардын түбөлүктүүлүккө, жарык дүйнөдө өз ордун бекемдүүгө умтулуусу, эс тутумда узакка калуу же калтыруу максаты бар. Мейкиндикте эле эмес, мезгилде убакытта узак сакталуу, элдик эс тутумга этикалык, эстетикалык үлгүлөрдү консервациялоо мүдөөсү жатат.

Мындай узактан келген фольклордук материалдарда идеалдын реалдууга ашпай калуусунан жаралган - арман, маркумдун тирүүчүлүктө сүргөн үмүрүнүн маңызын баалаган - кошок, көзү өткөндөн соңку жакындарынын укуктарын аныктаган, алар аткарууга тийиш болгон өтүнүч, каалдоо - керез, өткөн тажырыйбасынан чыгарган - насааты, кеңеши сыяктуу жашоонун маңызы, асыл нарктары, кубулуштар жөнүндө кыргыздардын элдин ой жүгүртүү формаларын кошобуз.

Коомдук аң-сезим материалдык базага жараша аныкталгандыктан, ой жүгүртүүнүн мындай формалары экономикага, материалдык өндүрүштүн деңгээлине негизделет. Көкөтөйдүн керезинде кылдат жана экономдуу атасы менен жоомарт жана сарамжалсыз уулунун карама-каршылыгы, муундар ортосунда көз караштардын, социалдык мамилелерге карата айрмачылыктар чагылдырылат.

Байыркы элдердин түшүнүгүндө өлгөнгө курмандык чалуу ырым-жырымынын мааниси мында, маркумдун жанын жай алдыруу, анын өлбөс жанынын тиги дүйнөдөгү жашоосун камсыз кылуу. Жакындары - анын артында калгандар тарабынан ага сый урмат менен көңүл буруу. Маркумдун жарык дүйнөдөгү мамиле-катыштарынын чегин аныктоо жана улантылышын демонстрациялоо.

Аш-тойлор социалдык кубулуш катары белгилүү бир - уруунун аброюн көтөрүп, союздун ички байланыштарын чыңдоо, душманга кыр көрсөтүү максатты көздөгөн. Бул Көкөтөйдүн ашынан көрүнөт. Экинчи жагынан кыргыздарда мындай жамандык

жакшылыкта бири-бирин колдоо, жакындыкты көрсөтүү адамга келген жаманчылыкты да, жакшылыкты да бөлүшүү, бирге болуу гуманизмин көрсөткөн. Коомдун ар бир мүчөсүнүн өзү таандык болгон жамаат алдында милдети, жоопкерчилиги болгон. Тирүүлөрдүн салтын, маркумдардын арбагын сыйлаган б.а. бир рухий жалпылыкка негизделген. Бирок бул диндик ишеним эмес, кандаштык биримдиктен, өздөрүнүн байыркысын баалоодон келип чыккан байланыш. Азыркы күндү мындай демонстрациялоо зарылдыгы жок. Демек, аш-тойсуз, заманбап жолдор менен эле даңазалап, өз күчүн көрсөтүү мүмкүндүктөрү бар.

Ритуалдардын бек карманган биздин түпкү ата-бабаларыбыз жалпы коопсуздукка кантип жетишүүгө болоорунун үстүндө ойлонуп, жаратылыштын сырларын үйрөнүп, өздөрүнүн өндөрүштүк күчтөрүнүн өнүгүшүнүн деңгээлине шай келген аскер өнөрүн өркүндөтүүнү көздөшкөн.

Бир катар тарыхый себептер, көчмөнчүлүк жашоо образы көбүнчө башка уруулардын жортуулуна туш болгон, кыргыз уруулары көз карандысыздыгын коргоо үчүн биригүүгө аргасыз болуп, биротоло дифференциацияланып кете алган эмес. Ошондуктан уруулук байланыштардын белгилери социалисттик революцияга чейин сакталып келген.

Кытай менен кыргыз Мааникерди ат талашкандан чыр чыккандай болгон менен анын түбүндө тили буруу эки көчмөн эл жайыт (жер) талашуу чыры чыныгы себеп болгонун Ч. Валиканов [1] белгилеген. Азыркы күндө коңшу мамлекеттер жайыт талашпаган менен дале болсо жер байлыктарын, суунун талашы коңшу мамлекеттер менен пикир келишпестиктердин башкы себеби болууда. Демек, бүтүндөй элди баш коштуруучу бир бүтүнгө биригүү идеясы, себеп бар.

Совет дооруна чейин кыргыздардын Россияга кошулушу бир катар социалдык проблемалардын чечилиши, аздыр көптүр жеке адамдардын уруудан, же уруунун уруудан көз каранды болбой эркиндиги камсыз болушу, феодалдык мамилелердин калыптана башташы эле прогресс болуп бааланган. Кыргыз эпосунда уруулук түзүлүш бузулуп, феодалдык мамилелер калыптана баштаган мезгил айтылып жаткандыктан өнүккөн саясий түзүлүшкө ылайык келет. Бирок бүтөндөй кыргыз элинин эркиндигин камсыздай албады.

Кыргыздар XIX кылымда падышалык Россиянын башка элдериндей эле саясий көз карандылыкта болушу, бул шартта ишке ашпаса да өз эгемендүүлүгү, көз карансыздыгы жөнүндө идалы дагы да болсо кыялдарында жашай берген. Совет бийлигинин орношу, көчмөндөрдүн отурукташуусу, айыл-чарбасынын коллективдештирилиши Совет бийлигинин башка дагы революциялык чаралары орто кылымдардагы уруучулуктун бир катарына чек койду.

Элдин санын өсүп-өркүндөшү, элдин турмушунун бардык негизи кандаштыкка негизделген союзун алсызданта баштады. Советтик мезгилдеги социалисттик уюмдаштырууда региондук, чарбалык биримдиктер маанилүү бүтүндүк болгон үчүн, кандаштык аң-сезим ар бир аймактардын жашоочуларынын кошумча союзу иретинде сакталып калды. Жалпы баарынын келип чыгуу чыныгы кандаштык тууганчылык катары көп кабыл алынбай калды, ал жөнүндө эс тутум уламдан улам алсызданды.

Кыргыз элинин идеалындагы эгемендүүлүк капыстан колго тийгенден соңку эйфория шартындагы коомдук деградация, рухий жардылык, ар кандай жол менен болсо да топтоп алган материалдык байлыгынын аркасы менен коомдо таасири күчөп бараткан «жаңы кыргыздарды» жаратты. Мындай жагдай кыргыз деп өзүн-өзү аңдоонун, өз башатын издөөнүн шарданын, идеалдуу коомду түзүү идеалы кайрадан фольклордогудай абалга кептеди. Жомоктордо коомдук турмушту өзгөтүүнүн, адилетсиз коомдук түзүлүштү жаңы, бай, кедейи жок, бардыгы тең, бактылуу болгон жаңы түзүлүш менен алмаштыруунун жолдорун ойлоонуп, кыялданылган. Бирок мындай чыгармалардын авторлору адамзат коомунун өнүгүү мыйзамдарын билбегендиктен, социалдык карама-каршылыктардын тамырын таба алышпай, аларды кудуреттүү күчкө ээ болгон баатырлардын жардамы менен чечүүгө аракеттенишкен сыяктуу эле, идеалдуу коомду түзүүчүнү эл эгемендүүлүктүн алгачкы жылдары көбүн эсе илим билимдүү, маданияттын саясий элитанын ичинен издешти. Бирок, эл биротоло эле прогрессивдүү болуп кете алышкан жок. Адамдардын аң-сезиминин өнүгүшү дайым эле ойдогудай ыраатуу түрдө төмөнтөн жогору карай өнүгүп отурбайт. Мындан кандаштык, уруучулук сезимдер биринчи планга чыкты. Саясатчылардын элдин аң сезиминдеги кандаштык сезимин ойготуусу уруучулук байланыштардын жанданышына, бөлүнүп жарылууга алып келди. Элдин регионалдык жиктелүүсү күчөдү. Азыркы күндө кайрадан элди бир бүтүнгө бириктирүү максатында байыртан келе жаткан курултай институтун ишке киргизүү идеясы менен коштолууда. Курултай өз мезгилинде ошол мыйзам, чечим чыгаруу институту болгон менен өзү бул күндө элдин өткөнүн, артка карай кайрылуудай туюлуп укуктук негиздерин таппай келүүдө. Ал эми реалдуу турмуш аламдашуу алкагында илим-билим менен азыркы өнүккөн технологиялардын агымынан артта калгысы жок. Бирок бул негиз европалашкан батыштык башат. Демек, азыркы кыргыз коомундагы бири алдыга умтулган, экинчиси артка багытталган идеяларды бириктирүү мыйзамдык негизин иштеп чыгуу зарылдыгы бар.

Адабияттар

1. Валиханов Чокан. Избранные произведения. – Алма-Ата, 1958. – 338-б.
2. «Манас» – героический эпос киргизского народа. – Фрунзе, 1958. – С. 21. «Манас» С.Орозбаковдун варианты боюнча. 1-китеп, 16-б.

А.Б.Алдашева
канд. соц. наук, доцент
КНУ им.Ж.Баласагына

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РФ И ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

This article analyses the migration policy of Russian, the functioning of intermediary institutions ensuring migration and their impact on Kyrgyz labor migrants. The author concludes that the complexity of procedures and prohibitions of migration policy, inefficiency and poor development of formal institutions ensuring migration impede the migration management and violate the rights of migrants.

В миграционной политике Российской Федерации утверждается положительная роль миграции в становлении демографического баланса страны и в дальнейшем развитии ее экономики. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1] имеет фоном заявление привлечь иностранную рабочую силу, сделать Россию миграционно привлекательной. В целом миграционная политика будет направлена на создание механизма, позволяющего на постоянной основе заключать соглашения между Россией и странами СНГ об организованном наборе иностранных работников для осуществления трудовой деятельности в России.

Однако с обнародованием плана мероприятий по реализации первого этапа Концепции появились новые ограничения и запреты в миграционной политике. Рассмотрим некоторые из нововведений. В рамках мероприятий по «адаптации и интеграции мигрантов» с 1 декабря 2012 года в Российской Федерации вступает в силу закон, обязывающий мигрантов, работающих в сферах ЖКХ, торговли, услуг, *проходить тестирование на знание русского языка* [2]. Не вызывают сомнения преимущества, которые получает человек от знания русского языка. Знание русского языка наряду с личностными и профессиональными качествами будут способствовать эффективной мобилизации ресурсов и помогут извлечь максимальные выгоды из статуса трудового мигранта в России при минимальных потерях, а также будут способствовать их интеграции в принимающем сообществе.

Русский язык является официальным языком в Кыргызстане и широко распространен в нашей стране, хотя несколько и уступает свои позиции по сравнению с советским периодом. Социологические исследования свидетельствуют о достаточно высокой субъективной оценке знания русского языка кыргызстанскими трудовыми мигрантами [3]. Так, 90,9 % опрошенных трудовых мигрантов в Кыргызстане оценили свои знания русского языка как достаточные для выполнения работ и 91,3% – для формального и неформального общения. При заполнении документов на русском языке испытывает сложности каждый пятый опрошенный респондент (21,8 %). Чаще сложности испытывает молодежь, окончившая школу в сельской местности. Наши соотечественники, выехавшие на заработки в Россию, испытывают затруднения при заполнении документов. Однако требование сдачи языкового экзамена ко всем мигрантам, занятым в сфере услуг, избыточно, особенно для краткосрочных мигрантов и для занятых непрестижными видами труда при низкой заработной плате даже в сфере услуг.

По закону мигрантам необходимо подтверждать знание русского языка не ниже базового уровня. Для этого им потребуется сертификат о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному или документ об образовании, выданный на территории страны проживания и признаваемый РФ, с нотариально удостоверенным переводом аттестата на русский язык.

Трудовым мигрантам необходимо сдавать так называемый базовый уровень, который является вторым из шести существующих. Для повседневного общения мигрантам в России достаточно знать язык на уровне, который даже ниже первого, элементарного. Мигрантам будет сложно сдать языковой он-лайн тест, потому что многие из них не владеют компьютером. Кроме того, экзамен должен включать еще устную часть. На огромное количество трудовых мигрантов, занятых в сфере услуг, открывается недостаточное количество центров тестирования, также недостаточно бесплатных курсов по обучению русскому языку и адаптации мигрантов. Дополнительными препятствиями для мигрантов становятся не только знание языка и основ компьютерной грамотности, но и отсутствие денег, чтобы пройти языковые курсы и сдать экзамен. Для языковых центров финансово выгодно оставлять мигрантов на пересдачу, поскольку прохождение тестов для мигрантов платное.

Ситуация с языковым экзаменом похожа на печальную практику обязательного прохождения медосмотра. По всей вероятности, под предлогом языковых экзаменов легализуется новый канал для коррупции, вымогательства и ущемления прав трудовых мигрантов. Мигранты загоняются не только в сферу наиболее непрестижной и тяжелой работы, нелегальной по характеру, также происходит выдавливание мигрантов и из сферы услуг, которую очень сложно назвать престижной и высокооплачиваемой.

На наш взгляд, также не будут способствовать привлечению иностранной рабочей силы в Россию и интеграции мигрантов экзамены по истории России и основам законодательства Российской Федерации.

Декларируя приоритеты долгосрочной и постоянной миграции, миграции с семьей, в России принимаются *постановления, запрещающие принимать в школы детей мигрантов, не имеющих регистрации* [4]. Общеизвестно, что мигранты, приезжающие с семьями, – это потенциально постоянные жители, законопослушные и добропорядочные люди. Такие мигранты имеют потенциальную установку на интеграцию в принимающем сообществе. Дети, обучающиеся в школе, изучающие русский язык, – самые лучшие агитаторы и трансляторы русского языка и русской культуры.

Еще одним очень важным пунктом российского правительственного плана является запланированное на второй квартал 2013 года *введение в опытную эксплуатацию автоматизированной системы получения, формирования, хранения и использования дактилоскопической информации об иностранных гражданах. В* документе говорится, что к этой информации будут иметь доступ и «компетентные» органы.

В управлении миграциями как социальным процессом может иметь место несовпадение целей и задач государства и личностных интересов и установок, как это

имеет место в случае с *усилением контроля за въезжающими, ужесточением системы наказания за преступления, связанные с незаконной миграцией.*

С одной стороны, современные миграционные процессы развиваются стихийно, поэтому управление миграционными процессами становится первостепенной задачей национальной безопасности, стоящей перед российским государством.

С другой стороны, изначально не понятен статус добропорядочных иностранных граждан, въезжающих на территорию РФ. Подавляющая часть трудовых мигрантов из Кыргызстана – это добропорядочные граждане, которых бедность и безработица на родине «вытолкнула» искать заработки. С вводом в эксплуатацию автоматизированной системы получения, формирования, хранения и использования дактилоскопической информации об иностранных гражданах они могут быть поставлены в один ряд с преступниками, т.е. уголовниками. Таким образом, искусственно проводится демаркационная линия между «своими» и «чужими».

У нечистоплотных сотрудников государственных органов может возникнуть соблазн «искать и найти виновных» среди «чужих» и, в первую очередь, среди трудовых мигрантов. Или же работодатель, не желая выплачивать заработную плату, «поспособствует» раскрытию того или иного преступления и т.д. Возникает опасение, что в результате подобных действий трудовым мигрантам будет практически нереально доказать свою невиновность, защитить свои права. В условиях трудовой миграции они уже находятся в крайне бесправном и тяжелом положении, в статусе человека второго сорта.

Не стоит забывать и о масштабах нелегальной миграции. Ее порождают сама система, существующий миграционный режим, противоречия в нормативно-правовых актах, противоречия между бизнесом и капиталом и, конечно же, теневая экономика. В новой миграционной политике РФ запретов и ограничений, дополнительных требований к мигрантам стало еще больше, ужесточается и система наказания за преступления, связанные с незаконной миграцией, что никак не способствует легализации мигрантов.

Квотирование иностранной рабочей силы используется для регулирования трудовых ресурсов из безвизовых стран. Эта процедура используется для контроля над крупными работодателями. При подаче заявок на квоту от работодателей требуется встать на учет в государственные службы занятости, выставить там свои вакансии и предоставить полную информацию об организации. Потребности средних и мелких работодателей в расчет не берутся. Справедливости ради стоит отметить, что из-за небольшого количества работников им не хочется проходить сложные бюрократические процедуры.

По словам главы ФМС К.Ромодановского, механизм квот «не является самым эффективным» и не успевает отвечать на запросы рынка труда [4]. В соответствии с постановлением правительства РФ [5] в 2013 году планируется выдать 1 млн 745 тыс. 584 разрешений на работу и 410 тыс. 126 приглашений на въезд в Россию для работы. Произошло сокращение квот по сравнению с 2012 годом. «Еще три года назад во время кризиса квот было выставлено в два раза больше. … сейчас потребность в дешевой рабочей силе больше еще в несколько раз» [6]. Потребность в иностранной рабочей силе с каждым годом только увеличивается. Занижение квот на иностранную рабочую

силу не учитывает дефицита трудовых ресурсов. Сокращение квот на иностранную рабочую силу скажется не только на мигрантах, работодателях, но и на российской экономике в целом. Снижение квот не позволяет трудовым мигрантам войти в правовое поле. Как следствие – они будут наказаны по всей строгости закона. Потребность в рабочей силе должна регулироваться рыночными механизмами, а не законами чиновников. Если к 2015 году трудовые мигранты не потеряют окончательно миграционный интерес к России, что их ждет вознаграждение в виде отмены набора трудовых мигрантов по квотам.

Новая миграционная политика РФ направлена на *создание механизма, позволяющего на постоянной основе заключать соглашения между Россией и странами СНГ* об организованном наборе иностранных работников для осуществления трудовой деятельности в России. Ожидаемая система может не сработать в условиях безвизового режима. Введение визового режима в рамках СНГ противоречит не только законодательству Российской Федерации, но ряду международных нормативно-правовых актов и межправительственных соглашений. Миграционная привлекательность России для стран СНГ заключается в возможности оставаться без регистрации до 90 дней.

Наряду с миграционной политикой немаловажную роль играют институты, обеспечивающие миграцию. *Современное институциональное обеспечение миграции* кыргызстанцев происходит, в основном, на четырех уровнях: через государственные, частные, общественные организации, а также через неформальные и теневые институты.

72,4 % от общего числа опрошенных респондентов, побывавших на заработках в России, предпочитают официальный путь трудоустройства, легче устроиться на работу неофициально – ответило 19,0 %, остальные не видят большой разницы между официальным и неофициальным способами трудоустройства. Строгий миграционный режим и преимущества легального положения мигрантов – этим, по всей вероятности, и объясняются суждения трудящихся-мигрантов в России в пользу официального трудоустройства.

Трудящиеся-мигранты выбирают разные механизмы трудоустройства через посреднические услуги официальных и неофициальных, частных структур и частных лиц, как в Кыргызстане, так и в России, хотя в целом они предпочитают трудоустраиваться напрямую у самих работодателей. Табл. 1 явственно демонстрирует примерно одинаковую осведомленность респондентов обо всех посреднических институтах. Информированность о миграционной инфраструктуре значительно выше, чем обращаемость к ним. В государственные миграционные службы и службы занятости кыргызстанские трудовые мигранты обращаются крайне редко, чаще обращаются к услугам частных посредников, вербовщиков в России, чем у себя на родине, как это видно в табл. 2.

Таблица 1

Знание посреднических структур, оказывающих помощь в трудоустройстве,
в % по мигрантам, работавшим в России

	Посреднические структуры	Россия	
		знает	не знает
1	Государственные службы (занятости, миграционные) в России	34,0	66,0
2	Частные агентства по трудоустройству в России	33,6	66,4
3	Частные лица (посредники, вербовщики) в Кыргызстане	31,9	68,1
4	Частные лица (посредники, вербовщики) в России	32,6	67,4

Таблица 2
Обращаемость за помощью в трудоустройстве во время последней поездки в Россию, в % по мигрантам, работавшим в России

	Посреднические структуры	Россия	
		да	нет
1	Государственные службы (занятости, миграционные) в России	4,4	95,6
2	Частные агентства по трудоустройству в России	5,8	94,2
3	Частные лица (посредники, вербовщики) в Кыргызстане	4,4	95,6
4	Частные лица (посредники, вербовщики) в России	15,0	85,0

Согласно результатам исследования, в иерархии распространенных стратегий поиска работы и трудоустройства на первом месте находятся неформальные каналы, на втором – теневые каналы, далее идут объявления в СМИ, частные агентства занятости, и замыкают – государственные службы занятости. Посредники помогают мигрантам в прохождении легализационных процедур (регистрации, получении разрешения на работу и т.д.).

Официальная инфраструктура трудовой миграции слабо развита и неэффективна как в Кыргызстане, так и в России. Неформальные и теневые каналы по организации миграции восполняют этот пробел. Эти ресурсы значительно мобильнее и доступнее официальных (и в стране назначения, и в стране пребывания), учитывая, что подавляющая часть мигрантов – это нелегальные мигранты, у которых доступ к официальным ресурсам практически ограничен. Неофициальные посреднические институты активно развиваются и предоставляют широкий сектор услуг. На интенсивность обращения к посредническим институтам, наряду с масштабами миграционных перемещений и развитостью миграционных сетей, влияет миграционный режим. При жестких условиях миграционного режима мигранты все чаще будут обращаться к неформальным посредническим институтам. Последние снижают не только риски миграции для трудящихся мигрантов, но и препятствуют управлению миграцией. Неформальные и теневые каналы организации миграции приводят к нелегальной миграции и нарушениям прав мигрантов.

Таким образом, несовершенство миграционной политики управления миграционными процессами при дальнейшем усложнении процедур, жестких ограничениях и запретах может только увеличить долю нерегулируемой составляющей трудовой миграции, значительно снизить миграционную привлекательность страны, способствовать росту теневой экономики, усилить негативное отношение к мигрантам со стороны части населения, привести к значительному ухудшению положения трудовых мигрантов.

Неэффективность и слабое развитие официальных институтов обеспечения миграции как в Кыргызстане, так и в России стимулируют рост и процветание неформальных посреднических институтов. Неформальные и теневые каналы организации миграции приводят к нелегальной миграции, препятствуют управлению миграцией и нарушают права мигрантов, несмотря на их амортизационную роль при ксенофобии принимающей страны.

Список использованной литературы

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 года.
2. http://kginfo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6680&Itemid=35
3. Исследование «О статусе соблюдения прав женщин трудящихся-мигрантов в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане (страны происхождения), Российской Федерации и Казахстане (страны назначения)», которое было проведено в 2009 г. по заказу ЮНИФЕМ консалтинговым агентством «Эксперт». Аналитический отчет по Кыргызской Республике подготовлен А.Б.Алдашевой.
4. http://expert.ru/ural/2012/37/tak-im-ehat-ili-net/
5. Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2012 года № 1137 «Об определении потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников и утверждении соответствующих квот на 2013 год».
6. http://www.newizv.ru/society/2012-11-08/172585-ekzamen-na-prochnost.html

René Provis

GIFTING AS AN ALTERNATIVE WINDOW INTO KYRGYZ SOCIAL RELATIONS

Abstract

Gift exchange customs in diverse parts of the world have been of long standing interest to anthropologists and sociologists. Marcel Mauss' seminal *The Gift*, first published in 1925, inaugurated gift exchange as a field of study in its own right through combined case-studies drawn from across the Pacific from locations as diverse as Melanesia and Pacific Northwest America. While the forms of gifting in such diverse localities vary significantly, underlying and general patterns emerge which can be used to assist in the understanding of gift exchange practices farther afield, including in contemporary Kyrgyzstan. The central idea animating this literature is that "there are no free gifts". This idea indicates the reciprocal obligations involved in exchanges of gifts – to receive carries the obligation of future return in many guises. In the Kyrgyz context, the substance of gifts is often not particularly important. What does matter is the way in which this traditional institution functions to sustain relationships within the arena of life cycle ceremonies, known collectively as "*toi*". Thus gifts are an important signifier of interpersonal relationships. This paper explores the concepts of gifts and gifting as a way of illuminating social relationships in Kyrgyzstan beyond the kinship and clan centred discourses that have tended to dominate political commentary.

Introduction: gift exchange as the distant and neglected cousin of kinship studies

Considerable academic resources have been given to the study of clan and kinship in the contemporary Kyrgyz political system and in Central Asia more widely. Collins (2002, 2003, 2004) is indicative, and was among the first western scholars to put forth the idea that extended kinship networks, dubbed "clans" have played a prominent role in post-Soviet stability and *in*stability in Kyrgyzstan, and in Central Asia more widely. While the contributions of Collins (among others) were applauded for the increased interest in sociological constructs among scholars of political science, they were also criticised for misconceiving and overstating these very same constructs (Gullette 2010, 2007). Gullette notes that the view of clans as 'solidarity through kinship... does not address the essential issue of how relationships are created and what these mean to participants.' (2010, p. 54) Rather than 'reproducing the assumed solidarity within "clans,"' Gullette promotes the idea of pursuing an 'everyday politics' which 'examines the strategies people deploy to meet daily challenges. The proposition is that personal and family relationships are used and impinged upon in order to cope, especially in a time of economic difficulties. Such a proposition explores how interpersonal interactions inform the way people imagine politics' (ibid, p. 56), which in turn demonstrates the contemporary relevance, or otherwise, of clans.

In this paper I investigate the extent to which the "everyday politics" of the Kyrgyz might be usefully explored through the contemporary practice of gift exchange, an anthropological category that seems to have received considerably less attention than kinship in the Kyrgyz context. The anthropological literature on gift exchange and reciprocity, extending back at least as far as Marcel Mauss' seminal *The Gift*, first published in 1925 has much to contribute here. The next section discusses Mauss' foundational work.

Marcel Mauss and gifting across the Pacific

> '*What rule of legality and self-interest... compels that the gift that has been received to be obligatorily reciprocated? What power resides in the object given that causes the recipient to give it back?*'
>
> (Mauss 1990[1925], p. 3)

These two central questions animate Mauss' foundational study of gift exchange customs, which was first published in French in 1925. Exploring the notion that there are 'no free gifts' (Douglas 1990, p. vii), this implies that everything given carries an obligation of return, or *reciprocity*, whatever forms the initial gift and return gift (or counter-gift) might take. Through various case studies drawn from different parts of the Pacific region, Mauss demonstrated generalized patterns of gift exchange customs in terms of the different social, political, and economic functions they fulfilled in local social systems. Such functions simply could not exist were gifts, in fact, pure and free.

Along with promoting the sociological method in the tradition of Emile Durkheim (who was actually Mauss' uncle and senior colleague), much of Mauss' writing also sought to promote his socialist views: indeed Mauss 'never sought to separate his scientific work from politics' (Hart 2007, p. 5) and it is through this prism that much contemporary debate on gift exchange might best be viewed (ibid). Further details of these debates are beyond the scope of this paper, but a basic outline of *The Gift* will suffice in highlighting some of the findings that inspired subsequent scholarship and academic debate, and within which analyses of contemporary gift exchange customs in Kyrgyzstan might be situated.

In the Melanesian and indigenous New Zealand (Maori) systems, observed exchanges often tended to be of equivalent items prompting the question of why bother with the exchange in the first instance? (Wilk and Cliggett 2007, p. 158) This kind reciprocity, later termed 'balanced' reciprocity (Sahlins 1972), is interesting in that it forces an appreciation beyond the material value of items simply exchanged. This brings to light the social relationship that is developed through the initial exchange, and sustained through repeated exchanges. Indeed 'the most enduring lesson from Mauss [is that] gift exchange is always about social relations.' (Wilk and Cliggett 2007, p.171)

Attention to the relative value of gifts and counter-gifts also revealed more unbalanced forms of reciprocity. For example, Mauss noted that in eastern Melanesia and in the Pacific Northwest of North America counter-gifts would often be given in ever greater value for the purposes of enhancing the status of the giver through such public displays of wealth and generosity. Here the gift takes on a more competitive, calculating character which places the gift even further from the free, pure ideal type. The most famous example of this was the 'system of total services' of the 'potlatch' indigenous to the native Americans of the Pacific Northwest. These elaborate exchanges, conducted at the tribal chief rather than everyday individual level, were dubbed 'usurious and sumptuary' by Mauss (1990[1925], p. 6), but also recognized as fulfilling important political and economic institutional functions; apart from the potential future material gains for the group, elite members of those societies could also use the gift exchange arena to promote and sustain their elite status and political power.

Yet another interesting observation that emerged from Mauss' Polynesian cases was the idea that a spiritual part of the giver remains embodied in the item given. Elaborated in the now

famous Maori concept of *hau*, or 'the spirit of things', reciprocity is here connected with spirituality, religion and cosmology:

> What imposes obligation in the present received and exchanged, is the fact that the thing received is not inactive. Even when it has been abandoned by the giver it still possesses something of him. This is because the *toanga* [the thing, or item gifted] is animated by the *hau* of its forest, its native heath and soil. It is truly 'native': the *hau* follows after anyone possessing the thing. (Mauss 1990, pp 11-12)

This passage is salient as it not only reveals the basis of the strength of reciprocity embedded in a religious/spiritual belief system, but it also stresses the inherent difficulty of realizing things as separate or alienated from specific individuals. The inherent *inalienability* of things from people is problematic from the perspective of the development of prototypical capitalistic markets, at the heart of which lie *alienated* and *alienable* commodities. The conceptual distinction between gifts and commodities revolving around the concept of alienability has been one prominent research path subsequent to Mauss. This is discussed in the next section.

Gifts and commodities

Though his political agenda is often overlooked among Anglophone anthropologists (Hart 2007; Graeber 2001), like Karl Marx before him, Mauss was critical of capitalism and devoted much of his academic energies to investigating and promoting different models of socialism. The theoretical linkages between Mauss and Marx are mostly elaborated in discussions on the conceptual distinction between gifts and commodities. The gift, altruistic and inalienable from the persons involved in its exchange, is conceptually distinct from the cold and calculative production and exchange of the commodity, which is alienable by definition. Alienability refers to separation between people and things exchanged in the minds and memories of the transactors. This distinction between altruistic gift and commodity exchange has been mistakenly used to characterize capitalist and archaic societies respectively, and to imply that as the latter proceeds down the path of industrial capitalist development, the logic of production changes and more altruistic elements involved with gifts are replaced with the calculated and de-personalized commodity form of exchange. This interpretation has been criticised primarily through demonstrating that gift and commodity forms of exchange are usually found side by side *in all* societies, regardless of the extent of penetration of capitalist modes of production.

Gregory's *Gifts and Commodities* (1982) is generally cited as the origin of this distinction, though the author later rebutted this in a strong defense which is worth quoting on conceptual and methodological grounds:

> I have never used the distinction between gifts and commodities to classify societies nor have I ever suggested that 'we' are to commodities as 'they' are to gifts. Such an approach is anathema to me. My problem in *Gifts and Commodities* was to explain the paradox, brought about by colonization, of the efflorescence of gift exchange in a world dominated by commodity production and exchange. I characterized Papua New Guinea as an 'ambiguous' economy where things are now gifts, now commodities, depending on the social context (1982: 117). Thus I developed the logical

> opposition between gifts and commodities in order to try to understand the ambiguity of the historically specific situation of colonial Papua New Guinea (. . .) Ethnographic classification is quite distinct from conceptual division by the logical principle of dichotomy (Gregory 1997, pp 47–49 in Hart 2007, p. 11).

Here Gregory's 'ambiguous economy' (ibid) draws our attention back to the social context of transactions, prefiguring later work on 'the social life of things' (Appadurai 1986) and the 'social nature of objects' (Carrier 1991, p. 132). Carrier notes the presence of both forms of exchange in all societies, preferring to view them on a continuum with significant overlaps, rather than as properly separate and distinct categories: 'Many gift transactions contain an element of alienation and individualism, just as many commodity transactions are tinged by mutual obligation' (ibid). Rather, what matters is that '[o]bjects derive identity or meaning from the specific personal relationships in which they are transacted or in which they feature... To grasp fully the social nature of objects is to consider the different ways that objects exist, and the different sorts of relationships and transactions in which they are involved, for these entail different meanings and identities.' (ibid, pp 132-33)

The debates over gifts and commodities demonstrates the intellectual folly of seeking to characterize whole societies in terms of singular logics of exchange, be they construed as rational and self-interested commodity exchange, or socially oriented and altruistic gift exchange. But it does remind us to look at the diversity of action and the relationships that exist alongside these exchanges, which will go some way to elaborating the everyday politics. The final section of this paper describes a gift commonly exchanged in contemporary Kyrgyz society, and discusses how this and other similar gifts might be interpreted within a Maussian framework extended along the lines of research outlined here.

The gift in post-Soviet Kyrgyzstan

As elsewhere in the region, ritual celebrations organized around important life-cycle events have expanded in significance during the post-Soviet period (Keuhnast and Dudwick 2004; Reeves 2012; Werner 1999). Known collectively as "*toi*" in Kyrgyz language, these events usually take place during the fall season and are used to mark occasions such as coming of age rituals, anniversaries such as important birthdays, and several (sometimes combined) events leading up to and including weddings among other events. These events are one of the principal arenas in which Kyrgyz contemporarily participate in the exchange of gifts, where gifts defined broadly include things, assistance (labour), and hospitality. Gift exchange in contemporary Kyrgyz society is not confined to these sorts of occasions, however, they are among the most significant and are certainly the most publicly visible. This latter fact also makes them methodologically expedient, and so they are the ethnographic focus of this study.

One significant gift exchanged during *toi* is known in Kyrgyz language as "*kiyit*". *Kiyit* usually comprises gifts and counter-gifts of clothing, shoes, "*kalpak*" (traditional Kyrgyz felt hats), and *jooluk* (head-scarves) which are exchanged during *toi* events. During weddings, for example, the gifts and counter-gifts will occur between in-laws and also between other family members and guests of the hosts (though *kiyit* is technically between in-laws). These frequently include *jooluk* and *kalpak*, which are gifted to females and males respectively, among other items of clothing. Similar exchanges are not limited to wedding *toi*, however. I observed several examples of these exchanges at a *Hajj toi*, which is a modern interpretation

of *toi* reflecting the rediscovery of Islam in the wake of the Soviet Union wherein a respected elder returning from a recent Hajj pilgrimage to Mecca distributes "*bata*" (blessings) among the assembled guests. At this particular event the *eje* (Kyrgyz term of respect for an older female) whom had recently returned from Mecca received several *jooluk* among other gifts of cash and food from almost all adult female guests present on behalf of their households. Though there was no sense of overt *quid pro quo* in the exchanges, activities were arranged around *eje's* distribution of *bata* via prayer several times throughout the event (which lasted several days), and also sharing libations of holy water she had carried from Mecca that resembled the sharing of tea.

I mention *jooluk* in particular as I think they tell an especially interesting story. Since independence Kyrgyzstan has become increasingly integrated into the international economy and global commodity chains, reflected in that Kyrgyzstan was the first among Central Asian states to accede to the World Trade Organization in 1998. These garments are typically a product of textiles industries located elsewhere in Asia, chiefly China. They begin life in a more or less pure commodity form, and are subsequently traded across international borders, likely changing hands several times, before winding up for sale in any number of bazaars and small boutique stores in countries like Kyrgyzstan. The initial purchase still retains much of the commodity character, although interpersonal relations may enter here (such as if the person purchasing the object has some preferential relationship with any particular trader). Next the *jooluk* is given as a gift, which in most instances would likely be a counter-gift of a generalized and both as equivalent and non-equivalent form. The moment of gift involves a touching gesture wherein the giver unwraps the *jooluk* from its plastic case, unfolds it, then in a pronounced fashion throws it in the air above the recipient's bowed head whilst retaining a handle on the corners. Once the scarf has settled, the recipient looks up and the sides are gently wrapped around her cheeks.

After pausing for a moment the scarf is then removed and placed onto the growing pile of scarves in the arms of another standing nearby, whereafter the ritual is usually repeated by the next guest. The interpersonal nature of this performance stands quite in contrast with the next step in the lives of *jooluk*. The sheer number of them exchanged at any single event undermines any utility they might have as a functional garment. They are more commonly therefore re-gifted at the next *toi* with few concerns of this causing any offence to the giver, nor any deference to the sorts of sentimental norms surrounding gifts and re-gifting that I have become accustomed to in the west.

The *jooluk* embodies several elements of the gift discussed above, but also problematizes others. The routine re-gifting of *jooluk* and often other *kiyit* things indicates a near complete alienation of giver from gift subsequent to the exchange, but the mode of the exchange is doubtlessly not characteristic of the capitalist commodity (beyond the initial string of wholesale and retail purchases from factory to bazaar). The disutility and near complete lack of any sentimental attachment to the thing given that undermine the efficacy of the item in and of itself highlights the irrelevance of the gift-commodity distinction on the one hand. But on the other, it prompts us to scrutinize the symbolic meaning of the exchange and the relationship between giver and recipient, much as Gregory (1997 in Hart 2007), Appadurai (1986) and Carrier (1991) suggest.

The meaning of the exchange is generally explained by Kyrgyz in terms of showing respect for the recipient, and indeed demonstrating this respect before an audience of event attendees. Moreover, repeated iterations of similar exchanges in both directions are important for

maintaining any degree of closeness in one's relationship. The *jooluk* I witnessed the exchange of during the *Hajj toi* and several other similar events occurred not only between the individuals implicated as clansmen (and women) in Collins' analyses (2004), but also involved an array of individuals including past and present neighbours, friends, former colleagues, new in-laws and other relatives of varying distance. The more distant relatives linked simply by clan affiliation generally do not feature at such occasions; the relationships are more tangible, and are reflected in a popular idiom which expresses that "a close neighbour is more valuable than a distant relative".

Conclusion

The details of Mauss' original cases drawn from the Pacific region may have limited direct applicability to Kyrgyzstan; for example, does the *hau* in the Maori gift have any specific correlate in Kyrgyz gifts? The concept of *hau* does not necessarily seek to imbue gifts elsewhere with metaphysical properties distinct to Maori and Polynesian culture. Such details, however, are inconsequential for the broader corpus of gift theory that has been developed in the Maussian tradition. Rather our attention is directed to the social life of gifts. The participation in *toi* and exchange of gifts within, such as *jooluk* and *kiyit* in the Kyrgyz examples used in this paper reveal an array of relationships of great importance and contrary to the patterns predicted by in Collins' clan kinship constructs (2002, 2003, 2004). The ambiguity of scarves as they move from commodity to gift, with differing degrees of alienation of person from thing, reveals these relationships. Thus social life of *jooluk* and *kiyit*, among other gift forms, can help to elucidate the "everyday politics" as promoted by Gullette (2010) that have become a mainstay survival strategy in the wake of economic hardships and attrition of the state in the former Soviet Union.

References

1. Appadurai, A. 1986, 'Introduction: commodities and the politics of value', in A. Appadurai (ed.) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*, Cambridge University Press, Cambridge.
2. Carrier, J. 1991, 'Gifts, commodities, and social relations: a Maussian view of exchange', *Sociological Forum*, vol. 6, no 1:119-136.
3. Collins, K. 2002, 'Clans, pacts, and politics in Central Asia', *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 3:137-152.
4. ---------- 2003, 'The political role of clans in Central Asia', *Comparative Politics*, vol. 35, no. 2:171-190.
5. ---------- 2004, 'The logic of clan politics: evidence from the Central Asian trajectories', *World Politics*, vol. 56, no. 2:224-261.
6. Douglas, M. 1990, 'Foreword: no free gifts', in M. Mauss 1990[1925], *The Gift: the Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*, Norton, London.
7. Gregory, C. 1982, *Gifts and Commodities*, Academic Press, London.
8. Gullette, D. 2007, 'Theories on Central Asian factionalism: the debate in political science and its wider implications', *Central Asian Survey*, vol. 26, no. 3:373-387.
9. ---------- 2010, 'The problems of the "clan" politics model of Central Asian statehood: a call for alternative pathways for research', in E. Kavalski (ed.) *Stable*

Outside, Fragile Inside? Post-Soviet Statehood in Central Asia, Ashgate Publishing Limited, Surrey.

10. Graeber, D. 2001, *Toward an Anthropological Theory of Value: the False Coin of our Own Dreams*, Palgrave, New York.
11. Hart, K. 2007, 'Marcell Mauss: In pursuit of the whole. A review essay', *Comparative Studies in Society and History*, vol. 49, no. 2:1-13
12. Kuehnast, K. and Dudwick, N. 2004, 'Better a hundred friends than a hundred Rubles? Social networks in transition—the Kyrgyz Republic', *World Bank Working Paper no. 39*, The World Bank, Washington.
13. Mauss, M. 1990[1925], *The Gift: the Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*, Norton, London.
14. Sahlins, M.D. 1972, *Stone Age Economics*, Aldine-Atherton, Chicago.
15. Reeves, M. 2012, 'Black work, green money: remittances, ritual, and domestic economies in Southern Kyrgyzstan', *Slavic Review*, vol. 71, no. 1:108-134.
16. Werner, C.A. 1999, 'The dynamics of feasting and gift exchange in rural Kazakhstan', in I. Svanberg (ed.) *Contemporary Kazaks*, Curzon, Richmond.
17. Wilk, R.R. and Cliggett, L.C. 2007, *Economies and Cultures*, Westview Press, Cambridge.

Рене Провис
докторант в Школе Социальных Наук
Университета Нового Южного Уэльса,
Сидней, Австралия.[26]

ДАРЕНИЕ ПОДАРКОВ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ОКНО В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КЫРГЫЗОВ

Gifting as an alternative window into Kyrgyz social relations.

Краткий обзор

Традиция обмена подарками в разных частях мира всегда вызывала интерес у антропологов и социологов. Книга Марселя Мосса «Очерк о даре» (в оригинале The Gift), впервые опубликованная в 1925 году, описывает различные практики дарения подарков, используя комбинированное изучение населения Меланезии, Тихоокеанского Северо-Запада и Северной Америки. Форма дарения подарков в таких разных местах существенно различается, тем не менее, проявляются основные и общие закономерности, которые могут быть использованы, чтобы понять практику обмена подарками в других местах, в том числе и в современном Кыргызстане. Основная идея этой литературы – "нет никаких бесплатных подарков". Эта идея указывает на взаимные обязательства, которые вовлечены в процесс обмена подарками – получатель подарка всегда возвращает что-либо в будущем. В контексте Кыргызстана содержание подарка часто не особо важно; но что имеет значение, так это понимание, как именно этот традиционный институт функционирует в укреплении отношений в самой сфере обрядов жизненных циклов, известных под общим названием, как "той". Таким образом, подарки являются важным символом межличностных отношений. Эта работа рассматривает концепцию дарения подарков как путь к объяснению социальных отношений в Кыргызстане за пределами обсуждений кровного родства и кланов, которые, как правило, доминируют в политических дискуссиях.

Введение: обмен подарками – далекая и забытая часть исследований кровных связей

Значительное количество научных ресурсов фокусируются на изучении кланов и родственных связей в современной политической системе в Кыргызстане и в целом в Центральной Азии. Коллинз (2002, 2003, 2004), одна из первых западных ученых, выдвинула идею, которая расширила идею кровных связей о том, что так называемые "кланы" сыграли важную роль в постсоветской стабильности и нестабильности Кыргызстана и в Центральной Азии. В то время как вклад Коллинз (среди прочих) заслужил аплодисменты за то, что повысил интерес к социологическим конструкциям со стороны политологов, он также получил критику за недопонимание и преувеличение самих же этих конструкций (Гюллет, 2007, 2010). Гюллет отмечает, что

[26] Рене Провис является докторантом в Школе Социальных Наук Университета Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия. Данная работа доступна на английском и русском языках. Для переписки или для того, чтобы получит копию работы на другом языке, пожалуйста, напишите автору: rene.provis@unsw.edu.au.

рассматривать кланы как «солидарность через родственные связи ... не затрагивает основной вопрос о том, как создаются отношения и что они значат для самих участников» (2010, с. 54). Они не «воспроизводят предполагаемую солидарность в самих ”кланах”». Гюллет выдвигает идею о преследовании «повседневной политики», которая «рассматривает стратегии, созданные людьми для решения повседневных задач. Его предположение заключается в том, что личные и семейные отношения используются для того, чтобы справляться с невзгодами или выжить, особенно в период экономических трудностей. Оно рассматривает межличностные отношения и сообщает о том, как люди представляют политику» (там же, с. 56). Предположение, в свою очередь, демонстрирует актуальность изучения кланов.

В этой статье я исследую, в какой степени "повседневная политика" кыргызов может быть полезно изучена через линзу современной практики обмена подарками, где антропологическая категория, кажется, получила значительно меньшее внимание, чем родственные связи, в контексте Кыргызстана. Антропологическая литература, повествующая об обмене подарками и взаимности, берет свое начало от Марселя Мосса и его книги «Очерк о даре» (в оригинале The Gift), опубликованной в 1925 году, которая внесла большой вклад в эту работу. Следующий раздел рассматривает основополагающую работу Мосса.

Марсель Мосс и дарение подарков в Тихоокеанском регионе

"Какое правило законности и личного интереса ... заставляет полученный подарок стать вынужденной взаимностью? Какая сила находится в данном объекте, что заставляет получателя отдать его обратно?"

(Мосс,1990 [1925], с. 3)

Эти два центральных вопроса являются основополагающими исследования Мосса о традиции обмена дарами, которые впервые были опубликованы в 1925 году на французском языке. Изучение понятия, что "нет бесплатных подарков" (Дуглас, 1990, с. VII) подразумевает, что все, что дано, несет обязанность возврата или взаимности, независимо от формы, который может принять начальный и возвратный подарок (или контр-подарок). С помощью разных примеров, взятых из разных частей Тихоокеанского региона, Мосс показал обобщенные модели традиции обмена подарками в различных социальных, политических и экономических плоскостях, которые они выполняли в местных социальных системах. Такие функции просто не смогли бы существовать, если бы подарки, на самом деле, были чистыми и свободными.

Наряду с продвижением социологического метода в традиции Эмиля Дюркгейма (который был на самом деле дядей и старшим коллегой Мосса), большая часть работы Мосса также продвигала его социалистические взгляды. Действительно, Мосс «никогда не стремился отделить его научную деятельность от политики» (Харт, 2007, с. 5), и именно из-за этого большинство современных дискуссий на тему обмена подарками лучше всего должно быть рассмотрено через эту призму (там же). Более подробная информация об этих дебатах выходит за рамки данной работы, но основных

моментов книги «Очерк о Даре» хватит для того, чтобы осветить некоторые выводы, которые вдохновили последующие изучения и научные дебаты, где и может расположиться анализ современной традиции обмена подарками в Кыргызстане.

В системах коренного населения Меланезии и Новой Зеландии (маори) наблюдение показало, что обмениваемые подарки эквиваленты, и это наталкивает на вопрос, зачем вообще беспокоиться обменом подарками в первую очередь? (Вилк и Клигетт, 2007, с. 158). Этот вид взаимности позже получил название «сбалансированной» взаимности (Салинс, 1972). Сбалансированная взаимность интересна тем, что она вынуждает к признательсности, которая начинает существовать за пределами материальной стоимости предмета подаренного или полученного. Это проливает свет на социальные отношения, которые развились на основе первоначального обмена и поддерживаются повторными обменами. В самом деле, «самый главный урок Мосса – это то, что обмен подарками всегда связан с социальными отношениями (Вилк и Клигетт, 2007, с.171).

Изучение относительной стоимости подарков и контр-подарков выявило более неуравновешенную форму взаимности. Например, Мосс отметил, что в Восточной Меланезии и в тихоокеанском северо-западе Северной Америки контр-подарки часто имеют большую ценность. Целью дарения подарка, который имеет большую ценность, является повышение статуса дающего, публично проявляющего богатство и щедрость. Здесь подарок обретает более конкурентный и расчетливый характер, что, в свою очередь, делает этот дар в еще меньшей степени свободным и чистым. Самым известным примером является «система абсолютных услуг потлач», которая существует у коренных американцев на Тихоокеанском Северо-Западе. Эти обмены проводятся на уровне глав племени, а не на повседневном, индивидуальном уровне. Мосс впоследствии описал их как «ростовщические и роскошные» (1990 [1925], с. 6.). Он также идентифицировал их в качестве элементов, которые выполняют важные политические и экономические институциональные функции, но отдельно от потенциальной будущей материальной выгоды для группы. Элитные члены этих обществ могут также использовать арену обмена подарками, чтобы продвигать и поддерживать свой элитный статус и политическую власть.

Другое интересное наблюдение Мосса в Полинезии заключается в том, что отданный предмет воплощает в себе духовную часть дающего. В настоящее время концепция маори, известная как хау, или «дух вещей», связывает взаимность с духовностью, религией и космологией.

Тот факт, что именно полученная вещь, которая становится неактивной, накладывает обязательство на полученный подарок. Даже когда вещь была оставлена дающим, она по-прежнему несет часть его. Это происходит из-за того, что хао с помощью своих лесов, родных и родной земли дает жизнь таонга [вещь или подаренный предмет]. Хао, действительно, «исконно присуще» и следует за любым, у кого имеется вещь (Мосс, 1990, п. 11-12).

Этот отрывок важен не только из-за того, что показывает силу основы самой взаимности, которая внедрена в религиозную/духовную систему убеждений, он также подчеркивает присущую трудность восприятия вещей, отдельных или отчужденных от конкретных людей. Присущая неотъемлемость вещи от самих людей становится проблематичной с точки зрения развития прототипичных капиталистических рынков, в

основе которых лежат отдельные товары. Концептуальное различие между подарками и товарами вращается вокруг концепции отчуждаемости, которая стала одной из известных последующих исследований Мосса. Следующий раздел обсуждает этот момент.

Подарки и товары

Хотя его политическая программа часто не признается среди англоязычных антропологов (Харт, 2007; Граебер, 2001), точно так же, как и Карл Маркс перед ним, Мосс критиковал капитализм и посвятил большую часть своей академической энергии на исследование и продвижение других моделей социализма. Теоретическая связь между Моссом и Марксом может быть прослежена в обсуждениях на тему концептуальной разницы между подарками и товарами. Подарок является альтруистической и неотъемлемой частью людей, которые вовлечены в процесс обмена, в то время как товар концептуально отличается от подарка холодностью и расчетливостью производства и обмена, что, в свою очередь, является отчуждением по определению. Отчуждаемость относится к разделению людей, обменивающихся вещами, в сознании и памяти самих посредников. Это различие между альтруистическим подарком и обмениваемым товаром было неправильно использовано в описании капиталистического и архаического общества соответственно. И подразумевать, что последний продолжает свой путь вниз по наклонной промышленного капиталистического развития, изменяется логика самого производства, и все больше элементов альтруизма, связанных с подарками, заменяется расчетливой и де-персонализированной формой товара и обмена. Эта интерпретация была подвергнута критике, прежде всего, за счет демонстрации того, что подарок и товарные формы обмена обычно находятся рядом друг с другом во всех обществах, независимо от степени проникновения капиталистического вида производства.

Григорий в своей работе «Подарки и Товары» (1982) положил различие между этими двумя вещами. Позже автор дал опровержение этому различию. Его опровержение стоит процитировать в силу концептуальных и методологических оснований: «Я никогда не использовал различие между подарками и товарами для классификации общества. Я также никогда не предлагал, что «мы» относимся к товарам, точно так же, как «они» относятся к подаркам. Такой подход является анафемой для меня. Моя проблема в работе «Подарки и товары» являлась объяснением парадокса, вызванного колонизацией, и началом обмена подарками в мире, где доминирует производство товара и обмена. Я характеризирую Папуа Новую Гвинею как "неоднозначную" экономику, где вещь есть подарок и товар, в зависимости от социального контекста (1982, с. 117). Таким образом, я разработал логическую оппозицию между подарками и товарами для того, чтобы попытаться понять неоднозначность ситуации, которая была вызвана историческо-конкретной ситуацией колониальной Папуа Новой Гвинеи (...) Этнографическая классификация существенно отличается от концептуального деления логического принципа дихотомии» (Григорий, 1997, с. 47-49, в Харт, 2007, с. 11).

Здесь «неоднозначность экономики» Григория (там же) привлекает наше внимание к социальному контексту сделок, становясь прообразом более поздней работы «Социальная жизнь вещей » (Аппадураи, 1986) и «Социальная природа объектов» (Кариер, 1991, с. 132). Кариер отмечает наличие обеих форм обмена во всех обществах, предпочитая рассматривать их на континууме со значительными соприкосновениями, а

не как отдельные и различные категории: «Многие транзакции, которые включают в себя подарки, содержат элемент отчужденности и индивидуализма, точно так же, как и многие транзакции с товаром приобретают оттенок взаимных обязательств» (там же). Важнее всего это то, что «предмет получает идентичность и смысл от конкретных личных отношений, в которых они передаются или в которых они имеют ... Полнота понимания социального характера объектов означает рассмотрение различных способов существования объекта и различных видов отношений и сделок, в которых они участвуют, так как они влекут за собой различные смыслы и идентичности » (Там же, с. 132-33).

Дебаты по поводу подарков и товаров демонстрируют интеллектуальную неосмотрительность стремления характеризировать целое общество с точки зрения единственной логики обмена, которая может быть истолкована как рациональный и корыстный товарообмен или как социально ориентированный и альтруистический обмен подарками. Но это позволяет нам посмотреть на разнообразие действий и отношений, которые существуют наряду с этими обменами и в определенной степени рассказывают о повседневной политике. Последний раздел этой работы описывает процесс обмена подарками в современном кыргызском обществе и обсуждает, как эти и другие подобные подарки могут быть интерпретированы в рамках Мосса, которые были расширены направлением исследований, изложенных здесь.

Подарок в постсоветском Кыргызстане

Как и везде, в регионе ритуальные торжества, которые организуются вокруг важных событий жизненного цикла, увеличились в своих масштабах в постсоветском периоде (Кёнаст и Дудвик, 2004; Ривз, 2012; Вернер, 1999). Известные под общим названием "той" на кыргызском языке, эти события обычно проходят в течение осеннего сезона и ознаменовывают события, такие как достижение зрелости, годовщины важных дней рождений и (иногда в сочетании) событий, которые предшествуют свадьбе, сами свадьбы и другие мероприятия. Эти события являются одной из основных арен, на которых кыргызское современное общество участвует в процессе обмена подарками, где подарки в широком понимании включают в себя такие вещи, как помощь (труд) и гостеприимство. Обмен подарками в современном кыргызском обществе не ограничивается этим видом событий, однако они являются одними из самых значительных и, безусловно, самыми общедоступными. Общедоступность также делает их методологически целесообразными, и поэтому, они являются этнографическим вниманием этого исследования.

Главный подарок, которым обмениваются во время тоя, известен на кыргызском языке как «кийит». Кийит обычно включает в себя подарки и контр-подарки в виде одежды, обуви, колпаков (традиционный кыргызский войлочный головной убор), а также жоолук (головной шарф). Во время свадеб, например, подарками и контр-подарками обмениваются между родственниками мужа и жены, а также между другими членами семьи и гостями хозяев (стоит отметить, что «кийит» технически обменивается между родственниками мужа и жены). Среди других предметов одежды они (подарки) включают в себя жоолук и колпак, которые преподносятся женщинам и мужчинам соответственно. Однако похожий обмен подарков не ограничивается одним событием свадьбы. Я наблюдал несколько примеров таких обменов во время «хадж той», который является современной интерпретацией тоя и свидетельствует открытие

ислама в Советском Союзе, где почетный человек возвращается с последнего паломничества в Мекку, раздает "бата" (благословение) собравшимся гостям. В данном случае эже (кыргызский термин почетной старшей женщины), которая недавно вернулась из Мекки, получила жоолук среди других денежных даров и продовольствия почти от всех взрослых гостей женского пола, присутствующих от лица членов их семей. Хотя не было смысла в очевидном квипрокво в обменах подарками, мероприятия были организованы вокруг многоразовой раздачи бата женщиной через молитву во время всего события (которое длилось несколько дней), а также совместное возлияние святой воды, которую она привезла из Мекки. Все это имело сходство с совместным распитием чая.

В частности, я упоминаю жоолук, так как я думаю, что жоолук повествует особенно интересную историю. После обретения независимости Кыргызстан все больше интегрируется в мировую экономику и глобальную цепочку товаров. Это отражается в том факте, что Кыргызстан первым среди стран Центральной Азии присоединился к Всемирной Торговой Организации в 1998 году. Эти предметы одежды обычно являются продуктами текстильной отрасли других мест в Азии, в основном, в Китае. Они начинают жизнь в более или менее чистой товарной форме, и впоследствии продаются за пределами страны, переходя несколько раз из рук в руки, прежде чем выставляются для продажи на базарах и небольших магазинах-бутиках в таких странах, как Кыргызстан. Первоначальная покупка все еще сохраняет характер товара, хотя межличностные отношения могут иметь место. (Например, если лицо, приобретающее товар, имеет предпочтительные отношения с каким-либо конкретным торговцем.) Далее, жоолук преподносится в виде дара, который в большинстве случаев становится контр-подарком и принимает форму обобщенного, а также эквивалентного и неэквивалентного подарка. Момент преподношения подарка включает в себя жест, во время которого даритель убирает пластиковую обертку от жоолук, разворачивает его, а затем с определенной манерой бросает его в воздух над склоненной головой получательницы, при этом держа сам жоолук за концы. После того, как шарф оказывается на голове, получательница смотрит вверх, и стороны шарфа аккуратно завязываются вокруг ее щек.

Затем, после небольшой паузы, шарф снимается и ложится на растущую кучу платков в руках женщины, которая стоит рядом. После этого ритуал обычно повторяется следующим гостем. Межличностная природа этого процесса отличается от следующего шага в жизни жоолук. Огромное количество жоолук обменивается в любом другом событии, тем самым уменьшая функциональную полезность одежды. Поэтому, чаще всего, они повторно дарятся на следующем тое, не придавая много внимания тому, что это может нанести оскорбление принимающей стороне, или никакого уважения к сентиментальным нормам, которые окружают подарки и контр-подарки на Западе.

Жоолук воплощает в себе несколько элементов подарков, о которых говорилось выше, а также проблематизирует другие. Повторное дарение жоолук и часто других вещей «кийит» указывает на почти полное отчуждение дающего от самого подарка, который будет обмениваться впоследствии, но манера самого обмена не несет в себе черты капиталистического товара (за гранью начала цепочки оптовых и розничных покупок с завода на базар). Непрактичность и почти полное отсутствие сентиментальной привязанности к вещи уменьшает эффективность этой вещи, которая, с другой

стороны, сама по себе подчеркивает неуместность различия между подарком и товаром. Но, с другой стороны, это побуждает нас внимательно изучить символическое значение самого обмена и отношений между дающим и получателем, как и предлагают Григорий (1997, в Харт, 2007), Аппадураи (1986) и Кариер (1991).

Смысл обмена подарками объясняется кыргызами, как проявление уважения к получателю. И действительно, это демонстрирует нам уважение перед аудиторией участников мероприятия. Кроме того, повторение подобных обменов в обоих направлениях важны для поддержания любой степени близости в чьих-либо отношениях. Обмен жоолук, который я видел во время хаджа, и несколько других подобных событий произошли не только между лицами, принадлежащими клану (и женщины) как в анализах Коллинз (2004), обмен также произошел между другими людьми, включая прошлых и настоящих соседей, друзей, бывших коллег, новых родственников мужа и жены и других родственников. Дальние родственники, которые связаны просто принадлежностью к клану, как правило, не являются главными гостями на таких событиях; отношения являются материальными и отражаются в популярной пословице, которая говорит, что «близкий сосед ценнее далекого родственника».

Заключение

Отдельные примеры Мосса, приведенные из его работы о тихоокеанском регионе, могут иметь ограниченную прямую применимость для Кыргызстана. Например, имеет ли «хау» в подарках маори какое-либо соотносительное понятие в кыргызских подарках? Концепция «хау» не всегда стремится наделять подарки метафизическими свойствами, которые являются особенностями культур маори и Полинезии. Такие примеры, однако, являются несущественными для более широкого корпуса теории подарков, которая была разработана в традиции Мосса. Скорее, наше внимание направлено на социальную жизнь подарков. Участие в тое и обмен подарками внутри него, таких как жоолук и кийит в примере кыргызов, которые приведены в этой работе, открывают большое количество отношений, имеющих большое значение, в отличие от модели, предсказанной Коллинз в ее конструкциях родственных связей (2002, 2003, 2004). Неопределенность шарфов и их путь от товара к подарку, с разной степенью отчуждения человека от вещи, раскрывает эти отношения. Таким образом, социальная жизнь жоолук и кийит, среди других форм подарков, может помочь объяснить "повседневную политику", как и было предложено Гуллетом (2010). Суть этого предложения заключалась в том, что "повседневная политика" стала основой стратегии выживания в результате экономических трудностей и истощения государства в бывшем Советском Союзе.

Список использованной литературы

1. Appadurai, A. 1986, ‘Introduction: commodities and the politics of value’, in A. Appadurai (ed.) The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective, Cambridge University Press, Cambridge.
2. Carrier, J. 1991, ‘Gifts, commodities, and social relations: a Maussian view of exchange’,
3. Sociological Forum, vol. 6, no 1:119-136.

4. Collins, K. 2002, 'Clans, pacts, and politics in Central Asia', Journal of Democracy, vol. 13, no. 3:137-152.
5. ---------- 2003, 'The political role of clans in Central Asia', Comparative Politics, vol. 35, no. 2:171-190.
6. ---------- 2004, 'The logic of clan politics: evidence from the Central Asian trajectories', World Politics, vol. 56, no. 2:224-261.
7. Douglas, M. 1990, 'Foreword: no free gifts', in M. Mauss 1990[1925], The Gift: the Form an Reason for Exchange in Archaic Societies, Norton, London.
8. Gregory, C. 1982, Gifts and Commodities, Academic Press, London.
9. Gullette, D. 2007, 'Theories on Central Asian factionalism: the debate in political science and its wider implications', Central Asian Survey, vol. 26, no. 3:373-387.
10. ---------- 2010, 'The problems of the "clan" politics model of Central Asian statehood: a call for alternative pathways for research', in E. Kavalski (ed.) Stable Outside, Fragile Inside? Post-Soviet Statehood in Central Asia, Ashgate Publishing Limited, Surrey.
11. Graeber, D. 2001, Toward an Anthropological Theory of Value: the False Coin of our Own Dreams, Palgrave, New York.
12. Hart, K. 2007, 'Marcell Mauss: In pursuit of the whole. A review essay', Comparative Studies in Society and History, vol. 49, no. 2:1-13
13. Kuehnast, K. and Dudwick, N. 2004, 'Better a hundred friends than a hundred Rubles? Social networks in transition—the Kyrgyz Republic', World Bank Working Paper no. 39, The World Bank, Washington.
14. Mauss, M. 1990 [1925], The Gift: the Form and Reason for Exchange in Archaic Societies Norton, London.
15. Sahlins, M.D. 1972, Stone Age Economics, Aldine-Atherton, Chicago.
16. Reeves, M. 2012, 'Black work, green money: remittances, ritual, and domestic economies in Southern Kyrgyzstan', Slavic Review, vol. 71, no. 1:108-134.
17. Werner, C.A. 1999, 'The dynamics of feasting and gift exchange in rural Kazakhstan', in I. Svanberg (ed.) Contemporary Kazaks, Curzon, Richmond.
18. Wilk, R.R. and Cliggett, L.C. 2007, Economies and Cultures, Westview Press, Cambridge.

Н.А.Чойбеков
Общественное Объединение Молодежной
Инициативной Группы «Самург»
координатор проектов
магистр политологии, Академия ОБСЕ
бакалавр социологии, АУЦА

РИТУАЛЫ ОБМЕНА КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЭТИКИ ИЗ ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ

Due to globalization and market economy value of culture as informal law has been decreased. Instead of regulating social relations culture is serving as camouflage to perpetuate market economy laws. Globalization and liberal economy as a consequence perpetuated into informal strata of social life and changed under own view. However, still there is part of society that is keeping and knows true meaning of culture that contains traditional knowledge and wisdom. This research attempts to show culture of gift giving from the eyes of barriers of culture, form the eyes of first nation, but not from the sided globalized modern eyes.

I

В век глобализации общества в мире теряют свои традиции и забывают их смысл. По пути модернизации общество заменяет традиции новыми или подстраивает их под себя, не всегда в лучшую сторону. Но, так или иначе, традиции как неформальный закон служат в наиболее лучшем направлении для общества. Это исследование является попыткой посмотреть на такой социальный институт, как передача подарков, с точки зрения самих носителей культуры. Для исследования было взято интервью у семи респондентов со всех регионов страны, разных по возрастной, половой, социальной, образовательной категории.

Дюркгейм высказал постулат о жизнестойкости общественных институтов. Указав, что институт, построенный на обмане, не сможет просуществовать долго в отличие от того, который хранит в себе природу вещей [3]. Такой постулат подводит к выводу, что если кыргызское общество практикует ритуалы прошлого, тогда они хранят в себе суть вещей, которые важны для общественной жизни людей. Сегодня кыргызское общество до сих пор продолжает практиковать традицию передачи подарков. Ритуал дарения во всех обществах имеет свою значимость. Например, общество Самоа в Новой Зеландии. Для них получить подарок от кого-либо означает получить вместе с подарком и сущность души самого дарителя [4], тогда как туземцы-охотники Австралии делят добычу среди членов семьи и родственников, размер добычи зависит от формы родственных связей с охотником. Авторы считают, что таким образом общество страхует охотников в будущем, что и они будут иметь право в получении такого же количества еды. Так общество обеспечивает всех едой. Авторы утверждают, что «индивиды или группы в разнообразных культурах привыкли думать, что транзакцией является сам подарок, хотя важно то, что таким образом создаются социальные связи между дарителем и получателем. Потому что взаимность – это о взаимоотношении личности с остальными» [5].

В данном исследовании традиционные ритуалы обмена в Кыргызском обществе – это кешик – передача пищи с пира участникам этого пира; ырыскы, или ырыс кешик (устукан) – передача пищи от уважаемого человека остальным во время пищеприема за праздничным столом; жыртыш – подарки на помин души после церемонии похорон. И ырыскы или ырыс – счастье – является один из синонимов счастья в кыргызском языке.

Почему эти ритуалы были выбраны для исследования? Потому что в каждом из них присутствуют традиционная философия и верование, что имеет большое значение как для индивида, так и для общества. Эти ритуалы включают не только те социальные функции, что они выполняют, но и верования, что побуждает индивидов практиковать эти ритуалы обмена.

II

Ритуал кешик для самих респондентов не считается просто остатком пищи, которую приносят домой с праздника (рождение ребенка, свадьба), но воспринимается как то, что и у попробовавшего остатки пищи с праздника тоже будет такое событие в жизни. Люди делятся этим кешиком не только с родственниками, но и с друзьями или коллегами по работе независимо от национальной принадлежности. Это верование может осуществляться не только посредствам пищи, но и предметов. Как один из респондентов указал: «Вы знаете, иногда в тех домах, где проводят той, люди могут воровать ложки, вилки с таким вот пониманием». Не только ритуал кешик сопровождается таким верованием, но и ритуал жыртыш.

Во время ритуала жыртыш верование может присутствовать только в случае, если похороны прошли у человека, который прожил долгую жизнь, у человека, у которого по общественным меркам жизнь была хорошая, у человека, который воспитал, вырастил и поднял на ноги всех детей. Этот верование распространяется независимо от того, похороны это пожилого мужчины или пожилой женщины. В таких случаях похороны воспринимаются обществом не как траур, но той. И все предметы со стола (вилки, ложки, иногда даже лоскуток скатерти) могут быть незаметно взяты с собой, сопровождаемые поверием, что и они (присутствующие) проживут 90-100 лет, как и тот человек, на чьих похоронах они были. Такое же отношение и к еде с таких похорон, еда в данном случае перенимает такую же функцию, как и кешик, и также берется с такой мыслью, что близкие дома или друзья, если попробуют пищу с таких похорон, тоже проживут долгую жизнь.

Вышеописанные ритуалы указывают на то, что значимость события или же долголетие могут передаваться через предметы, еду другим людям косвенно, без какого-либо прямого контакта с человеком, который обладал или испытал такие позитивные качества, как почтенный возраст, свадьба или рождение сына. В таком случае следующий ритуал (устакан) предполагает прямое присутствие того человека, кто является источником позитива в глазах сообщества и участвует в этом ритуале. Во всех трех ритуалах присутствует понимание – ырыскы. Ырыскы считается как то, что всевышний уготовал для каждого человека, каждый человек имеет порцию позитива от всевышнего, и когда человек получает порцию еды от другого уважаемого человека, то эту еду называют ырыс-кешик. Для того чтобы в данном ритуале присутствовало такое

же верование, как и в предыдущих, человек, что передает устакан, должен быть уважаем этим обществом. И когда он/она передает этот устакан другому члену сообщества, то произносит вслух пожелания о том, чтобы тот достиг его преклонного возраста, как и сам даритель, или достиг успехов, занял такую же должность в будущем или был так же уважаем в свое время. И когда человек принимает это, то он/она принимает это с верованием, что через этот устакан ему передается все позитивное от дарителя. Люди верят, что все его качество, его ырыскы, вся порция, что уготовил всевышний для него, будут тоже переданы получателю посредством этого устакана от дарителя. Но во время этого ритуала важно, чтобы тот человек, что передает устакан, сначала сам испробовал. Будь это устакан или иное блюдо, здесь очень важен прямой контакт источника позитива с предметом, который будет являться посредником между источником и человеком, который первый вкусит. Предполагается, что все качество человека после того, как он попробует еду или будет иметь контакт с предметом, будет обладать свойствами и позитивом источника до того момента, пока он не будет передан другому человеку. Доходит и до того, что люди незаметно могут допить остаток напитка после уважаемого человека или посидеть на том месте, где он сидел, чтобы тоже получить все позитивное от него.

III

Социологи Запада на такой феномен смотрят со своей точки зрения, не учитывая мнения самих индивидов, что практикуют те или иные культурные практики. А дефиницию самих респондентов называют самообманом и основой этих ритуалов видят символическое насилие ради экономического и культурного капитала одних над другими, но все это скрывается под самообманом общества, дабы одни подчинялись другим, но в более приятной форме. И таких взглядов придерживается французский социолог Пьер Бурдье. По его утверждению, любая символическая система или культурная практика, результат культурных практик служат для поддержания общественных правил. Они служат для управления общественной деятельностью; поддержания общественного неравноправия и иерархии в обществе. И также символическая система предписывает ценности, которые уважаемы всеми индивидами независимо от социального уровня. Вследствие символической системы создается символическое насилие, которое ведет к аккумуляции культурного и экономического капитала одних над другими. И для того, чтобы эта система продолжала работать, она создает понимание всего этого как должное, что инкорпорируется в сознание индивидов. И тогда, когда люди перестают замечать символическое насилие, Бурдье называет это самообманом [6]. Тогда на основе взгляда Запада на культурную практику кыргызов передачи подарков существуют лишь для того, чтобы поддерживать высокомерное отношение тех, кто отметил пышную свадьбу, занял высокое положение в обществе, как символическое насилие тех, кто не имеет всего этого. Через подачу символически подарков с праздничного стола одни утверждаются над другими дабы монополизировать власть и утвердить свое положение в обществе. Так же, как и ритуал устакан существует для одного, чтобы один индивид из одного социального слоя мог утвердиться над остальными через подачу устакана, а само верование, что люди получат его положение в обществе, достигнут тех же высот. И все это понятие является лишь самообманом в обществе, дабы индивиды не замечали символического насилия над собой.

Профессор из Кыргызстана Акмолдоева в своей работе «Вселенная Манаса» отметила, что «западный ориентализм характеризуется недостатком внимания на особенности тюркской кочевой культуры» [1]. Профессор утверждает в своей книге, что во время передачи подарков даритель вместе с подарком передает и свою сущность [1]. Таким образом, это подводит к тому, что существует связь между духовным и физическим миром. И это верование не есть самообман, а есть особенность тюркской культуры, которую западный ориентализм не замечает и называет самообманом. И для того, чтобы избежать невнимательного западного суждения, необходимо учитывать мнение самих индивидов, или для Запада они будут аборигенами. Необходимо смотреть через призму традиционных знаний аборигенов для того, чтобы объяснить их общественную жизнь. Тогда нужно делать анализ не западной теории о символическом насилии, а теорию с точки зрения самих аборигенов. И одной из таких теорий является теория «Тсаволк» общества из Северной Америки, которая объясняет физический и невидимый мир как переменные, тесно связанные друг с другом [2]. Во время исследования было взято интервью у манасчи, где последний указал, что «Все есть в Манасе, включая кешик. Верование о кешике в эпосе «Манас», описывается в ритуале на свадьбе Манаса с Каныкей или Айчурек и Семетея… Это доисламское верование, ритуал… Это верование свидетельствует о том, что энергия, качество и характеристики имеют свойство передаваться от одного человека к другому или от одного племени к другому, и это осуществляется посредством еды, одежды». Как дополнение к словам манасчи можно найти подтверждение в экспертном интервью с этнографом, который отметил, что «древние люди, вследствие того, что не могли отделить себя от природы, считали себя ее частью. Они не отделены от природы, они с ней одно целое. Такое универсалистическое мировоззрение подразумевало, что у частицы есть такие же свойства, что и у целого, и наоборот. Это понимание сделало возможным идею о том, что каждая часть, доля предмета, передаваемая от целого, обладает тем же качеством и свойствами».

Теория «Тсавол» говорит о том, что «физическое измерение является как зеркало или тень духовного измерения. Если духовное измерение содержит в себе положительную силу, тогда земные существа испытают положительную силу, и также относительно отрицательной, деструктивной силы. Физическая область – это, как зеркало, подразумевает особую связь» [2]. Тогда, суммируя теорию «Тсавол», ответы манасчи, этнографа и мнения самих респондентов, можно сказать, о веровании ырыскы, что это древнее верование, которое является традиционным знанием, также упоминаемым в эпосе «Манас». Верование о том, что часть имеет свойство целого,так смотрит на мир и холистическая наука. И физический мир имеет связь с духовным, в котором физический мир отражает, что есть в духовном. Тогда человек – обладатель духовных качеств − посредством физических предметов передает их другим людям. Части предмета, передаваемые от одного человека, могут перейти к большему количеству людей, так как мировоззрение древних содержало понимание, что каждая часть от целого имеет такое же свойство, что и целое.

IV

На основе объяснения понимания об «ырыскы» в ритуалах обмена в кыргызском обществе можно увидеть конструктивную выгоду для кыргызстанского общества в целом относительно этики отношения к национальностям, а также относительно

власти. Ритуал обмена подарками в совокупности с верованием об «ырыскы» поможет благоприятно повлиять на отношение к другим национальностям, проживающим на территории Кыргызской Республики. Как уже было упомянуто ранее, при ритуале «кешик» или «жыртыш» гости, поучаствовавшие в пиршестве, что имело положительную окраску, передают остатки пищи своим близким и друзьям, коллегам, которые, в свою очередь, необязательно должны быть кыргызами по этничности. При передаче «кешика» представителям некыргызкой национальности все равно само блюдо передается с верованием об «ырыскы». И таким образом получатель и тот, кто угощает человека другой этничности, провозглашаются на символическом уровне как уважаемые и близкие люди. Получатель, принимая и осознавая значимость угощения, как «ырыскы» проникается доверием и уважением к дарителю, как и сам даритель. Верование «ырыскы» относительно межнационального отношения может сократить недоверие между различными нациями, а в особенности представителей кыгызской национальности с другими.

Также на основе понимания «ырыскы» можно увидеть конструктивную выгоду для общества через ритуал «устакан», или, как еще его называют, «ырыс-кешик». Во время ритуала «устакан» уважаемый человек обязан поделиться этой символической властью с окружающими или передать это самому младшему в семье. Передавая эту символическую власть, он указывает, что он или она не являются индивидами из разных социальных стратификаций, он или она, таким образом, сокращают дистанцию между собой и провозглашают себя как одно целое. Сама символическая еда, что содержит в себе символическую власть, подразумевает символический и культурный капитал. При разделении его с окружающими человек не монополизирует власть, так как есть закон о том, что тот, кому было выражено почтение посредством устакана, обязан поделиться с окружающими. Так, распределяя этот символический капитал среди остальных, власть перестает быть только в одной социальной стратификации, а теперь существует во всех стратах и иерархиях. Такой ритуал подразумевает, что власть никто не имеет права монополизировать, а посредством верования об «ырыскы» власть будет передаваться к окружающим. Этот ритуал показывает, что власть передается окружающими людьми определенному человеку. Власть принадлежит обществу, где семья, пригласившая гостя, награждает его предметом, что символизирует почет и уважение. Тогда верование об «ырыскы» в ритуале «устакан» не есть самообман, а общественный закон, который гласит, что никто не имеет права монополизировать власть, даже если эта власть передана всеми членами этого общества определенному лицу.

V

К сожалению, исследование показало, что молодое поколение, которое получило западное образование, которое говорит на русском лучше, чем на кыргызском, которое живет в больших городах, по сравнению с сельской молодежью современного кыргызского общества практикует ритуалы передачи подарков без осознания верования об «ырыскы». Такая молодежь видит такие ритуалы, как «кешик» выражением благодарности хозяина пиршества за то, что гости к нему пришли. Или же объясняют «кешик» как попытку избавиться от чрезмерного остатка пищи после пира. Для других молодых людей «кешик» подразумевает отношение дарителя к получателям кешика. Если же кешик по цене дорогой, то это показывает почтение дарителя к получателю. Если же это конфеты за 50 или 250 сом, то это отражает

отношение человека в зависимости от цены кешика. Так мы видим, что молодое поколение пытается объяснить церемонию дарения подарков как пережитки прошлого, а верование об «ырыскы» среди такого поколения забывается. Но в случае, когда задаешь наводящие вопросы молодежи, родившейся в 90-е годы, то они все еще могут припомнить верование «ырыскы» и посмотреть на эти ритуалы новым взглядом. Также меркантильная интерпретация присуща не только молодому поколению, но и уже пожилому. Для них помимо верования об «ырыскы» существует еще и понимание, что через стоимость кешика они измеряют отношение хозяина к гостям, возможно, сегодня как даритель, так и получатель не только учитывают верование «ырыскы», но и учитывают меркантильность как во время дарения кешика, так и во время получения его. И чем дальше общество будет идти по пути алчных рыночных отношений, тем больше вероятность того, что общество забудет о духовном, о тех позитивных моментах, и это может отразиться на общественной жизни людей.

Список использованной литературы

1. Akmoldoeva.Sh.B. VselennayaManasa. Bishkek: Arabaeva Kyrgyz State University, 2009.-160; 128с.
2. Atleo, R. A Nuu-chah-nulth Worldview.Tsawalk. Vancouver: UBC Press,2004.-119;18с.
3. Calhoun.C., Moody.J.,Ptaff.S. Classical Social Theory.2nd ed. Hoboken. NJ: Whiley John & Sons. Inc: 2001.-150-170с.
4. Mauss, M. The Gift: The Form and Reason For Exchange in Archaic Societies. London: Routledge, 1990.-12с.
5. William A.H., H. E.L.Prins, D. Walreth, B. McBride. Cultural Anthropology: The Human Challenge, Twelfth Edition. Belmont, CA. USA: Thomson Wadsworth,2008.-186с.
6. Hancock, B. and R. Garner. “Habitus, body, practice,” in Changing Theories: New Direction in Sociology. University of Toronto Press, 2009.-170с.

СОДЕРЖАНИЕ

Торогельдиева Б.М. Влияние курултаев на политические процессы современного Кыргызстана 3
Арзыматова А.А. Реанимация традиционных форм управления государством и попытки формирования параллельной власти в Кыргызстане 12
Косаков С.К. Курултай как народный консультативно-координационный орган социального контроля в механизме государственной власти 16
Борубашов Б.И. Курултай – отражение кыргызской демократии 25
Самаков А.Т. Курултай и поиски политической идентичности в Кыргызской Республике 32
Абдрасулов С.М. Онтологические основы в управленческой культуре кыргызов 45
Мусурманкулов Э. Отражение ценностей «уруучулук» (трайбализм) в политических процессах современного Кыргызстана 51
Джуманалиев Т.Д. Феномен трайбализма или этническая идентичность 54
Коротовских Е.В. Основные причины возникновения трайбализма в Кыргызстане, его положительные и отрицательные тенденции в историческом аспекте 62
Егиналиев М.С. Политический менеджмент и традиционализм политической культуры государственных служащих 67
Ахметов А.С. Правовая культура пи гражданское общество 73
Жунушова С.О. Специфика политической идентификации молодежи Кыргызстана в контексте глобализации и мультикультурализма 78
Темиркулов А. Регионализм, непотизм, коррупция: выводы для гражданского общества 84
Аалиева Г.К. Роль и место пассионарности в истории кыргызской государственности 97
Торогельдиева Б.М., Абдразакова А.М. Традиционные символы в брендинге политических институтов Кыргызской Республики 101
Сариева К. Салттуулукка кайрылуу менен заманбаптыкка умтулуудагы карама-каршылыктар 110
Алдашева А.Б. Миграционная политика РФ и институт посредничества 115
René Provis. Gifting as an alternative window Into kyrgyz social relations 121
Рене Провис. Дарение подарков как альтернативное окно в социальные отношения кыргызов 128
Чойбеков Н.А. Ритуалы обмена как отображение политической и социальной этики из традиционных знаний 136

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Номер 18 2013

Редактор *С.Е.Аксененко*
Компьютерная верстка *С.Е.Аксененко*

Подписан к печати 26.03.2013.
Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Объем 15,4 уч.-изд. л. 19,25 усл. печ. л.
Тираж 400 экз.